

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
«КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ФЕВЗИ ЯКУБОВА»

На правах рукописи

Сурган Марина Александровна

**Психологические особенности представлений о смысле жизни
интернет-активной молодежи**

Специальность: 5.3.1. Общая психология, психология личности,
история психологии (психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук, профессор
А.И. Лучинкина

Симферополь, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ.....	15
1.1. Теоретические подходы к исследованию понятия смысла жизни в научной литературе	15
1.2. Смысл жизни как динамическая смысловая система.....	41
1.3. Особенности смысловой сферы интернет-активной молодежи...	60
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	82
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ.....	84
2.1. Методологические основы построения исследования представлений о смысле жизни у интернет-активной молодежи.....	84
2.2. Эмпирическое исследование особенностей когнитивного уровня динамической системы смысла жизни интернет-активной молодежи.....	93
2.3. Эмпирическое исследование особенностей периферических уровней динамической системы смысла жизни интернет-активной молодежи.....	124
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	160
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	163

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования. На современном этапе общественного развития цифровая среда выступает значимым условием социализации, личностного развития и смыслового самоопределения молодежи. Интернет-пространство функционирует не только как средство коммуникации и получения информации, но и как пространство социальной активности, самопрезентации, построения идентичности и ценностного выбора. Для молодых людей, находящихся на этапе профессионального, личностного и мировоззренческого самоопределения, цифровая среда становится одним из существенных контекстов, в котором формируются представления о себе, других людях, будущем, жизненных целях и способах самореализации.

Юношеский и ранний взрослый возраст являются периодом интенсивного мировоззренческого самоопределения, выработки жизненных целей, становления устойчивой системы ценностей и решения смысложизненных задач. В данном контексте представления о смысле жизни приобретают особую психологическую значимость, поскольку связаны с согласованием жизненных целей, ценностей, мотивов, эмоционального отношения к жизни и повседневной активности. Поэтому изучение смысложизненной сферы молодежи позволяет глубже понять психологические механизмы ее адаптации, самоопределения и субъектного развития.

Современная интернет-среда создает новые возможности самовыражения, расширения социальных контактов, доступа к образовательным, профессиональным и культурным ресурсам. Вместе с тем высокая включенность в виртуальное пространство может быть связана с изменением характера межличностного взаимодействия, усилением опосредованности жизненного опыта, фрагментацией внимания, зависимостью от внешней оценки, трансформацией образа Я. В связи с этим особое значение приобретает не только количественная характеристика интернет-активности, выражающаяся в частоте и длительности использования сети, но и психологическая характеристика

виртуальности, отражающая степень субъективной значимости цифровой среды как пространства общения, самореализации и смыслообразования.

В отечественной и зарубежной психологии накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, посвященный проблеме смысла жизни, смысложизненных ориентаций, ценностно-смысловой сферы и личностного самоопределения. Исследования Д. А. Леонтьева, В. Э. Чудновского, Б. С. Братуся, К. В. Карпинского и других авторов позволяют рассматривать смысл жизни как сложную динамическую систему, связанную с направленностью личности, жизненными целями, субъективной осмысленностью, локусом контроля и способами реализации жизненных ценностей. В то же время значительная часть этих исследований была разработана вне контекста современной цифровой социализации, что актуализирует необходимость обращения к новым условиям формирования смысложизненной сферы.

С другой стороны, в современной психологии активно изучаются феномены интернет-социализации, виртуальной идентичности, цифровой коммуникации, проблемного использования интернета, онлайн-самопрезентации и влияния цифровой среды на личностное развитие. Однако эти исследования нередко сосредоточены преимущественно на коммуникативных, поведенческих, аддиктивных или социально-психологических аспектах интернет-активности. Вместе с тем в имеющихся исследованиях остается недостаточно раскрытым, как уровень виртуальности соотносится с тем, какие смысловые содержания актуализируются у молодежи и каким образом они организуются в представлениях о смысле жизни. В связи с этим исследовательский интерес направлен на выявление психологических особенностей представлений о смысле жизни у молодежи, для которой интернет-пространство выступает значимой сферой.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Философский подход к проблеме обращен к вопросу о ценностных и

экзистенциальных основаниях человеческого существования, тогда как социологический анализ акцентирует связь жизненных смыслов с социальной структурой, коллективными представлениями и формами самоопределения личности (М. Вебер [1990], Э. Дюркгейм [1996], Б. М. Емалетдинов [2008], З. Г. Максютлова [2009], А. В. Мальцев [2008], Т. Парсонс [1998], А. Шюц [2004]). В педагогических исследованиях акцент смещается на становление мировоззрения, развитие смысложизненных ориентиров и сопровождение личности в период юности (С. Э. Берестовицкая [2018], Д. В. Григорьев [2000], И. Н. Ульянова [2008; 2009; 2021]). Указанные направления раскрывают смысл жизни через ценностные основания, социальную обусловленность и воспитательные аспекты, однако не описывают внутренние психологические механизмы формирования представлений о смысле жизни, их структурную организацию и специфику функционирования в юношеском возрасте.

В зарубежной и отечественной психологии сформированы фундаментальные представления о смысле жизни как о центральном образовании личности, связанном с ценностями, целями, мотивами, жизненной перспективой и регуляцией жизнедеятельности. Существенный вклад в разработку проблемы внесли И. В. Абакумова [2017], Б. С. Братусь [1999], Л. С. Выготский [2019], К. В. Карпинский [2012; 2013; 2014; 2019], А. Н. Леонтьев [2005], Д. А. Леонтьев [2000; 2003; 2005], В. Э. Чудновский [2015] и др. В рамках данного направления исследованы структура и функции смысловой сферы, механизмы смыслообразования, структурно-содержательные характеристики смысла жизни и его регулятивная роль в организации жизненного выбора и жизненного пути личности.

Отдельное направление исследований составляют работы, посвященные цифровой социализации, цифровой идентичности, виртуальной личности и трансформации ценностно-смысловой сферы в условиях цифровой среды. В отечественной психологии данная проблематика представлена трудами Л. В. Буры [2020; 2023; 2025], М. В. Клементьевой [2024], Т. Г. Лешкевич [2020],

А. А. Лисенковой [2017], А. И. Лучинкиной [2014; 2015; 2016; 2019; 2020], И. С. Лучинкиной [2023], Т. А. Наумовой [2007], Е. И. Рассказовой [2023], Е. А. Рыльской [2009; 2021], В. С. Собкина [2019], Г. У. Солдатовой [2018; 2021; 2023; 2024], Г. Л. Тульчинского [2017], А. В. Федотовой [2019] и др., в которых цифровая среда рассматривается как значимое условие социализации, определяющее новые формы социального опыта, коммуникации, идентификации и самопрезентации, а также влияющее на мотивацию, ценностные ориентации и смысловую сферу личности. С. Со, С. Талайфар и Г. М. Харари [2024] рассматривают цифровую среду как значимый фактор становления идентичности в подростковом и юношеском возрасте и описывают механизмы, посредством которых цифровой опыт переносится в реальное пространство жизнедеятельности. По данным В. Перес-Торрес [2024], социальные сети оказывают влияние на становление идентичности, поскольку создают условия для самопредъявления, сравнения себя с другими, освоения ролевых образцов и получения обратной связи от сетевой аудитории. А. Сала и соавторы [2024] показывают, что связь между использованием социальных сетей и психическим благополучием подростков имеет нелинейный характер и зависит от индивидуальных характеристик личности, типа использования цифровых ресурсов и особенностей самих платформ.

Наиболее близкими к теме настоящего исследования являются работы, Р. И. Зекерьяева [2020; 2021], А. А. Коршак [2023; 2024], выявившей различия отдельных смысложизненных характеристик при разной выраженности интернет-активности, С. С. Быковой [2021], сопоставившей ценностные и смысложизненные ориентации студентов с различной выраженностью интернет-зависимости. В исследованиях Е. Е. Белоусовой [2021], Н. Н. Биктиной [2019], П. Н. Ермакова [2021], М. В. Созиновой [2023], М. А. Чан-Сян [2023] рассматриваются особенности смысложизненных ориентаций пользователей социальных сетей, их связь со стратегиями трансляции смыслов, сетевым статусом личности и цифровой идентичностью. В зарубежной литературе данная

проблематика также получает развитие. Р. Б. Манн и Ф. Блумберг [2022] показали, что у подростков использование социальных сетей, сетевая самопрезентация, социальное сравнение и самооценка связаны с рефлексией возможных Я, то есть со способами осмысления собственного будущего и границ самореализации. С. Карайигит и соавторы [2025] на выборке молодых взрослых установили, что время, проводимое в социальных сетях, и удовлетворенность их использованием связаны с наличием смысла, поиском смысла и кризисом смысла. Существенный интерес представляют и исследования, в которых смысл жизни рассматривается как психологический медиатор или защитный фактор в контексте проблемного использования интернета. У. Ван и соавторы [2023] в продольном исследовании показали, что смысл жизни опосредует связь между самоконтролем в цифровой среде и проблемным использованием интернета. В другой работе У. Ван, С. Ма, С. Хань и С. Чжао [2023] установили, что адаптированность к цифровой среде отрицательно связана с интернет-зависимостью, а смысл жизни и тревожность выступают медиаторами этой связи. К. Чжоу и соавторы [2024] показали, что при анализе интернет-зависимости подростков показатель осмысленности жизни может рассматриваться наряду с удовлетворенностью жизнью как значимый медиатор и модератор в системе социальных отношений. Эти исследования особенно важны для настоящей диссертации, поскольку они подтверждают значимость смысловой проблематики при анализе цифрового поведения молодежи, однако преимущественно сосредоточены на интернет-зависимости, самоконтроле и благополучии.

В имеющихся исследованиях описаны особенности смысловой сферы личности, а также психологические аспекты включенности молодежи в цифровую среду. В то же время в существующих исследованиях практически не представлен целостный анализ того, как уровень виртуальности связан с содержательными, структурными и регуляторными характеристиками представлений о смысле жизни у интернет-активной молодежи.

Научная проблема исследования связана с необходимостью выявления психологической специфики представлений о смысле жизни у интернет-активной молодежи и определения того, как уровень виртуальности соотносится с содержательными, структурно-организационными и регуляторными характеристиками этих представлений.

Цель исследования – выявить психологические особенности представлений о смысле жизни у интернет-активной молодежи с разным уровнем виртуальности.

Объект исследования – представления о смысле жизни как психологическое образование, включающее ценностные основания, жизненные цели, личностно значимые источники смысла и переживание осмысленности жизненного пути.

Предмет исследования – содержательные, структурно-организационные и регуляторные характеристики представлений о смысле жизни интернет-активной молодежи.

Гипотезы исследования.

1. Представления о смысле жизни интернет-активной молодежи могут быть рассмотрены как целостное психологическое образование, включающее когнитивный, аффективный, мотивационный и конативный уровни.

2. В зависимости от уровня виртуальности у интернет-активной молодежи могут быть выявлены различия в когнитивном уровне представлений о смысле жизни, проявляющиеся в особенностях смысложизненных ориентаций, содержательной структуры смысла жизни, а также в параметрах организации смысложизненных представлений.

3. Различия в уровне виртуальности могут быть сопряжены с особенностями периферических уровней динамической системы смысла жизни: эмоционального восприятия жизненных обстоятельств, мотивационной сферы и интенциональной направленности повседневной деятельности.

Задачи исследования:

1. Определить теоретико-методологические подходы к исследованию представлений о смысле жизни личности и уточнить специфику их формирования в условиях интернет-социализации.
2. Теоретически обосновать психологическую модель смысла жизни как динамической смысловой системы и определить формы его репрезентации в сознании личности.
3. Эмпирически исследовать когнитивный, аффективный, мотивационный и конативный уровни представлений о смысле жизни у молодых людей с разным уровнем виртуальности.
4. Выявить различия в содержательных и структурно-организационных характеристиках смысла жизни у интернет-активной молодежи с разным уровнем виртуальности.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: деятельностно-смысловой подход (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев); концепции смысловой сферы личности и смысловой регуляции жизнедеятельности (Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, А. В. Серый, М. С. Яницкий); концепция смысла жизни как динамической смысловой системы личности (Д. А. Леонтьев); концепции структурной организации и психологических характеристик смысла жизни (П. Вонг, К. В. Карпинский, В. Э. Чудновский); теория интернет-социализации личности и концепции цифровой социализации и виртуальной личности (А. И. Лучинкина, И. С. Лучинкина, Г. У. Солдатова).

Методы исследования: теоретический анализ, эмпирическое сравнительное исследование. В качестве эмпирических методов исследования использовались: опросник «Личность в виртуальном пространстве» (А. И. Лучинкина) – для определения уровня виртуальности и вовлеченности личности в виртуальное пространство; методика мини-сочинения «Смысл жизни для меня – это...» с последующим контент-анализом – для выявления содержания представлений респондентов о смысле жизни; методика «Тест

смыслоразностных ориентаций» (Д. А. Леонтьев) и методика «Диагностика смыслоразностных ориентаций, широты и глубины смысла жизни» (К. В. Карпинский) – для исследования когнитивного уровня динамической системы смысла жизни; методика «Субъективная картина жизненного пути личности» (Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов) и опросник «Черты эмоционального интеллекта – краткая версия» (К. Петридес, А. Фернхем, адаптация Е. А. Крюковой, М. А. Шестовой) – для исследования аффективного уровня; методика «Тест юмористических фраз» (А. Г. Шмелев, В. С. Бабина), методика «Опросник оценки уровня притязаний личности» (В. К. Гербачевский), а также «Опросник смысла жизни» (М. Стегер и др., адаптация С. П. Елшанского) – для исследования мотивационного уровня; методика «Диагностика опосредованности смысла жизни» (К. В. Карпинский) – для исследования конативного уровня.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием методов математической статистики в программе SPSS 22.0; для оценки различий между независимыми выборками применялся непараметрический Н-критерий Краскела–Уоллиса.

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 240 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, являющихся пользователями сети интернет и обучающихся в Крымском инженерно-педагогическом университете имени Февзи Якубова.

Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования обеспечены соответствием теоретико-методологических положений выбранному диагностическому инструментарию, использованием взаимодополняющих качественных и количественных методов, адекватных цели и задачам исследования, применением психодиагностических методик с подтвержденными показателями надежности и валидности, а также статистической обработкой эмпирического материала.

Основные научные результаты, полученные лично автором, и их научная новизна. Уточнено понимание представлений о смысле жизни как целостного психологического образования, связанного со смысловой сферой личности и проявляющегося на когнитивном, аффективном, мотивационном и конативном уровнях. На этой основе предложена теоретическая модель динамической системы смысла жизни интернет-активной молодежи, в которой учитывается соотнесенность когнитивных, аффективных, мотивационных и конативных проявлений динамической системы смысла жизни с включенностью в интернет-среду. Выявлены психологические особенности представлений о смысле жизни у интернет-активной молодежи, различающейся по уровню виртуальности. Показано, что различия между группами затрагивают когнитивный уровень динамической системы смысла жизни и выражаются в изменении показателей осмысленности жизни, смысложизненных ориентаций, а также отдельных структурно-содержательных характеристик смысложизненных представлений. Установлено, что различия, связанные с уровнем виртуальности, проявляются не только на когнитивном, но и на периферических уровнях динамической системы смысла жизни. Выявлены особенности эмоционального принятия жизненных обстоятельств, эмоционального интеллекта, мотивационно-притязательной сферы, а также степени включенности смысложизненных ценностей в повседневную деятельность. Показано, что наиболее выраженная связь смысложизненных ценностей с их реализацией в текущих целях, планах и программах деятельности характерна для респондентов с низким уровнем виртуальности. В совокупности полученные результаты полученные результаты конкретизируют характер связи уровня виртуальности с содержательными, ценностными и организационными характеристиками представлений о смысле жизни молодежи и расширяют научные представления о динамической системе смысла жизни у молодежи, активно включенной в интернет-среду.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что полученные результаты позволили уточнить особенности представлений о смысловой организации личности интернет-активной молодежи. Полученные данные показывают, что уровень виртуальности связан не только с отдельными смысложизненными показателями, но и с содержательными, ценностными и регуляторными характеристиками динамической системы смысла жизни. Это позволяет расширить представления о смысложизненном развитии в юношеском возрасте и конкретизировать роль интернет-среды в организации жизненных целей, ценностей и способов их реализации.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью использования полученных данных в психологическом сопровождении студентов и молодежи, активно включенных в цифровую среду. Результаты исследования могут быть использованы в диагностической, консультативной и профилактической работе с интернет-активной молодежью, при разработке программ психологической поддержки, направленных на развитие осмысленности жизни, прояснение ценностных ориентиров, формирование жизненных целей и усиление связи между смысложизненными ценностями и текущей деятельностью. Материалы исследования также могут быть востребованы в образовательной практике при разработке программ личностного самоопределения молодежи.

Положения, выносимые на защиту.

1. Представления о смысле жизни интернет-активной молодежи целесообразно рассматривать как целостное психологическое образование, включенное в структуру смысловой сферы личности и представленное когнитивным, аффективным, мотивационным и конативным уровнями.

2. Уровень виртуальности выступает психологическим фактором, связанным с особенностями представлений о смысле жизни интернет-активной молодежи. С повышением виртуальности снижаются общая осмысленность жизни, выраженность жизненных целей, удовлетворенность процессом жизни и

субъективный контроль; изменяются отдельные структурно-содержательные параметры смысловых представлений, прежде всего показатели дифференциации и широты смысла жизни, усиливается выраженность эгоцентрических и ситуативных смысловых компонентов.

3. Психологические особенности представлений о смысле жизни интернет-активной молодежи проявляются и на периферических уровнях динамической системы смысла жизни. Различия, связанные с уровнем виртуальности, обнаруживаются в эмоциональном принятии жизненных обстоятельств, характеристиках эмоционального интеллекта, мотивационно-притязательной сфере и степени включенности смысловых ценностей в повседневную деятельность.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения, выводы, результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры психологии факультета психологии и педагогического образования Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (Симферополь, 2024, 2025, 2026 гг.) и были представлены на: II Международной конференции «Научные чтения памяти Февзи Якубова» (Симферополь, 2024); III Международной конференции «Научные чтения памяти Февзи Якубова» (Симферополь, 2025); Научно-методологическом семинаре «Психолого-педагогические исследования: концепции, методы и перспективы» (Симферополь, 2025); Международной научно-практической конференции «Психология социализации личности в современных условиях» (Симферополь, 2025); XIII Международной научно-практической конференции «Образование, воспитание и педагогика: традиции, опыт, инновации» (г. Пенза, 2026).

Публикации. По теме исследования опубликовано 5 работ общим авторским объемом 2,52 п.л.; из них 4 – в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов кандидатских диссертаций.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы,

включающего 246 наименований, в том числе 57 – на иностранном языке. Работа проиллюстрирована 7 таблицами, 21 рисунком. Объем работы составляет 192 страницы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

1.1. Теоретические подходы к исследованию понятия смысла жизни в научной литературе

Проблема смысла жизни занимает устойчивое место в системе социально-гуманитарных исследований, поскольку обращена к основаниям человеческого существования, ценностного выбора и жизненного самоопределения. Ученые рассматривают ее с различных позиций и исходя из различных методологических оснований, что обусловлено неоднозначностью и многоаспектностью категории «смысл жизни». Так, К. Обуховский указывает на междисциплинарный характер самого понятия «смысл» [119].

Смысложизненная проблематика является одной из ключевых в философии: «смысл человеческого бытия – один из самых ранних объектов философской и этической рефлексии, неотделимых друг от друга в своем генезисе» [55, с. 16-17]. При этом в каждую культурно-историческую эпоху складывались собственные направления и подходы к осмыслению данной проблемы:

В античной философии проблема смысла жизни рассматривалась через категории блага, добродетели, счастья и предназначения человека [107]. Философия данного периода формировалась на основе космоцентричных представлений, что оказало значительное влияние на понимание человека и его места в мире. Космос рассматривался как смысловой центр, поскольку философы исходили из «единства космоса, жизни и разума, единства человека, человечества и Вселенной» [91, с. 1015]. Основу теорий древнегреческих философов о смысле жизни составляли идеи о важности выстраивания жизни в гармонии с природой и добродетели как средства продолжения нравственного дела, заложенного в природе и продолжающегося в человеческом обществе [62]. Эвдемонисты связывали смысл жизни с понятием счастья. Так, Демокрит цель

жизни видел в счастье и благе, но не сводил данные категории к телесным наслаждениям и удовольствиям. Счастье согласно Демокриту – это «спокойствие души», внутренняя устойчивость, гармония, размеренность (симметрия), безмятежность, но не бездеятельность. Одним из неперенных условий счастья Демокрит считает меру как упорядоченность желаний человека [39, с. 145-148]. Схожую точку зрения высказывал и Зенон, видевший достижение высшего блага в жизни в согласии с собой [178, с. 168-169]. Сократ основания счастливой жизни связывал не столько с чувством меры и знаниями, сколько с добродетельностью [4]. У Аристотеля вопрос о человеческой жизни получает этико-телеологическое осмысление: поступки человека рассматриваются через их направленность к определенному благу. При этом философ различает частные цели, подчиненные другим задачам, и высшую цель, ради которой человек совершает выбор и организует свою деятельность. В качестве такой цели выступает счастье, понимаемое как благо, ценное само по себе, завершенное по своему содержанию и достаточное для определения полноты человеческой жизни [6]. Категорию счастья философ определял как «деятельность сообразно добродетели» [6, с. 15]. Если добродетель в понимании Аристотеля выступает целью счастливой жизни, поскольку она «делает правильной цель», то рассудительность философ считает средством ее достижения. Поскольку счастливой является добродетельная жизнь, она состоит не из потех и развлечений, а «сопряжена с добропорядочным усердием». Рассматривая понятия блага, Аристотель указывает на относительность одного и того же блага: «в самом деле для одних счастье – это нечто наглядное и очевидное, скажем, удовольствие, богатство или почет у разных людей разное, а часто для одного человека счастье – то одно, то другое, ведь, заболев, [люди видят счастье] в здоровье, а впад в нужду, – в богатстве» [6, с. 15]. Философ выделяет три типа образа жизни: гедонистический, нацеленный на получение наслаждения, государственный, нацеленные на приобретение почета, и созерцательный. Первые два Аристотель оценивает отрицательно, хотя

признает, что они являются наиболее распространенными [6]. Вместе с тем, по мнению философа, человеческой природе соответствует стремление к «совершенной деятельности», соответствующей высшим добродетелям, т.е. созерцательной, именно она является смыслом жизни и способствует самоосуществлению человека [44, с. 52]. Аристотель подчеркивал важность правильного выбора цели жизни, указывая на то, что на данный выбор оказывают влияние различные жизненные факторы. В связи с чем особая роль отводится нравственному воспитанию и просвещению как инструментам формирования правильных ценностей. Свобода выбора является значимой частью учения Аристотеля: обществу необходимо обеспечить индивиду возможность выбирать цель и стиль жизни, вместе с тем истинная цель жизни отдельного человека не может противоречить интересам общества [44].

А. А. Гусейнов отмечает, что Аристотель в своей теории предпринял попытку объединения индивидуалистического и общественно-ориентированного подхода [44]. Он одним из первых стал рассматривать с этических, гносеологических, онтологических позиций категорию цели деятельности во взаимосвязи с категорией причины. Поднятый философом вопрос свободы выбора и ее влияния на цель и смысл жизни оказал значительное влияние на последующие теории смысла жизни.

Характеризуя античные теории смысла жизни, следует также отметить индивидуалистическую теорию Эпикура, в рамках которой смысл жизни связывался с понятием атараксии – «свободы от страданий и тревог». Именно стремление избежать страданий и достичь удовольствия, по мнению Эпикура, соответствует человеческой природе. Философ предложил ряд принципов построения осмысленной жизни: принцип умеренности в удовольствиях и ограничения желаний, предпочтительность духовных наслаждений, заключающихся в первую очередь в приобщении к истинному знанию. Эпикур выдвигал идею невозможности жизни ради будущего, поскольку такая позиция наполняет жизнь тревогами и страхом, поэтому жить следует, думая о

настоящем. В отличие от Аристотеля Эпикур считал, что к общественным делам следует относиться безразлично, а основную задачу общества видел в обеспечении условий для счастливой жизни человека [109].

В античной философии также поднимался вопрос соотношения проблемы смысла жизни и проблемы смерти. Например, Тит Лукреций Кар указывает на бессмысленность тревог о смерти, а также обосновывает целесообразность круговорота жизни [152]. Именно конечность человеческой жизни позволяет сделать ее осмысленной, поскольку осознание своей смертности приводит к стремлению человека более полно использовать отведенное ему время.

Таким образом, в античной философии были сформулированы ключевые вопросы и заложены направления исследования смысложизненной проблемы. Древнегреческие философы рассматривали проблему смысла жизни в основном с субъективно-идеалистических имманентных позиций и искали смысл жизни в самом бытии и природе человека, выработав ряд значимых положений: смысл жизни является одной из основных ценностей; цель жизни связана с понятием высшего блага; человек может свободно и осознанно выбирать цель своей жизни, но данный выбор должен основываться на истинном знании, добродетелях, осознании приоритетности духовных, а не материальных ценностей [140]. Существенным является положение о том, что жизненная цель не сводится к умозрительному представлению о желаемом: «значимой характеристикой в понимании смысла жизни выступает самотрансценденция – человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то» [4, с. 34].

В Средние века формируется новый подход к сущности и предназначению человека, в рамках которого человек рассматривается как «образ и подобие Божия», а смысл жизни – как служение Богу. Так, Филон Александрийский цель жизни видел в «уподоблении Богу», то есть «богопознании». Предельную цель жизни, заключающуюся в познании сущности Бога, Филон признавал недостижимой, поскольку она предполагает отождествление творения с

творцом. В качестве достижимой цели мыслитель называл постижение мудрости и бесстрастия через развитие благородных задатков, образование, упражнения [118]. Аврелий Августин истинный смысл жизни человека связывал с поиском божественной истины, служении божественному и стремлении к духовному преображению [112]. Фома Аквинский связывал смысл жизни с обращенностью к Богу, высшее осуществление человеческой жизни он видел в познании и блаженном созерцании Бога, которое в полной мере возможно только за пределами земного существования [59]. В целом средневековое понимание смысла жизни формировалось в русле теоцентрической картины мира [43].

В эпоху Возрождения проблема смысла жизни начинает рассматриваться сквозь призму внутреннего мира индивида: «человек обретает самостоятельность и смысл не в Боге и мире грядущем, а в самом себе и том, что он делает» [37, с. 8]. Значительный вклад в теоретический анализ проблемы смысла жизни внесли философы Нового времени. Представители идеалистического направления философии противопоставляли личные наслаждения долгу и морали [129]. Так, И. Кант, хотя не обращается непосредственно к понятию смысла жизни, но вносит значительный вклад в развитие идеи долга как объективного начала в человеке, позволяющего ему реализоваться как моральное существо, и субъективного принципа нравственности [92]. Смысл жизни Кант рассматривает не как существующий обособленно атрибут реальности, но как проявление личности, осознающей свое человеческое бытие. Согласно Канту, нравственные законы выступают мотивом поведения человека, а следование долгу наполняет жизнь смыслом [37].

Г. Гегель рассматривал проблему смысла жизни с позиций диалектического подхода, сопоставляя единичное и общее, субъективное и объективное. Философ указывал на то, что человек обладает бесконечной ценностью и «является целью в себе самом благодаря своему божественному началу» [38]. Г. В. Лобастов, анализируя понятие нравственности в философии Гегеля, приходит к выводу, что в нравственности, согласно Гегелю, отражается

реальное отношение человека к человеку, к своей социальной природе, а следовательно, именно нравственность выражает смысл человеческого существования [89].

В трудах А. Шопенгауэра смысложизненная проблематика представлена в ее связи с понятиями мира и воли. Философ пришел к выводу, что смысл жизни связан с осознанием того, что этот мир наполнен скорбью и обретение смысла жизни требует искоренения в себе «воли к жизни» [5].

Важным для развития философских представлений о смысле жизни стал тезис Ф. Ницше о том, что в жизни индивида нет смысла и цели, которые были бы заданы изначально, а значит, человек должен выбирать их самостоятельно. Смысл жизни философ связывал с преодолением индивидом самого себя в стремлении к самосовершенствованию и самореализации для достижения высшего уровня существования [117].

В концепции К. Маркса человеческая жизнь рассматривается в деятельностном аспекте: «вместо выделения некой, всегда гипотетической, метафизической сущности человека марксизм предлагает обратиться к реальной деятельности индивида, в которой эта сущность так или иначе, в зависимости от того или иного типа функционирования общественного производства и складывающихся в результате социальных отношений выявляется, обретает зримые формы и может быть познана» [151, с. 195]. Таким образом, представления о смысле жизни человека в марксизме тесно связаны с социальным и историческим контекстом, реализовать смысл человек может только через общество.

Э. Гуссерль разработал феноменологическую концепцию, в рамках которой смысловые характеристики предметности раскрываются через интенциональную активность сознания. При этом сознание не просто отражает мир, а конституирует его смысл в актах восприятия и осмысления [45].

В философии новейшего времени смысложизненная проблематика рассматривалась в рамках экзистенциализма. К. Ясперс указывал на то, что

смысл жизни невозможно объяснить рационально. Большая часть людей воспринимают жизнь как свое наличное бытие и проживают ее, следуя принятым ценностям, стереотипам, моде. Вместе с тем истинный смысл жизни может быть познан человеком только в пограничных ситуациях, которые «пробуждают субъект к экзистенции через радикальное потрясение его существования» [187, с. 79], такими ситуациями могут быть «смерть, вина и ненадежность мира». Ясперс признавал, что смысл жизни может быть найден через самопознание, творчество, межличностные отношения, при этом особую роль играют субъективный опыт индивида, свобода и ответственность перед собой и другими.

М. Хайдеггер человеческое бытие понимал как особый вид бытия – «вот-бытие» [208]. Бытие человека вовлечено в мир, который он воспринимает и интерпретирует. При этом индивид оказывается в мире не по своей воле, а его жизнь сопровождается постоянным переживанием чувства страха. Страх, особенно страх смерти, согласно Хайдеггеру, позволяет человеку глубоко постичь собственную самость [162]. «Только в бытии-к-смерти человек становится самим собой и постигает всю глубину своей уникальной и неповторимой личности. Переживая свою смертность, осознавая свою конечность, человек открывает смысл бытия» [111, с. 237-238], который заключается в осознании собственной конечности и в принятии ответственности за свои действия и выборы [211].

Ж.-П. Сартр считал, что смысл своей деятельности и жизни определяет сам человек, принимая свободное решение. Подлинность такого смысла возможна только тогда, когда индивид принимает правильное решение, освободившись в своем сознании от воздействия мира предметов, социальных институтов, других людей [114].

А. Камю рассматривает смысл жизни через проблему абсурда, возникающего из противоречия между стремлением человека к ясности и отсутствием окончательного ответа со стороны мира. Признание абсурда не

трактуются как основание для отказа от жизни, а становится условием сознательного существования, связанного со свободой, выбором и действием; отрицая неприемлемое, человек одновременно утверждает значимую для себя ценность и тем самым задает основание собственной жизненной позиции [39; 135].

В отечественной философии конца XIX – начала XX века смысло-жизненная проблематика рассматривается преимущественно в религиозном аспекте. В. С. Соловьев связывал проблему смысла жизни с нравственным самоопределением человека. В этой логике смысл жизни раскрывается через добровольное служение высшему добру «добру, чистому, всестороннему и всеильному» [149, с. 97.], которое должно выступать не только добром для отдельной личности, но добром для всего человечества, а потому достижимо только в историческом процессе совершенствования [104].

А. И. Введенский смысл жизни определял как особую цель, которая не выступает средством достижения других целей, поскольку преследование такой цели, «лежащей вне нашей жизни и осуществляющейся через посредство жизни» значимо ради нее самой. Философ также указывает на то, что логическая и нравственная вера в наличие смысла жизни невозможна без веры в личное бессмертие [31].

С. Л. Франк считал, что осмысленная жизнь требует служения высшему абсолютному благу, проявляющемуся в «аскетическом подвиге борьбы с мутью и слепотой чувственных страстей». Условиями существования смысла жизни философ называл существование Бога и причастность человека ему, «достижимость жизни в Боге» [159, с. 521].

В современной философии представлены различные подходы к трактовке проблемы смысла жизни, вместе с тем все более востребованной становится трактовка смысла жизни как сложного концепта, формирующегося под воздействием социоисторических факторов и индивидуальных особенностей личности. Так, Г. А. Хасанов, рассматривая вопрос смысла жизни с позиции

гносеологического подхода, приходит к выводу, что смысл жизни представляет собой субъект-объектное взаимодействие и является результатом активного рефлексивного отражения индивидом своего бытия и сознательного оценочного выбора значимых предметов и объектов как высшей формы духовной деятельности человека. Смысл жизни, по мнению исследователя, хотя и обладает историческим социокультурным содержанием, является уникальным для каждого человека и зависит от индивидуально-личностных условий его жизни [163].

В работе З. Г. Максютовой смысл жизни рассматривается как важнейшее условие развития личности, поскольку именно через него человек соотносит свои цели, ценности и способы жизненного самоосуществления. Смысловая определенность личности связывается автором с ответственным отношением к собственной жизни, зрелостью жизненной позиции и способностью осознанно организовывать индивидуальный жизненный путь [103].

А. В. Мальцев смысл жизни определяет как общее мировоззренческое истинностное знание индивида о собственной жизни, в котором сочетаются индивидуальный личностный опыт и универсальный исторический опыт человечества. Такое знание включает широкий круг концептов, в том числе цель, ценности, результат, призвание, мечту, идеал, а также систему знаний о жизни. Основной функцией смысла жизни исследователь называет интеграцию различных аспектов жизни индивида в процессе смысложизненного поиска [104].

Б. М. Емалетдинов указывает на то, что поиск смысла жизни является глубинной потребностью личности, обусловленной осознанием конечности бытия, и выступает значимым компонентом мировоззрения. Данная потребность может быть удовлетворена разными способами. В трактовке Б. М. Емалетдинова смысл жизни соотносится с ориентацией личности на достижение перспективной, общественно значимой цели, а ценностное содержание смысла жизни раскрывается через такие универсальные категории, как «счастье»,

«идеал», «ответственность». Исследователь выделяет объективный аспект смысла жизни, обусловленный природным и социальным мирами, и субъективный, связанный с иерархией мотивов, ценностей, потребности в самореализации и осмыслении своего бытия. Среди ключевых факторов формирования смысла жизни ученый называет степень освоения ценностей в процессе социализации личности [49].

Е. Ю. Ястребова смысл жизни раскрывает как форму сознательного отношения человека к собственной жизни, в которой жизненная реальность получает личностную интерпретацию и ценностное оформление; в связи с этим выделяет два направления становления представлений о смысле жизни – объективно-сущностное и субъектно-ценностное. Исследователь предлагает рассматривать смысл жизни как динамическое образование, поскольку на протяжении жизни сформированный и в той или иной степени сформулированный смысл жизни корректируется под воздействием поступающей новой информации, событий, результатов деятельности и др. [188].

Культурологический подход к проблеме смысла жизни основывается на том, что культура и искусство отражают представления о смысле жизни и оказывают влияние на смысложизненные ориентиры индивидов. Смысл жизни при этом рассматривается как одна из высших ценностей в иерархической ценностной системе, которая определяет устремления и перспективы человека, а также выступает основой для формирования духовных установок в пространстве культуры. Трансформации в системе ценностей приводят к изменениям способов ориентации человека в бытии и структуры его внутреннего мира [46].

Анализируя влияние искусства на жизнь человека и развитие личности, О. А. Боброва подчеркивает, что оно имеет смыслообразующий потенциал: связанные с ним переживания могут становиться частью личностно значимого

опыта, задавать ориентиры поведения в конкретных жизненных обстоятельствах и участвовать в формировании представлений о смысле жизни [15].

Искусство позволяет полно и целостно представить «жизнь души», поскольку оно выражает внешние и внутренние ее аспекты, в том числе и глубинные сущностные процессы [60]. Сложная система связей человека с миром в искусстве представлена в виде образов, для которых характерна целостность, чувственное единство, выразительность и знаковая доступность: «искусство как альтернатива научной рациональности также всегда было направлено на отражение сущности и смысла жизни человека, но использовало при этом свои специфические средства выражения» [108, с.3].

В. Библер характеризует культуру как сферу произведений, воплощающих «в материале» бытие человека в его определенности и неповторимости, и как самопроявление человека, которое всегда ориентировано на диалог. Понимание культуры как пространства диалога и встречи смыслов характерно и для работ М. М. Бахтина [74], внесшего значительный вклад в развитие научных представлений о смысле.

Бахтин рассматривает смыслы, укорененные в культуре и находящиеся вне индивидуального существования, но вместе с тем оказывающие на него значительное влияние: «мы уверенно поступаем тогда, когда поступаем не от себя, а как одержимые имманентной необходимостью смысла той или другой культурной области» [10, с. 97]. Ученый определяет смысловой ряд жизни как внутреннее познавательно-этическое напряжение жизни и указывает на отличия смысловой и временной организации жизни: «смысл дает человеку непосредственную вневременную опору» [11 с. 97].

Педагогическое осмысление данной проблемы переносит акцент на условия, в которых обучающийся учится связывать приобретаемые знания, социальный опыт и личные ценности с построением собственной жизненной перспективы и задает не только мировоззренческое содержание образования, но и ориентиры организации педагогического взаимодействия. В «Педагогическом

энциклопедическом словаре» смысл жизни определяется как «комплекс ценностных представлений, посредством которых человек соотносит себя и свои поступки с высшими ценностями, идеалом (высшим благом)» [127].

Я. А. Коменский рассматривал развитие личности ребенка с учетом его самостоятельности и внутренней активности. В педагогической мысли эпохи Просвещения усиливается внимание к самоанализу, свободе выбора и индивидуальному пути личностного развития. На необходимость учета индивидуальных особенностей в обучении и воспитании и содействия самораскрытию личности ученика указывали И. Г. Песталоцци, Ф. В. Фребель, А. В. Дистервег [157].

В отечественной педагогике антропологический принцип был введен К. Д. Ушинским, рассматривавшим нравственное воспитание как ключевую составляющую педагогической деятельности. Нравственное воспитание Ушинский определял как «формирование свободной личности с сознательными убеждениями, твердой волей и характером, относящейся к труду как основе достоинства и счастья, патриота, готового трудиться для пользы отечества» [80, с. 110], а смысл жизни связывал с обретением счастья в духовном самосовершенствовании в процессе формирования ценностей, развития трудолюбия, ума и воли [157].

В. А. Сухомлинский в своей дидактической системе исходил из тезиса о том, что потребность в исследовании окружающего мира и потребность в личностном самосовершенствовании являются сущностными для личности. Умственный труд в процессе учебы позволяет человеку достичь счастья, поскольку способствует осознанию своего внутреннего «Я» и личностной самореализации. Категории «счастье» и «смысл жизни» Сухомлинский также связывал с интеллектуальной свободой, которую определял как развитие способностей к творческой деятельности, соответствующей желаниям и потребностям личности [164].

В современной педагогике проблема формирования смысложизненных ориентиров у учеников рассматривается как элемент гармоничного личностного развития. «Целью воспитания школьника важно считать не только и не столько его конкурентоспособность в рыночных условиях, но формирование гуманно ориентированной личности, способной, преобразовывая действительность, ценить жизнь и постигать ее смысл» [158, с. 147]. Адаптация, социализация и индивидуализация в образовательном процессе имеют не только поведенческое, но и личностно-смысловое содержание. В этом отношении особое значение приобретают смысложизненные ориентиры личности – «постигаемое человеком значение собственной жизни в культурно-историческом пространстве и времени, жизни в целом, в том числе и в конкретном образовательном процессе» [158, с. 152]. Смысложизненные ориентации личности оказывают значительное влияние на самосовершенствование личности посредством самообучения, самовоспитания, саморазвития, самореализации.

Д. В. Григорьев характеризует смысложизненный поиск как комплексный естественно-искусственный процесс, направленный на удовлетворение естественной потребности в наполненности смыслом своей жизни и проявляющийся в сознательном конституировании ситуаций понимания жизни, и отмечает роль образовательных организаций в формировании гуманистических смысложизненных ориентаций школьников. По мнению Григорьева, именно в подростковом возрасте усиливается обращенность личности к вопросам собственной индивидуальности и жизненного смысла. Поэтому педагогическая поддержка в данный период должна быть направлена на создание условий для осмысления подростком собственной жизни, а также на преодоление тех личностных и социокультурных затруднений, которые могут препятствовать смысложизненному поиску [40].

С. Э. Берестовицкая также отмечает актуализацию потребностей в осмыслении и решении мировоззренческих проблем, присущую юношескому возрасту. Мировоззренческое самоопределение исследователь понимает как

духовную работу личности по формированию собственного взгляда на жизнь через постановку и осмысление ключевых смысложизненных проблем. Среди способов педагогического содействия данному процессу ученый называет выявление мировоззренческих проблем, волнующих подростков; актуализация таких проблем в рамках учебных предметов и внеурочной деятельности, стимулирование мировоззренческого диалога, вовлечение учеников в различные виды деятельности, связанные с практической реализацией мировоззренческих убеждений, а также индивидуальное психолого-педагогическое сопровождение подростка в решении вопроса смысла жизни [12].

Смысл жизни как категория социологии начал рассматриваться в XIX-XX вв. Э. Дюркейм описывал социальное измерение смысла и акцентировал внимание на внешних по отношению к личности проявлениях – социальных фактах, среди которых выделял правовые нормы и ценности [47]. Дюркейм утверждал, что общественные институты, ценности и нормы формируются на основе коллективных убеждений и целей, при этом следует учитывать соотношение коллективного и индивидуального: «коллективное не просто сталкивается и сражается с индивидуальным в человеке, заставляя его страдать, но ещё и чередуется с индивидуальным, порождая циклы, в ходе которых коллективность то ослабевает, то усиливается. Этот уровень коллективности определяет чувства, представления и поведение индивидов» [181, с. 130].

Схожая позиция представлена в трудах Т. Парсонса, характеризовавшего общество как нормативно структурированную систему, основу которой составляют социально-осмысленные действия отдельных индивидов. Смыслом существования последних является реализация функций, удовлетворяющих потребности людей [126].

М. Вебер представлял смысл как категорию индивидуального сознания, которая позволяет интерпретировать действия людей, а понимание смысла – как ключевой аспект социального взаимодействия. Социальные действия, по мнению ученого, необходимо анализировать через призму их смысла, а не

просто как объективные явления, что требует выявления общих значений, которыми человек наделяет собственные поступки и действия других людей [32].

А. Шюц также рассматривал смысл как необходимую категорию понимания социальной реальности. Жизненный мир в его трактовке предстает как пространство повседневных смыслов, которые воспринимаются человеком как самоочевидные и формируются на пересечении различных пластов опыта. При этом Шюц обосновал положение о наличии у смысла измерений: предметного; темпорального, отражающего связь с прошлым и будущим; социального, обусловленного мотивацией участников взаимодействия [180].

В социологии смысл анализируется как итоговый показатель изменений социальной реальности и бытия, что требует выделения главного в жизни индивидов путем интерпретации процессов общественного сознания и поведения в социальной среде. Смысл определяется как «совокупность целей-принципов, образующих ядро установок и олицетворяющих стрежень сознания и поведения людей и составляющих основополагающее, внутреннее содержание их жизни... это основная цель, выступающая как обобщенные, стратегические установки всей жизни, основных видов и форм деятельности» [153, с. 9].

В психологии на первый план выходит анализ личностных механизмов и факторов становления смысла жизни, его влияния на жизнь и сознание индивида, причин и механизмов потери смысла жизни и его обретения.

Одним из первых направлений психологии, в рамках которого предпринималась попытка объяснения поведения индивидов с помощью категории смысла, стал психоанализ З. Фрейда. Фрейд рассматривал смысл как объяснительное понятие в психологии, вместе с тем в своих работах ученый использовал термин смысл в различных контекстах, не предложив комплексной его дефиниции [84]. Указывая на то, что на вопрос о смысле жизни до сих пор не был дан удовлетворительный ответ и что такой ответ может быть в принципе не найден, Фрейд предлагал рассматривать смысложизненную проблему с позиции

того, что «сами люди полагают целью и смыслом жизни, если судить по их поведению, чего они требуют от жизни, чего хотят в ней достичь» [161]. Фрейд исходит из того, что человек ориентирован на достижение счастья, однако это стремление имеет двойственную направленность: с одной стороны, оно связано с поиском удовольствия, с другой – с избеганием боли, неудовольствия и страдания. При этом полная реализация принципа удовольствия оказывается невозможной, поскольку человек постоянно сталкивается с ограничениями внешнего мира, собственной телесной уязвимостью и противоречиями социальной жизни. Поэтому первоначальная ориентация на удовольствие преобразуется в более реалистичную стратегию существования, в которой особое значение приобретает способность снижать интенсивность страдания, приспосабливаться к требованиям действительности и находить доступные формы удовлетворения в пределах объективных жизненных условий [161].

В индивидуальной психологии А. Адлера смысл жизни рассматривается как один из ключевых принципов, организующих личность и ее взаимодействие с миром. Человек, согласно Адлеру, не просто реагирует на обстоятельства, а интерпретирует их через устойчивую систему значений, которая определяет его жизненный стиль, способы постановки целей, отношение к трудностям и характер взаимодействия с другими людьми. Поэтому для понимания личности важно не только описание ее отдельных черт или реакций, но и выявление того, какое значение она придает себе, другим людям и основным задачам жизни [84; 190].

Важным для понимания теории Адлера представляется его тезис о том, что «люди живут в мире смыслов», соответственно смыслом для человека обладают не только действия, но все явления окружающего мира: «мы воспринимаем действительность всегда через призму смысла, который мы ей придаем» [190, с. 14]. Развивая данную идею, Адлер вводит понятие «мнение», которое является основой для формирования картины мира индивида. В такой трактовке жизненный стиль и индивидуальный смысл жизни определяют то, как человек

воспринимает себя, других людей и значимые явления действительности. Через эту систему представлений опосредуются его мышление, переживания и действия. Однако сам смысл жизни, как и связанное с ним мнение о мире, чаще всего не осознается человеком в виде четко оформленного понятия [190, с. 34].

К. Г. Юнг рассматривал поиск и реализацию смысла жизни как особую потребность и рефлексивную задачу человека. Согласно Юнгу сознательная реализация потребности обретения смысла жизни позволяет приблизить личность к ее сущностным истокам, а потеря смысла жизни является психологической проблемой. Основным источником смысла в теории Юнга выступают архетипы и символы [182].

Значительный вклад в психологические представления о смысле жизни внес основатель логотерапии В. Франкл. Логотерапия, как отмечает Франкл, «сосредоточена на смысле человеческого существования и на поисках человеком этого смысла». В теории Франкла поиск смысла выступает основной мотивационной тенденцией в жизни человека, определяющей его поведение и развитие личности, а не способом вторичной рационализации жизни. По мнению ученого, смысл жизни всегда уникален, поскольку «должен быть найден и осуществлен только самим человеком; только тогда он может удовлетворить его собственную волю к смыслу», вместе с тем можно выделить ряд смысловых универсалий – ценностей, являющихся обобщенными типичными смыслами. Саморазвитие и самоактуализацию Франкл рассматривает не как смысл жизни, а как процессы, сопровождающие его поиск и реализацию. Сам же смысл неизбежно находится во внешнем мире. Поскольку поиск и реализация смысла является базовым внутренним стремлением индивида, невозможность его реализовать приводит к «экзистенциальному вакууму» и возникновению психических заболеваний. Даже в ситуации утраты смысла, по В. Франклу, может быть найден через творчество, переживание ценностей и достойное отношение к неизбежному страданию [160].

Проблема смысла активно разрабатывалась в рамках экзистенциальной психологии и психотерапии. Так, в теории личности и индивидуальных различий Дж. Ройса и А. Пауэлла вводится понятие личностного смысла как субъективного образования, отражающего степень значимости критических аспектов бытия для индивида. В теории Ройса и Пауэлла личность рассматривается как иерархически организованная совокупность взаимодействующих систем. В этой модели ценностно-смысловой уровень выполняет интегрирующую функцию, связывая отдельные проявления индивидуальности с общей направленностью личности. Обретение смысла исследователи связывают с особым уровнем осознания действительности, при котором индивид воспринимает жизнь как в плане своей ежедневной деятельности и смысла своей жизни, так и в плане общего смысла существования человечества [232, с. 248]. Связующим звеном между личностью и смыслом в данной теории выступают ценности, именно ориентация на ценности обеспечивает глубину личностного смысла.

Г.Ф. Феникс предложил философски-психологическую теорию смысла, согласно которой все множество смыслов можно свести к шести смысловым реальностям: символической, эмпирической, эстетической, синноэтической, этической и синоптической, — которые тесно связаны между собой и формируют единую смысловую систему. Сущность человека направлена на реализацию смысла, а ключевая задача личности заключается в его расширении. Смыслы рассматриваются Фениксом как объективно существующие, хотя и уникальные для каждой личности, а также социально обусловленные [225]. Исследователь указывает на связь между смыслами и обучением, поскольку последнее способствует развитию смыслов и их интеграции в единую систему. Значительное внимание Феникс уделяет и проблеме утраты смыслов: среди факторов, способствующих смыслоутрате, ученый называет распространение скептицизма, деперсонализацию и фрагментацию жизни, необходимость усвоения слишком большого объема культурной продукции, увеличение скорости жизненных изменений [225].

С. Мадди рассматривал поиск смысла как врожденную потребность человека и указывал на интегративную роль смысла в структуре личности. По мнению ученого, развитие личности может идти либо по конформистскому пути, связанному с восприятием себя и других как воплощения социальных ролей и биологических потребностей, либо по индивидуалистскому пути понимания и контроля своих социальных и биологических побуждений. Нахождение смысла Мадди связывал с удовлетворением психологических потребностей: символизации, воображения и суждения, поскольку смысл человек создает, делая выбор между будущим (неизвестным) и прошлым (неизменным) [217].

В экзистенциально-аналитической теории Дж. Бьюдженталья смысл также рассматривается как интегративная структура личности, но являющаяся производной от бытия человека в мире: результатом взаимодействия индивида с миром. Смысл выступает «внутренним зрением», позволяющим экзистенциально соотносить внешний опыт индивида и его внутреннюю природу. Поскольку наличие смысла является условием более полной жизненности, для человека важно осознавать смысл или смыслы и ориентироваться на них. Проблему потери смысла Бьюдженталь связывает с осознанием индивидом своей ответственности за его формирование, поскольку сама жизнь не обеспечивает смысл автоматически [201].

Одним из первых среди отечественных психологов к проблеме смысла обратился Л. С. Выготский. Рассматривая вербальные аспекты смысла, Выготский обращается к классической для лингвистики оппозиции «смысл – значение» и анализирует феномен влияния смыслов в контексте вопроса строения сознания человека: «Мы судим о сознании в зависимости от смыслового строения сознания... Смыслообразующая деятельность значений приводит к определенному смысловому строению самого сознания» [36, с. 165].

А. Н. Леонтьев разработал концепцию личностного смысла в рамках деятельностного подхода. Категорию смысла Леонтьев рассматривает как результат отражения реальных жизненных отношений субъекта и объекта, на

который направлена деятельность [84, с. 83]. Описывая смысловые механизмы человека и животных, ученый предлагает выделять два понятия: «биологический смысл» и «сознательный смысл». ««Биологический смысл» животного понимается Леонтьевым как неконстантное, «инстинктивное» отношение к среде, связь с природой, когда «смыслом» обладает лишь то, что включено в непосредственную «деятельность» по удовлетворению существующих в настоящий момент потребностей... Человек же обладает «сознательным смыслом», который опосредован феноменом общественного сознания и значениями как элементами этого сознания» [77, с. 92]. Ученый приходит к выводу, что личностный смысл является не только элементом сознания, но и фактором, определяющим развитие личности, которое, по сути, представляет собой формирование системы личностных смыслов [82]. Функцию смыслообразования выполняет мотив деятельности, поскольку он придает «сознательному отражению субъективную окрашенность, которая выражает значение отражаемого для самого субъекта, его личностный смысл» [82, с. 166].

Потребностно-мотивационную сферу как основу формирования жизненной цели рассматривал Б. Ф. Ломов. Жизненная цель интегрирует в себе множество частных целей деятельности, которые индивид выполняет на протяжении жизни, и отражает формируемую им концепцию собственного будущего. Жизненные цели личности складываются в системе социально значимых отношений, которые приобретают для человека личностный смысл: «из всей сложной системы общественных отношений, в которой находится личность, она выбирает определенные их формы, становящиеся по тем или иным причинам личностно-значимыми (приобретающие «личностный смысл» по А. Н. Леонтьеву). Именно в сфере этих отношений и формируются жизненные цели личности» [183, с. 41]. Цели формируются индивидом самостоятельно исходя из имеющегося опыта, вместе с тем значительное влияние на них оказывают общественные требования, ценностные и моральные ориентации, идеалы [90].

Б. С. Братусь называет формирование смыслов одной из ключевых сторон бытия человека. Ученый отмечает, что личность обретает смысл своего существования в зависимости от отношений, которые складываются с сущностными характеристиками человеческого бытия. При этом смысловые образования формируются не единичными отношениями, а сложной их системой [23] и «чем выше по иерархическим ступеням смысловые образования, тем труднее работа по их осознанию, поскольку все шире и неопределеннее становится область смыслопорождающей действительности, все сложнее и опосредствованнее те связи и отношения, из которых завязывается динамическая смысловая система» [21, с. 88]. В концепции Братуся высший уровень психического аппарата связан с возникновением таких смысловых ориентаций, которые выводят человека за пределы непосредственных индивидуальных потребностей и соотносят его жизнь с тем, «что больше нашей жизни и не оборвется с ее физическим прекращением (дети, счастье будущих поколений, прогресс науки, поиск истины и т.д.)» [21, с. 216]. Смысловые образования имеют общий характер и не могут быть сведены к отношениям мотива и цели, именно они конституируют сознание личности и определяют отношение человека к ключевым жизненным сферам (миру, себе, другим). Значимыми представляются также идеи Братуся об интенсивности смыслообразования и степени присвоенности смыслов личностью. Смысловые содержания могут быть ситуационными, зависимыми от внешних обстоятельств; устойчивыми (присвоенными и включенными в смысловую сферу) и личностно-ценностными. Личностные ценности представляют собой осознанные принятые личностью смыслы жизни. Также ученый ввел понятие смысловой вертикали личности, формирующей ее стержень, выделив несколько уровней: низший прагматический, на котором смысл задается логикой достижения цели в наличествующих условиях; эгоцентрический, на котором смысл связывается с личной выгодой; группоцентрический, в рамках которого смысл определяется отношением к действительности референтной малой группы; просоциальный,

связанный с общечеловеческой смысловой ориентацией [21]. Основными функциями смысловых образований ученый считает создание образа будущего как перспективы развития личности, не вытекающей непосредственно из наличной ситуации, а также нравственной оценки и регуляции деятельности.

В. Э. Чудновский рассматривает смысл жизни как особую «психологическую реальность», психическое образование, способное оказывать значительное влияние на жизнь индивида. Представления о смысле жизни имеют уровневую организацию, в которой соотносятся «большие» и «малые» смыслы; в ходе развития они проходят ряд этапов и постепенно приобретают относительную устойчивость по отношению к исходным условиям своего становления [167]. Характеристиками смысла жизни как психологического феномена являются устойчивость, самостоятельность и способность определять развитие и жизнь личности [171]. Смысл жизни складывается не как прямое следствие внешних обстоятельств или внутренних побуждений личности, а как результат их сложного соотнесения; сформировавшись, он приобретает относительную самостоятельность и «эмансипируется от того и другого и начинает действовать как «буферный механизм», как «система сдержек и противовесов», не допускающих одностороннего подчинения внешнему и вместе с тем препятствующих превращению человека в раба собственных потребностей, влечений, непосредственных сиюминутных интересов» [175, с. 414].

При неблагоприятном развитии смысложизненная регуляция «начинает служить негативному формированию личности, способствовать потере ею своего «лица», того, что составляет ее психологическую сущность» [171, с. 19]. Так, содержательные искажения смысла («смыслы-эрзацы», которые «как будто дают возможность человеку легко и быстро достичь удовлетворения жизнью, минуя трудности поиска ее подлинного смысла» [167, с. 75]) могут приводить к антисоциальным и автодеструктивным траекториям развития личности. На функционирование смысла жизни также оказывает влияние такая его

динамическая характеристика как инертность, т.е. чрезмерная устойчивость, приводящая к тому, что смысл жизни отрывается от реальности, становится самодовлеющим и подчиняет себе личность [172, с. 20]. Деструктивное значение смысл может приобрести и в ситуации его чрезмерной масштабности и несоотнесенности жизненной цели с реальными возможностями ее осуществления. В этой связи В. Э. Чудновский подчеркивает, что психологическая значимость смысла жизни определяется не столько масштабом поставленных целей, сколько их реалистичностью, соответствием возможностям личности и включенностью в реальный жизненный путь; поэтому локальный, «малый» смысл может иметь большую личностную ценность, чем внешне значительная, но практически недостижимая цель [174, с. 22].

Рассматривая конструктивные и деструктивные проявления смысла жизни, В. Э. Чудновский предлагает интегральную характеристику адекватности смысла как показателя эффективности реализации его регулирующих функций. Адекватный смысл, по мнению ученого, характеризуется реалистичностью (соответствием объективным условиям и возможностям индивида) и конструктивностью, связанной со степенью его положительного влияния на развитие личности и успешность деятельности [29, с. 14]. Наибольшим же адаптационным, развивающим и регулирующим потенциалом обладает «оптимальный смысл жизни», которому присуща не только адекватность, но и «гармоническая структура смысложизненных ориентаций, обуславливающая высокую успешность в различных областях деятельности, максимальное раскрытие способностей и индивидуальности человека, его эмоциональный комфорт, проявляющийся в переживании полноты жизни и удовлетворенности ею» [170, с. 4]. Для оптимального смысла жизни характерен баланс между статичностью и изменчивостью, обеспечивающий постоянство «ядерной» части смысла на протяжении длительного периода и одновременно возможность динамичных изменений смысловой периферии в зависимости от имеющихся реалий, а также непротиворечивое объединение в своей структуре смысловых

образований разных возрастных периодов развития личности. Чудновский описывает сущность оптимального смысла жизни как «ориентацию на наиболее отдаленные цели, охватывающие всю жизнь человека и в известной мере выводящие за ее пределы, т.е. за пределы личного существования» [175, с. 9].

В концепции Д. А. Леонтьева смысл жизни рассматривается как предельно обобщенное смысловое образование, задающее целостную направленность жизнедеятельности субъекта. Он не сводится к отдельной цели, мотиву или осознанной формулировке человеком своего жизненного предназначения, поскольку относится к более высокому уровню организации смысловой сферы личности. В этом понимании смысл жизни выражает общий вектор жизненного движения, через который отдельные действия, выборы и жизненные события приобретают внутреннюю связанность. На феноменологическом уровне данный феномен раскрывается через переживание человеком направленности собственной жизни, то есть через то, насколько субъект воспринимает свою жизнь как ориентированную на определенные ценности, цели и значимые основания [84, с. 249]. Такая трактовка позволяет разграничить смысл жизни как реально складывающуюся направленность жизнедеятельности и степень его осознания человеком. Поэтому для психологического анализа существенным является не только наличие сформулированных представлений о смысле жизни, но и то, насколько сама повседневная жизнь субъекта организована вокруг определенной смысловой направленности. В связи с этим Д. А. Леонтьев выделяет четыре варианта соотношения сознания и смысла жизни: неосознанную удовлетворенность, неосознанную неудовлетворенность, осознанную неудовлетворенность и осознанную удовлетворенность [84].

И. В. Абакумова, М. В. Годунов, Е. В. Белова рассматривают смысл жизни в связи с общей организацией смысловой сферы личности, где частные смыслы, возникающие в разных видах деятельности, включаются в более высокий уровень смысловой регуляции и задают направленность личностного развития. Особое значение в этом процессе авторы придают стратегии смыслообразования

«мотивационно-динамической составляющей интегрированной модели смыслопоисковой активности личности, специфической инициацией по актуализации того смысла, который становится доминирующим в смысловой иерархии, в интроекции и представленности смысла сознанию» [3, с. 13]. Стратегия смыслообразования выступает основой для актуализации стратегий жизненных смыслов, в которых проявляются устойчивые личностные мотивационно-динамические характеристики. Авторы разграничивают два варианта смыслообразовательной стратегии – приспособительный и развивающий. Приспособительный вариант характеризуется тем, что внешние обстоятельства воспринимаются личностью как ведущая сила, задающая направление ее жизнедеятельности. Развивающая стратегия направлена на формирование перспективных смыслов и предусматривает необходимую для личностного роста трансформацию смысловой сферы под воздействием внешних факторов, которые воспринимаются индивидом как преодолимые условия жизни. Смыслообразовательные стратегии, таким образом, связаны с уровнем направленности личности на самоопределение и саморазвитие [3].

В концепции К. В. Карпинского смысл жизни представлен как стержневое психобиографическое образование, через которое раскрывается субъектная позиция человека по отношению к собственной жизни. Решение смысложизненных задач автор связывает с процессом становления личности как субъекта жизни, способного не только осознавать желаемое направление жизненного пути, но и изменять внешние обстоятельства и собственные психологические особенности в соответствии с этим направлением [68, с. 10]. Задача поиска смысла жизни, по мнению Карпинского, требует формирования и осознания устойчивых смыслообразующих ценностей, задающих направление жизненного пути [67]. Исследователь указывает на полифункциональность смысла жизни как психического явления, предлагая иерархическую систему функций. Ведущей в данной системе выступает субъектообразующая функция, реализующаяся посредством двух базовых функции: отражательной и

регулирующей. Регулирующая функция в свою очередь включает комплекс частных функций, в том числе побуждающую, направляющую, оценочную, защитную, коммуникативную, идентификационную, интегрирующую и др. [66].

Согласно К. В. Карпинскому, смысл жизни обладает содержательными и формально-структурными характеристиками. Содержательный анализ смысла жизни позволяет определить, какие ценности становятся для личности источниками жизненной направленности и какое место среди них занимают эгоцентрические, просоциальные, духовно-нравственные и самотрансцендентные основания. Формально-структурный анализ, в свою очередь, обращен к тому, как эти ценности организованы внутри индивидуальной смысловой системы [63; 66]. Значительное внимание Карпинский также уделяет проблеме автономии смыложизненного выбора, поскольку «смысл жизни, не ставший в свое время предметом автономного личностного выбора, в последующем обнаруживает свою функциональную неполноценность в жизнедеятельности личности» [63, с. 19]. Ученый указывает на то, что хотя выбор смысла жизни личность совершает самостоятельно, этот выбор часто является несвободным и определяется внешними и внутренними детерминантами. Автономность определения смысла жизни связана с выбором смыложизненных ценностей в соответствии с личностной убежденностью, что приводит к чувству аутентичности смысла, в то время как при гетеромном выборе, когда ценности отбираются под давлением социального окружения, наличной жизненной ситуации, эмоций, импульсов, возникает ощущение навязанности и чуждости смысла жизни. Недостаточная автономия смыложизненного выбора, как и отсутствие или потеря смысла жизни, негативно сказывается на психологическом благополучии человека [63].

Таким образом, в научной литературе проблема смысла жизни рассматривается с различных методологических позиций, что обусловлено ее многоуровневым характером. Можно выделить несколько онтологических подходов, в рамках которых предлагаются различные концепции места смысла

жизни в структуре бытия, его содержания и объекта ориентации. Первый подход исходит из того, что смысл задан изначально, имманентен жизни, а ключевой задачей личности является его восприятие и воплощение (В. С. Соловьев, С. Л. Франк, А. Адлер и др.), второй подход основывается на идеи о том, что в жизни изначально смысл отсутствует, но создание такого смысла является одной из важнейших задач личности (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, К. Юнг, Ж.-П. Сартр и др.); в третьем подходе смысл жизни понимается как образование, возникающее в процессе активного отношения субъекта к собственной жизнедеятельности, жизненным обстоятельствам и значимым сторонам окружающего мира (феноменологический, экзистенциальный и деятельностный подходы).

Теоретическим основанием настоящего исследования выступает позиция Д. А. Леонтьева, согласно которой смысл жизни может быть рассмотрен как стержневая динамическая смысловая система, задающая общую направленность жизнедеятельности субъекта. В этой логике представления о смысле жизни трактуются как форма осознания и субъективного выражения данной системы, позволяющая человеку соотносить жизненные цели, ценности, переживания и способы их реализации.

1.2. Смысл жизни как динамическая смысловая система

Рассматривая содержание понятия смысла жизни, Т. М. Жильцова выделяет ряд его характеристик как психологического феномена. К таковым исследователь вслед за Р. Мэйем, В. Франклом, С. Л. Рубинштейном и др. относит трансцендентность как выход за границы своего Я и своей жизни и направленность вовне. Трансцендентность смысла жизни Жильцова связывает с обращенностью личности на значимых других, способностью выходить за пределы актуальной жизненной ситуации, формированием собственной позиции по отношению к предельным вопросам человеческого существования. Значимой, по мнению следователя, является и такая характеристика смысла жизни как

религиозность, при этом она не ограничивается верой в Бога, но, по справедливому замечанию Б. С. Братуся, определяет «отношения к конечным вопросам и смыслам жизни. Эта религия может быть даже атеистической, исключаящей Бога, но она всегда продукт некой веры» [22, с. 293]. Всевременность как характеристика смысла жизни определяется его сложными связями с категорией времени, в том числе осознанием временности и конечности собственной жизни. «Смысл не только и, возможно, не столько отнесен в будущее или прошлое, но должен присутствовать и в настоящем человека. В своем пределе свойство всевременности... позволяет человеку определенным образом отнестись не только к своему субъективному прошлому, настоящему и будущему, но и к смерти, к конечности и бесконечности» [51, с. 53]. Среди ключевых характеристик смысла жизни исследователь также называет уникальность и процессуальность, выражающуюся в необходимости постоянного следования по пути реализации смысла [51].

К. В. Карпинский понимает смысл жизни как личностно преобразованную форму отношений человека с собственной жизнью, рассматриваемой как целостность [66, с. 107].

А. В. Серый исходит из представления о многоуровневой организации смысловой сферы личности: первый уровень связан с первичной ориентировкой, смысл связан с посредственным переживанием воздействия и выполняет функцию различения значимого и незначимого для организма; на следующем уровне смысл приобретает ситуативно-индивидуальный характер, т.е. конкретные обстоятельства начинают оцениваться через их отношение к актуальным потребностям, мотивам и целям и включаться в процесс социального приспособления; третий уровень образуют личностные смыслы более высокого порядка, которые соотносятся с ценностными ориентациями и задают основания для выбора и оценки жизненных действий с которыми человек сопоставляет свои интересы, склонности, потребности; четвертый уровень

представлен смыслами, отражающими отношение личности к своей жизни в целом и ее смысложизненные ориентации. [141, с. 89].

В структуре смысловой сферы смысл жизни может быть описан как динамическая смысловая система (ДСС). Понятие динамическая смысловая система было введено Л. С. Выготским для обозначения единства аффективных, интеллектуальных и волевых процессов в сознании [35]. В дальнейшем идея динамической смысловой системы была доработана А. Г. Асмоловым, характеризовавшим ДСС как относительно автономную, хотя и производную от «порождающей ее совокупности деятельности» многомерную организацию смысловых образований [8, с. 123] и рассматривавшим ее как единицу анализа структуры личности, поскольку ДСС отражает содержательные характеристики последней. К понятию ДСС обращается в своих исследованиях и Д. А. Леонтьев, определяя ее как «относительно устойчивую и автономную иерархически организованную систему, включающую в себя ряд разноуровневых смысловых структур и функционирующую как единое целое» [84, с. 235].

К. В. Карпинский смысл жизни описывает как динамическую систему, объединяющую разные по содержанию и уровню обобщенности смысловые структуры. Их взаимосвязь обеспечивает смысложизненную регуляцию, то есть соотнесение жизненных целей, ценностей, решений и способов действия личности с общей направленностью ее жизненного пути [66].

Согласно В. Э. Чудновскому, смысл жизни организован иерархически: в его структуре представлены как обобщенные жизненные смыслы, задающие стратегическую направленность личности, так и более частные смыслы, связанные с конкретными жизненными задачами, специфика структуры смысла жизни определяет его динамические и содержательные параметры [173]. В зависимости от типов соотношений основных и подчиненных элементов системы ученый выделяет несколько типов смысложизненных структур:

- конгломератная, при которой смыслы могут либо гармонично сосуществовать, либо находиться в ситуации противостояния;

- монолитная, формируемая вследствие абсолютизации одного ведущего компонента смысловой структуры, вытесняющего остальные иерархические компоненты;

- авторитарная, в которой ведущий смысл начинает занимать господствующее положение в смысловой иерархии, что приводит к деформации смысловой структуры;

- разорванная, при которой ведущий смысл отделяется от других элементов структуры, формируя двухполюсную смысловую систему;

- номинальная, формируемая в ситуации увеличения значения компонентов, противоречащих ведущему смыслу, что приводит к потере им своей энергетизирующей функции и сведению его к роли «прикрытия» для нового реально сформированного смысла жизни;

- распадающаяся, при которой ведущий смысл разделяется на несколько малых смыслов;

- гармоничная, в которой ведущий иерархический компонент не только оказывает влияние на другие элементы структуры, но и сам подвержен их воздействию, такая структура предусматривает возможность изменения главного компонента [169].

Значимой характеристикой иерархической системы смысла жизни является ее динамичность. Становление и изменение структуры смысла жизни, по В. Э. Чудновскому, обусловлены совокупностью внешних и внутренних факторов. К ним относятся социальные условия жизнедеятельности, степень субъектной активности человека, а также его индивидуальные и возрастные особенности. Особую роль в изменении структуры смысла жизни играет возрастное развитие: на разных этапах жизни по-разному выражена потребность в осмыслении своего существования, меняется содержание жизненных целей, особенности планирования и способ соотнесения желаемого с реальными возможностями личности [168]. Для каждого из этапов жизни характерны свои особенности развития представлений о смысле жизни. Важным в теоретической

концепции Чудновского является понятие «личностного фундамента смысла жизни», которое исследователь определяет как «комплекс личностных свойств, взаимодействие которых создает основу... для становления адекватных, конструктивных смысложизненных ориентаций» [173, с. 15-16]. Личностный фундамент смысла жизни закладывается на начальном этапе жизни и оказывает влияние на время формирования и содержание представлений о смысле жизни [175].

Описывая «инфраструктуру» смысла жизни как психологического феномена, связанного с рефлексивным отношением к единому целостному пространству собственной жизни, исследователь указывает на наличие горизонтального смыслового вектора, связанного с осмыслением прошлого и осознанием его воздействия на настоящее и будущее, и задающего общее направление смыслообразовательных процессов вертикального вектора, устанавливающего связь со смысловыми образованиями, выходящими за пределы индивидуального существования и «обусловленные воздействием норм общечеловеческой нравственности, религиозных убеждений, национальных, родовых традиций» [173, с. 8].

И. В. Абакумова, М. В. Годунов, Е. В. Белова и Н. Е. Комерова рассматривают смысловую регуляцию как динамический процесс, способный перестраиваться в условиях информационной неопределенности. В качестве значимых показателей регуляции личностных смыслов авторы выделяют смысложизненные ориентации и саморефлексию, изменения которых могут отражать процессы психологической адаптации личности к условиям неопределенности [1].

Л. В. Бура, Н. В. Горбунова и А. С. Фетисов рассматривают смысложизненные ориентации и жизненные ценности в контексте адаптации личности к изменяющимся условиям жизнедеятельности, подчеркивая значимость связи между восприятием настоящего и направленностью жизненных целей на будущее [26].

К. В. Карпинский в структуре смысла жизни выделяет две части: ядерную и периферийную. Ядерная часть включает наиболее устойчивые и обобщенные смысловые образования, через которые закрепляется внеситуативное отношение человека к жизни в целом и к ее основным сторонам. Эти образования обеспечивают длительную смысловую регуляцию жизненного пути; поэтому они отличаются высокой стабильностью, а их существенная перестройка связана не с частными изменениями поведения, а с глубокой трансформацией личности [66, с. 108].

В структуре ядра К. В. Карпинский выделяет два уровня. Первый, базисный, выполняет роль структурно-функционального основания смысла жизни. Он включает фундаментальные смысловые образования, связанные с первичным опытом осмысления жизни и не имеющие непосредственного поведенческого выражения. Данный уровень представлен «фундаментальной (базовой) ценностью» (термин А. Лэнгле). Базовая ценность жизни не связана с конкретными обстоятельствами и отражает значимость для индивида жизни в целом, выражающуюся в позитивном или негативном отношении к ней. Именно эта базовая ценность в дальнейшем определяет активность личности в поиске и обретении в предметных обстоятельствах жизни конкретных смысложизненных ценностей [65].

На втором уровне ядра смысла жизни располагаются конкретные смысложизненные ценности, которые К. В. Карпинский соотносит с личностными ценностями. Они фиксируют значимость определенных сфер и сторон жизни для субъекта и выполняют организующую функцию по отношению к другим смысловым образованиям. Производные от них смыслы конкретизируют данные ценности, связывают их с частными жизненными обстоятельствами и переводят в плоскость отдельных целей, поступков и видов деятельности [66, с. 110].

Б. С. Братусь отмечает, что личностные смыслы функционируют на высшем уровне сознания, при этом именно ценности являются основными

образующими единицами сознания [21]. На связь смысла и ценностей указывают В. Франкл [160], Э. Шпрангер [176], Г. Олпорт, отождествлявший ценности с личностным смыслом [120] Дж. Ройс, отмечавший, что ценности выступают связующим звеном между личностью и смыслом [231], А. Лэнгле [101], Д. А. Леонтьев [84] и др. «Высшие уровни личностно-смысловых образований, связанные с универсальными ценностями, определяющими жизненный смысл личности, не просто отражают, а развивают и трансформируют внутреннюю и внешнюю реальность личности» [131, с. 569].

В трактовке С. Л. Рубинштейна ценности производны от системы отношений человека с миром и отражают значимость для него явлений действительности, в том числе результатов человеческой деятельности и исторического развития [137]. Психологическое содержание ценностей обуславливается как индивидуальными особенностями, так и социокультурными условиями формирования личности, что позволяет говорить о тесной взаимосвязи и взаимовлиянии индивидуальных и социальных ценностей. Переход социальных ценностей во внутренний план личности не сводится к их знанию или формальному признанию. В работах Э. А. Арутюнян этот процесс раскрывается через роль микросреды: ценности больших социальных групп становятся личностно значимыми только тогда, когда они проходят через систему отношений, норм и ожиданий референтной для человека малой группы. Благодаря этому общественная ценность приобретает для субъекта не внешний, а внутренне принятый характер и может включаться в регуляцию поведения [7]. В дальнейшем актуализация личностных ценностей проявляется в том, как человек связывает свой прошлый опыт, осмысление настоящей жизненной ситуации и представления о будущем; именно такая временная связность придает ценностям устойчивость и личностную направленность [176].

Е. А. Брызгалин отмечает, что количественный и содержательный состав личностных ценностей определяет широту жизненного смысла. Исследователь

разделяет широкий смысл жизни, формируемый большим количеством отдельных ценностей, охватывающих значительный спектр различных сфер жизни и деятельности индивида, и узкий смысл, формируемый сопредельными ценностями, связанными с определенными сферами, которую субъект улавливает в смысле жизни или одной сферой [25].

Таким образом, двухуровневое строение ядра смысла жизни, включающее фундаментальные смысловые структуры и смысложизненные личностные ценности, обеспечивает как комплексную оценку целостной жизни, так и отдельные оценки конкретных ее частей и аспектов.

Периферическую часть смысла жизни Карпинский описывает как содержащую производные смысловые структуры, такие как «мотивы, смысловые конструкторы, диспозиции, установки, а также личностные смыслы конкретных жизненных обстоятельств» [66, с. 111]. Для данных смысловых структур характерны гибкость и обусловленность ситуацией их порождения, поскольку они формируются в актуальной жизнедеятельности личности. Они реализуют оперативную смысложизненную регуляцию в конкретных ситуациях и обстоятельствах, дополняя стратегическую регуляцию ядерной структуры смысла жизни.

Ядерная и периферийная части смысла жизни формируют сложную иерархическую систему смысложизненной регуляции деятельности, элементы которой находятся в генетической, структурной и функциональной связях, направленных от ядра к периферии и определяющих процессы смыслообразования от высокоуровневых образований ядра к периферийным. Способность низкоуровневых периферийных смысловых структур изменяться под воздействием наличных жизненных ситуаций обеспечивает динамичность смысла жизни, а устойчивость ядерной части – стабильность реализации им регулятивной функции [66].

Как уже отмечалось выше, баланс статичности ядра смысла и изменчивость периферийных его образований рассматривается в психологии как

ключевой фактор формирования «оптимального смысла жизни» («адекватного смысла жизни») [175], обеспечивающего благоприятное личностное развитие человека. Такое развитие требует реалистичности, конструктивности, соответствия смысла жизни внутренним факторам и внешним условиям, что и обеспечивается наличием ситуативного аспекта в структуре смысложизненных ориентаций, позволяющего в процессе реализации смысла жизни «учитывать реальную ситуацию и одновременно с этим регулировать свое поведение и в той или иной степени преобразовывать обстоятельства» [130, с. 219].

Смысл жизни как стержневая динамическая смысловая система личности связан с другими динамическими смысловыми системами, регулирующими отдельные виды деятельности, однако не сводится к их совокупности [66, с. 112].

В индивидуальном сознании смысложизненные структуры получают выражение в различных феноменологических формах. Анализируя развитие представлений о том, как смысл жизни представлен в сознании личности, К. В. Карпинский показывает, что в психологической науке постепенно усложнялось понимание этих форм: от более простых описаний отдельных смысложизненных содержаний к рассмотрению смысла жизни как многоуровневой системы, включающей ценности, цели, жизненные задачи, переживания и способы их практической реализации [66].

К однокомпонентным моделям смысла жизни относятся те психологические подходы, в которых смысл жизни интерпретируется через доминирующий компонент смысловой сферы – прежде всего через осознаваемое представление человека о главной жизненной цели, идеале или обобщенной жизненной идее [72; 115]. В этих моделях акцент переносится на когнитивно оформленное содержание смысла: человек не столько переживает смысл как сложную систему взаимосвязанных компонентов, сколько осознает его как ведущий ориентир, организующий жизненные выборы и иерархию значимых целей. Схожая позиция представлена в работах А. А. Бодалева. Ученый подчеркивает, что смысл жизни получает конкретное выражение не только в

поставленных человеком целях, но и в выбираемых им средствах их достижения, а также в результатах, которые складываются в познании мира, общении с другими людьми и профессионально-созидательной деятельности [19, с. 13].

В двухкомпонентных моделях в структуре индивидуального сознания выделяются когнитивная презентация и аффективный компонент либо мотивационный компонент. Так, в модели, предложенной Дж. Батистой и Р. Олмондом, структура смысла жизни описывается как сочетание субъективных представлений о включенности жизни в определенный контекст или перспективу, позволяющих четко сформировать цели жизни, и эмоционального переживания успешности реализации этих целей как исполненности жизни [196]. Д. Шек рассматривает смысл жизни как образование, включающее когнитивный и аффективный компоненты. Когнитивный связана с тем, насколько человек осознает ценности, цели и основания собственной жизни; аффективный – с переживанием эмоциональной насыщенности и субъективной значимости повседневного существования [235].

Иной вариант двухкомпонентной модели представлен в работах М. Стегера. В его трактовке одна составляющая связана с пониманием жизни как связного и осмысленного целого, в которое включены сам человек, окружающий мир и представления о своем месте в нем. Вторая составляющая соотносится с целью и отражает наличие долгосрочных жизненных стремлений, задающих направленность активности личности [239].

Трехкомпонентные модели основываются на возможности использования для структурного описания смысла жизни структуры социальной установки, предложенной М. Смитом, выделившим в ней когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Такой подход был использован Г. Рекером и П. Вонгом, охарактеризовавшим три уровня структуры смысла жизни: когнитивный, мотивационный и аффективный [227]. В дальнейшем теория трехкомпонентных моделей смысла жизни разрабатывалась

Л. С. Джорджем и К.Л. Парком [208], Л.А. Кингом, Дж. А. Хиксом, Дж. Л. Краллом [215], Д. А. Леонтьевым [82] и др.

В трактовке Г. Рекера и П. Вонга когнитивный компонент смысла жизни образуют представления и убеждения человека, через которые он придает связность собственному опыту и получает основания для понимания как отдельных жизненных событий, так и жизни в целом [227]. Значительную роль в данных процессах играет «чувство связности», основанное на представлении, что жизненные ситуации, в том числе негативные, значимы, понятны и управляемы, и позволяющее индивиду воспринимать внутренние и внешние стимулы как части структурированного и последовательного целого [193]. Таким образом, когнитивная составляющая смысла жизни определяет степень понимания личностью своего бытия: «люди с высоким уровнем понимания чувствуют, что их жизнь имеет смысл и все в ней ясно и взаимосвязано. Напротив, люди с низким уровнем понимания могут воспринимать жизнь и жизненный опыт как бессвязные, фрагментированные и неясные» [207].

Мотивационный уровень представлен системой ценностей, определяющих жизненные цели и выбор способов их реализации [227]. Жизненные цели выступают как «лично значимые, осознанные, полагаемые в процессе жизнедеятельности на базе мотивационной сферы личности цели, содержащие представление об основных результатах или событиях, которые должны произойти в жизни человека, а также о намеченном уровне достижения, интегрирующие все частные цели и действия как средства их достижения» [123] и играют значительную роль в психической регуляции жизненного пути человека. Мотивационный компонент смысла жизни связан с тем, насколько личность воспринимает свою жизнь как направляемую и мотивированную значимыми жизненными целями. Неразвитость данного уровня приводит к ощущению бесцельности и отстраненности от жизни [207].

Аффективный уровень формируют переживания исполненности, связанные со степенью реализации ценностей и целей [227]. В концепции

Л. С. Джордж и К. Л. Парк данный уровень связан с переживанием значимости собственного существования. Он отражает, в какой мере человек воспринимает свою жизнь как важную, ценную и имеющую устойчивый смысл для мира и других людей. Низкая выраженность этого компонента проявляется в ощущении собственной несущественности и представлении о том, что отсутствие человека мало изменило бы окружающую действительность [207].

П. Вонг предложил четырехкомпонентную модель смысла жизни PURE (purpose, understanding, evaluation, responsible action). Когнитивную составляющую смысла жизни исследователь определяет как «понимание» и связывает с наличием у индивида представлений о жизненной ситуации, пониманием себя, других людей и обстоятельств, в которых осуществляется жизненный выбор. Мотивационный компонент отражает наличие направляющих жизненных целей. Оценочно-аффективный компонент характеризует эмоциональное переживание удовлетворенности или неудовлетворенности отдельными жизненными ситуациями, определенными жизненными этапами и в целом жизнью. Четвертая составляющая смысла жизни, согласно Вонгу, – это поведенческий компонент, включающий действия, при совершении которых человек исходит из осознания жизненных оснований, ценностной оценки и целевой направленности жизни [245].

На основе анализа теоретических представлений о структуре смысла жизни К. В. Карпинский обосновывает четырехкомпонентную модель его организации. В данной модели когнитивный, аффективный и мотивационный компоненты характеризуют различные формы осознания и переживания смысла жизни, а конативный компонент отражает то, насколько смысложизненные образования переходят в жизнедеятельность субъекта, определяя цели, решения и направленность его активности [66].

Когнитивный компонент в концепции К. В. Карпинского отражает осознанный план смысложизненной регуляции. Через него описывается, каким образом субъект понимает содержание собственных жизненных оснований,

выделяет среди них наиболее значимые, устанавливает их взаимное соотношение и выстраивает ценностно-смысловую иерархию. В этом плане смысл жизни получает форму смысложизненных ориентаций. Смысложизненные ориентации определяются как социально-психологические образования, формируемые в ходе значимых отношений индивида и бытия, определяющие направление и границы личностной самореализации посредством структурной организации целей и ценностей жизни [85].

Аффективная составляющая в модели К. В. Карпинского связана с переживанием смысла жизни и отражает эмоциональную сторону его практической реализации. Первый, наиболее общий пласт составляют эмоциональные реакции на жизненные обстоятельства: ситуация, отношение, событие или форма активности переживаются как значимые постольку, поскольку они соотносятся с актуальными для субъекта смысложизненными ценностями

Второй класс эмоций носит более обобщенный характер и отражает переживание того, насколько удастся решать смысложизненные задачи, выступая механизмом обратной связи, через который личность оценивает успешность продвижения к значимым жизненным целям и при необходимости уточняет способы их достижения. Как и эмоции первого класса, данные переживания имеют связь с определенными смысложизненными ценностями.

Третий класс эмоций составляют генерализованные инвариантные устойчивые переживания личности о жизни в целом, отражающие базовую ценность жизни. Эмоции данного класса Карпинский предлагает обозначать как «жизненные чувства». Жизненные чувства проецируют на уровень сознания глубинную мотивацию активного взаимодействия личности со своей жизнью: «эти эмоции и чувства создают внутреннюю готовность личности к познанию и практическому преобразованию собственной жизни; определяют общий смысловой фон жизневосприятия и общую мотивационную окраску субъективной картины жизни, т. е. заставляют чувствовать интерес,

привязанность, любовь, вовлеченность или, наоборот, отвращение, ненависть, отчужденность по отношению к жизни» [66, с. 119].

В модели К. В. Карпинского мотивационная составляющая смысла жизни связана со смысложизненными побуждениями, стремлениями и притязаниями личности, которые определяются значимыми для нее смысложизненными ценностями. Эти ценности могут направлять активность человека даже при неполной степени их осознания. Смысложизненное побуждение в данном случае отражает актуальность смысложизненных ценностей и задает внутреннюю готовность личности к мобилизации ресурсов для их практического осуществления. Получая в наличных жизненных условиях предметное содержание (образ должной, идеальной жизни) побуждения трансформируются в смысложизненные стремления. Стремления характеризуются наличием интенционального вектора, направленностью к чему-то, что позволяет реализовывать задачу мотивационного предвосхищения будущего. Закрепление в структуре личности смысложизненных стремлений приводит к формированию смысложизненных притязаний. Под ними понимаются устойчивые ожидания и субъективные критерии, с которыми человек соотносит собственную жизнь, ее условия, результаты и перспективы. Эти притязания задаются индивидуальным смыслом жизни и выражают представление личности о том, какой должна быть жизнь для реализации значимых смысложизненных ценностей [66].

Конативный компонент структуры смысла жизни К. В. Карпинский связывает с его реализацией в поведении и результатах жизнедеятельности. На этом уровне смысл жизни обнаруживается в устойчивой направленности повседневной активности, в выборе приоритетных видов деятельности и распределении жизненных ресурсов [66, с. 121].

В целом, многокомпонентные модели смысла жизни способствуют более глубокому научному осмыслению данного психического образования, обеспечивая большую его концептуальную ясность.

Значимыми для формирования системных научных представлений о смысле жизни являются теоретические и эмпирические подходы к определению структурно-содержательных особенностей личностных смысложизненных систем.

В трактовке А. Адлера смысл жизни раскрывается через способ, которым человек отвечает на основные задачи существования: как он находит свое место в труде и профессиональной деятельности, как устанавливает отношения с другими людьми и как выстраивает сферу любви, брака и интимной близости [190].

Р. Ф. Баумейстер считает, что личностный поиск осмысленности жизни связан с четырьмя факторами: потребности в цели, потребности в результативности, наличием системы ценностей для оценки своих действий и основы для позитивной самооценки [197], указанные факторы оказывают влияние и на интерпретацию человеком отдельных событий своей жизни. Потребность в ощущении цели жизни (целеустремленность) включает достижение объективных целей и состояние субъективной реализации, при этом важным является восприятие текущей деятельности как связанной с будущими результатами. Потребность в чувстве результативности обусловлена стремлением человека интерпретировать жизненные события так, чтобы поддерживать веру в свою способность контролировать их результаты. Значимость фактора наличия системы ценностей обусловлена потребностью в оценке своих действий как имеющих положительную ценность или морально оправданных. При этом для формирования представлений о смысле жизни важно, чтобы чувство цели, результативности, ценности и самоуважения «логически вытекали» из полученного индивидом жизненного опыта [238].

В данном аспекте интерес представляют в частности модели формирования смысла жизни, описывающие «инструменты» и источники развития и структурирования индивидуального смысла жизни.

Термин «источники смысла жизни» используется для обозначения смыслообразующих оснований как индивидуального, так и коллективного бытия, включающих наиболее значимые и ценные для индивида объекты и явления окружающего мира [66]. Источники смысла отражают обобщенные и относительно стабильные жизненные ориентации личности, способствуют формированию жизненных целей, задают направление жизни и повышают ее значимость для индивида [234], поскольку «каждый источник отражает основные потребности, соответствующие жизненные цели и четыре компонента смысловой структуры: цель, понимание, ответственное действие и эмоциональное отношение» [219]. Содержательные основания смысла жизни не являются универсальными: они варьируют в зависимости от возрастного периода, социальной позиции, культурной среды, жизненного опыта и уровня личностной зрелости. Однако эмпирические и теоретические исследования позволяют выделить ряд устойчиво повторяющихся сфер, которые чаще всего приобретают для человека смыслообразующее значение.

Дж. Вестфорт, Е. Больмейер и М. Валенкамп выделяют пять таких групп:

- 1) внутренние источники (личностный рост и достижения, самопринятие, удовольствие, спокойствие и пр.);
- 2) отношения (чувство близости, альтруизм, служение и пр.);
- 3) физические источники (здоровье, внешний вид и пр.);
- 4) деятельность (работа, досуг, гедонистическая деятельность и пр.);
- 5) материальные потребности (финансовая состоятельность, удовлетворение основных потребностей и пр.) [244].

М. МакДональд, П. Т. Вонг и Д. Т. Джинграс дополняют данную классификацию источниками смысла, обусловленными потребностями в целостном философском взгляде на жизнь, включающем ценности, убеждения и идеалы [219; 238].

В рамках подхода к концептуализации смысла жизни как цели Р. А. Эммонс предложил классификацию источников смысла жизни,

включающую отношения (близость), достижения (труд), религию (духовность) и самотрансценденцию (служение) [205].

Анализ различных подходов к выделению групп источников смысла жизни, позволяет прийти к выводу, что источники смысла отражают отношения индивида с другими (от членов семьи до членов общества), с самим собой и с трансцендентным миром. Г. Рекер и П. Вонг утверждают, что полное понимание личностного смысла жизни требует как нисходящего (целостного), так и восходящего (аспектного) рассмотрения жизни: «жизнь содержит только смыслы, которые реализуются посредством конкретных действий и целей», вместе с тем для формирования устойчивого личного смысла ситуативные смыслы как понимание ценности и цели конкретных событий в жизни должны быть интегрированы в систему глобального смысла, который исследователи определяют как осознание индивидом порядка, последовательности и цели в своем существовании, стремление к достижению цели и ее достижение, сопровождающееся чувством удовлетворения. Таким образом, согласно Рекеру и Вонгу постоянный поиск «смысла момента» служит источником обретения высшего глобального смысла жизни [228].

Проблему соотношения глобального и ситуационного смысла рассматривали также Л. П. Парк и С. Фолкман при исследовании механизмов образования и структурирования смысла в стрессовых ситуациях, способных привести к смысложизненным кризисам. Ученые отмечают, что глобальный смысл связан с фундаментальными ожиданиями и представлениями индивида о мире и оказывает значительное влияние на понимание личностью прошлого и настоящего, а также ожидания от будущего. Содержательную структуру глобального смысла определяют личностные предположения о порядке, включая распределение негативных и позитивных событий, и возможности контроля над жизненными ситуациями; жизненные цели; самооценка; представления о своем месте и взаимоотношениях с миром. Ситуативный смысл характеризуется исследователями как результат взаимодействия глобального смысла и

конкретных жизненных обстоятельств индивида. Ключевыми компонентами ситуативного смысла выступают оценка личностного смысла конкретного взаимодействия индивида и его жизненной среды [222].

Г. Рекер и П. Вонг, исходя из идей В. Франкла о трансцендентном характере смысла жизни и концепции иерархической системы ценностей М. Рокича, предложили контекстуальную модель личностного смысла, предусматривающую выделение в нем четырех уровней. Данные уровни определяют «горизонт» формирования или обретения смысла жизни и качественно отличаются по глубине смысла. Первый уровень характеризуется самопоглощенностью (self-preoccupation) и ориентированностью на комфорт и гедонистические удовольствия, источниками смысла при этом выступают удовлетворение базовых потребностей, гедонистическая деятельность, финансовая безопасность, материальные блага. На втором индивидуалистическом уровне, связанном с ориентацией на реализацию личностного потенциала, источники смысла включают досуг, творческую деятельность, личные достижения, личностный рост. Третий уровень связан с выходом за пределы индивидуального самоосуществления и ориентацией на других людей, социальные группы и общественно значимые цели, источниками смысла здесь выступают служение другим, участие в жизни сообщества, приверженность социальным или политическим идеалам, а также деятельность, направленная на вклад в общее благо. На четвертом самотрансцендентном уровне источниками смысла являются личные отношения, религиозные убеждения, служение другим, непреходящие ценности и идеалы, отношения с природой [227]. Проведенные Г. Рекером эмпирические исследования позволили ученому прийти к выводу, что индивиды, чьи представления о смысле жизни включают третий и четвертый уровни, более удовлетворены жизнью, чем те, кто ощущает смысл жизни на эгоцентрическом и индивидуалистском уровнях [229].

Е. В. Мартынова, анализируя особенности содержательного отражения смысла жизни в сознании, указывает на то, данный психический феномен в

понимании индивида выражается в определенных типах смыслов, которые исследователь предлагает объединять в группы – смысложизненные пласты. Ученый выделяет четыре содержательных смысложизненных пласта, характеризующихся определенной системой ценностных ориентаций личности и отражающих ее экзистенциальную позицию:

1. возвышенный пласт включает «высокие» цели и устремления, ориентированные на общегуманистические духовные ценности и стимулирует направленность на познание, самосовершенствование, активную деятельность, творчество, счастье других и т.д., актуализируя экзистенциальную позицию «я для мира»;

2. обыденный пласт формируется смыслами повседневной жизни индивида и связан с ценностями семьи, общения, здоровья, образования, работы и материального благополучия и т.д., отражая экзистенциальную позицию «я для близких»;

3. эгоцентрический пласт составляют смыслы, обусловленные субъективными устремлениями и ценностями личности, которые могут включать признание обществом, успех, независимость от других, развлечения, реализацию своих способностей, самопознание и т.д. и связан с экзистенциальной позицией «мир для меня»;

4. абситуативный пласт включает ситуативные смыслы и выражается в жизненном плане и целях, ограниченных небольшим временным диапазоном, актуализируя позицию «я здесь и сейчас в конкретной жизненной ситуации».

Дальнейшие эмпирические исследования позволили Мартыновой выдвинуть предположение о том, что «содержательно смысл жизни в представлении обычного человека являет собой организованную иерархию смыслов», для обозначения которой исследователь использует термин «система смысложизненных пластов» [106]. Смысложизненные пласты образуют внутренне организованную структуру, поддерживающую относительную устойчивость представлений о смысле жизни, но при этом не исключающую их

подвижности. Выделение одного доминирующего пласта оказывается затруднительным, что, по мнению Мартыновой, обусловлено актуализацией смыслов различных пластов в зависимости от наличной жизненной ситуации, особенностями становления мотивационной и потребностной сфер личности, социальными, возрастными, личностными факторами.

Содержательное наполнение пластов конкретными смыслами способствует гармонизации личности и картины мира индивида, задавая широту диапазона смысла жизни, под которой понимается особое «психологическое свойство, обусловленное количественным составом и содержательной разнородностью смыслообразующих ценностей личности» [70, с. 196].

Таким образом, смысл жизни можно охарактеризовать как сложную многокомпонентную многоуровневую психическую систему, локализованную не только в сознании, но и на неосознанных уровнях психики. Структура динамической системы смысла жизни представляет собой иерархическую организацию, включающую относительно стабильные ядерные компоненты и более гибкие периферические смысловые структуры, что обеспечивает возможность как стратегической, так и оперативной регуляции жизнедеятельности.

В сознании смысл жизни представлен в различных феноменологических формах, включающих когнитивные, мотивационные и аффективные образования.

1.3. Особенности смысловой сферы интернет-активной молодежи

Рассмотрение личности как психологического образования, выполняющего регулятивную функцию [58], позволяет выделить в ее структуре три уровня:

1) базовый уровень, включающий психологические механизмы, которые обеспечивают внутреннюю устойчивость личности и задают ее общий структурный каркас;

2) смысловой уровень, или «внутренний мир» личности, в котором представлены значимые для человека отношения с действительностью и их субъективное содержание;

3) экспрессивно-инструментальный уровень, включающий структуры, определяющие типичные для человека формы взаимодействия с миром [83].

Д. А. Леонтьев связывает ключевые функции личности с выделением субъектом себя из окружающего мира, структурированием отношений с ним и подчинением жизнедеятельности устойчивой системе этих отношений. Данная функция, согласно Леонтьеву, выполняется смысловой сферой личности – организованной совокупностью смысловых образований и связей между ними, реализующей смысловую регуляцию жизнедеятельности субъекта. [84, с. 154].

Б. С. Братусь, предложивший понятие смысловая сфера, рассматривает его как обобщающее для описания системы смысловых образований личности. К последним ученый относит также ценности [21]. Таким образом, ценностно-смысловая сфера личности складывается из двух базовых ориентаций: смысложизненной и ценностной. При этом система смысложизненных ориентаций играет значительную роль в регуляции социального взаимодействия личности, а ценностные ориентации определяют абстрактные субъективно значимые идеалы [61].

М. С. Яницкий, А. В. Серый и Ю. В. Пелех отмечают значимость ценностных ориентаций как конструктов ценностно-смысловой сферы личности. Ценностные ориентации исследователи определяют как «систему индивидуальных установок, убеждений и предпочтений, опосредованных личностными смыслами, выражающуюся в поведении» и определяющую отношение индивида к определенным ценностям [184, с. 175]. Ценностные ориентации ученые характеризуют как смысловую составляющую

направленности личности, определяющую содержательный базис взаимодействия человека с реальностью, выражающегося в дифференциации объектов действительности по степени их значимости и определении их личностного смысла [184]. М. С. Яницкий указывает на то, что сложная иерархическая система ценностных ориентаций занимает промежуточное место между мотивационно-потребностной сферой личности и системой личностных смыслов [186].

Е. З. Басина описывает смысловую сферу личности как иерархически организованную систему, включающую три класса смысловых образований. Основанием их разграничения выступают степень обобщенности и устойчивости, а также характер участия в смыслообразовании, побуждении и регуляции деятельности. Первый уровень составляют общие смысловые ориентации. Они отличаются высокой устойчивостью, внеситуативным характером и связаны не с отдельными действиями, а с жизненным путем личности в целом. К этому уровню относятся доминирующие мотивы и ценности, мировоззренческие представления и самосознание личности. Второй уровень представлен частными смысловыми образованиями, которые занимают промежуточное положение между общими смысловыми ориентациями и конкретными ситуативными смыслами. Они выражают устойчивое отношение личности к определенным сторонам действительности и уже не сводятся к непосредственной предметной ситуации, однако сохраняют связь с конкретными сферами деятельности, мотивами, установками и эмоционально значимыми отношениями. Третий уровень образуют актуальные смысловые содержания — локальные личностные смыслы, возникающие в конкретной жизненной ситуации и переживаемые субъектом как непосредственная значимость происходящего. Их содержание определяется более обобщенными смысловыми образованиями верхних уровней и проявляется в том, как человек воспринимает, оценивает и переживает отдельные события, действия и обстоятельства [9].

А. А. Коршак, анализируя личностные предпосылки смысловой регуляции поведения, рассматривает личностные характеристики исследователь как фундамент для выстраивания системы ценностей и смысловых образований. К числу таких характеристик автор относит толерантность к неопределенности, рефлексивность, локус контроля, а также индивидуально-психологические параметры, описывающие направленность личности, степень саморегуляции, эмоциональную стабильность, способ выражения переживаний и характер связи с другими людьми [76].

Е. Ю. Почтарева рассматривает ценностно-смысловую сферу как системное образование, через которое личность согласует представления о желаемом, возможном и должном и выстраивает основания конструктивного образа жизни. В этой связи ценности и смыслы выполняют интегрирующую функцию: они связывают внутренние основания выбора с культурными нормами, социальными ожиданиями и индивидуальными жизненными целями. Их психологическая специфика проявляется в личностно-субъективном характере, избирательном отношении к действительности, разной степени осознанности, внутренней упорядоченности и способности изменяться в процессе развития личности [131]. Развитие ценностно-смысловой сферы обеспечивается совокупностью психологических механизмов, через которые человек воспринимает и оценивает себя, определяет собственную позицию, осваивает социальный опыт и переводит его в индивидуально значимые основания поведения. В этот процесс включены механизмы самовосприятия, самооценки, самоопределения, рефлексии, интериоризации и экстериоризации, а также адаптации, конформизма, саморазвития, социализации и индивидуализации [131].

Социализация выступает одной из ведущих линий становления ценностно-смысловой сферы личности. В процессе включения человека в систему социальных отношений внешние нормы и ценности не переходят во внутренний план механически: они соотносятся с уже имеющимся опытом субъекта, его

потребностями, мотивами, представлениями о себе и жизненных целях. Поэтому ценностно-смысловая сфера формируется как результат взаимодействия общественно заданного и индивидуально переработанного содержания. Социальная среда предоставляет человеку образцы поведения, нормативные требования и ценностные ориентиры, однако их личностная значимость возникает только тогда, когда они включаются в систему смысловой регуляции, начинают определять выбор, способы действия и отношение к собственной жизни [13; 131].

Индивидуальные особенности системы смыслов и ценностей обуславливаются в том числе мировоззрением индивида, формирующимся в ходе осмысления объективной действительности и формирования личностных смыслов в процессе ее понимания [57; 185].

Аксиологический аспект технологического развития выделяется в исследовании И. В. Пустоваловой. Высокие технологии изменяют не только инструментальную сторону человеческой активности. Их воздействие затрагивает более глубокий уровень – систему ценностных координат, через которую человек интерпретирует социальные изменения, определяет значимые цели и выстраивает представление о своем месте в мире. В этом отношении интернет может рассматриваться как значимый элемент цифровой среды, участвующий в перестройке жизненных ориентиров, повседневных практик и ценностных представлений личности [134].

Исследования показывают высокий уровень доверия к представленной в интернете информации, что можно рассматривать как один из факторов вовлечения молодежи в онлайн-пространство [200]. Согласно данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в июле 2023 г., 86 % россиян, использующих хотя бы одну социальную сеть или мессенджер, заходят в них почти ежедневно, а среди молодых респондентов данный показатель оказался еще выше: для респондентов в возрасте от 18 до 24 лет – 92%, в возрасте от 25 до 34 лет – 94%. Среднее время, которое регулярные

пользователи проводят в социальных сетях и мессенджерах, составляет 272 минуты, среди молодых пользователей 18–24 лет этот показатель достигает 493 минут [150].

Онлайн-коммуникация становится самостоятельным фактором социализации подростков и молодежи, оказывающим значительное влияние на становление моральных и этических принципов, личностных знаний о мире и социальных отношениях, а также выбора ролевых моделей [191].

Увеличение объема информации и фрагментарность цифровой коммуникации усиливают потребность человека в более простых и легко распознаваемых схемах понимания действительности. Л. Ф. Лисенкова указывает, что цифровые технологии в такой ситуации могут поддерживать обращение к упрощенным смысловым схемам: действительность начинает восприниматься через стереотипные и мифологизированные образы, а граница между реальным событием и его символической или мифологической интерпретацией становится менее отчетливой [88, с. 24]. Мифы в индивидуальной картине мира выполняют адаптивную функцию [122], трансформируя действительность в систему взаимодействующих смысловых схем, позволяющих индивиду конструировать в сознании новую смысловую реальность с сохранением физических параметров окружающего мира [177], т. е. миф взаимодействует со структурами сознания, «которые позволяют «упорядочить картину мира», приспособлявая индивида к условиям жизни в окружающей реальности» [166], способствуя сохранению комфортной психологической среды. В работах, посвященных мифологическим компонентам социокультурного опыта, проводится различие между традиционными мифами, опирающимися на архаические ментальные структуры, и социальными мифами современности. В смысловой системе личности мифы выполняют функции создания символических образов реальности и целостной их репрезентация, а также заполнения смысловой неполноты в понимании мира интерпретационными моделями [18].

М. Маклюэн рассматривал электронные медиа как фактор трансформации коллективного восприятия и формирования новых символических форм социального опыта [102]. Современная сетевая коммуникация усиливает обозначенную тенденцию: медиа все активнее участвуют в создании общих представлений о реальности, поддерживая процессы ее символического упрощения и мифологизации в массовом сознании. По замечанию М. М. Медведева и А. А. Сергеева, на современном этапе традиционные функции мифов все более активно реализуют социальные сети [110].

А. А. Лисенкова и Г. Л. Тульчинский отмечают, что благодаря появлению мобильных приложений и гаджетов цифровая реальность становится все более реальной, поскольку она интегрируется в повседневную жизнь большинства людей. Ученые считают, что цифровые коммуникации, нивелируя границы между мифом и действительностью, формируют особую мифологическую реальность. Такая мифологическая реальность непосредственно влияет на ценности и формирует мировоззрение все большего числа людей. Цифровая среда как пространство мифов дает возможность пользователю создавать свой образ, транслировать собственный миф. «Создавая новые смыслы и новые миры, цифровые коммуникации предлагают современному человеку возможности сотворчества новой культуры и новой реальности в условиях дистантности, анонимности и дискретности процесса мифологизации цифрового пространства, с крайней степенью иммерсивности, а каждый пользователь имеет доступ к этому наполненному образами яркому миру, в котором он сам порождает новые образы и репрезентует себя как визуализированный миф» [88, с. 26]. В условиях цифровой культуры возрастает риск упрощения смысловых ориентиров личности. Как отмечает Л. Ф. Лисенкова, интенсивный поток информации и доминирование готовых коммуникативных схем могут поддерживать обращение к стереотипным объяснениям действительности, при которых сложные явления воспринимаются через простые, ожидаемые и эмоционально удобные интерпретации [88, с. 29]. В этом случае мифологизированные образы начинают

выполнять функцию смыслового сокращения: они позволяют быстро объяснять происходящее, но одновременно могут снижать критичность восприятия и ограничивать самостоятельное смысловое освоение жизненного опыта.

Вхождение личности в интернет-среду расширяет пространство ее социального опыта. Оно связано с использованием цифровых технологий как средства коммуникации, освоением новых способов взаимодействия, включением в сетевые сообщества, изменением ролевого репертуара и появлением новых значимых групп, существующих преимущественно или исключительно в виртуальном пространстве. Поэтому интернет-социализация может рассматриваться как особая линия общего процесса социализации, в рамках которой социальные нормы, ценности и смыслы получают цифровые формы репрезентации и личностного освоения. Р. И. Зекерьяев связывает этот процесс с возможностью формирования диффузной ценностно-смысловой сферы, поскольку личность соотносит между собой смыслы, приобретенные в реальном взаимодействии, и значения, закрепляющиеся в виртуальной коммуникации [53].

А. И. Лучинкина рассматривает интернет-социализацию как многоаспектный процесс, включающий инструментальную, мотивационную и мифологическую составляющие. Инструментальная сторона связана с освоением способов действия в интернет-среде, мотивационная — с побуждениями, определяющими обращение личности к виртуальному пространству, а мифологическая — с представлениями о значении интернета в жизни человека и индивидуальными мифологемами пользователей [94]. Виртуальное пространство выступает не только средством коммуникации, но и особой средой формирования представлений, ожиданий и смысловых схем, через которые личность интерпретирует собственный опыт.

Существенное значение для понимания интернет-социализации имеет степень включенности личности в сетевую активность. Она проявляется в частоте обращения к интернету, продолжительности пребывания в сети,

разнообразии онлайн-деятельности и интенсивности поддерживаемых в виртуальной среде социальных связей. С учетом выраженности этих характеристик А. И. Лучинкина выделяет разные уровни интернет-активности: от пассивного и ситуативного использования сети до активного и чрезмерно активного включения в интернет-пространство [95].

М. С. Богдан и Л. В. Бура подчеркивают многокомпонентный характер интернет-активности, проявляющейся в различных формах взаимодействия личности с цифровой средой. В ее структуре авторы выделяют техническую, коммуникационную, контентную и поведенческую составляющие [16].

Г. У. Солдатова и А. Е. Войскунский считают, что в ходе адаптации индивида к цифровой среде происходит цифровое расширение личности, связанное с трансформацией как когнитивных, так и социальных компонентов, изменяющее восприятие социального Я человека и формирующее новый тип социальности – цифровой. Цифровая социальность, возникающая в ходе интернет-социализации рассматривается как результат социокультурной эволюции психики, обусловленной необходимостью адаптации индивида к цифровой среде, требующей новых способов мышления, познания, управления вниманием пр. «Цифровая социальность – это все то, что человек приобретает в ходе межличностного онлайн-взаимодействия и в составе различных групп в интернете, это способы и практики самопрезентации и социальной коммуникации, новые форматы деятельности, накапливаемые социальные онлайн-контакты, освоение и реализация социальных ролей в сети, это усвоение, принятие и соблюдение норм и правил цифровой среды и выполнение на их основе различных социальных функций» [146, с. 442]. Цифровая социализация рассматривается как процесс, изменяющий способы включения человека в социальную среду под влиянием интернет-технологий. Ее ключевыми проявлениями выступают постоянная подключенность к цифровому пространству, использование интернета как универсального средства общения, познания и деятельности, при котором онлайн- и офлайн-формы опыта

становятся взаимосвязанными. Цифровая среда не только расширяет коммуникативные и деятельностные возможности личности, но и участвует в трансформации ее социального Я, поскольку цифровые устройства, онлайн-контакты, сетевые роли и способы самопрезентации начинают включаться в повседневные формы самоотношения и взаимодействия с другими людьми [147].

И. С. Лучинкина, анализируя особенности поведения личности в цифровой среде, определяет цифровую личность как «локализацию состояния реальной личности в пространстве и во времени, которому присущи бестелесность, анонимность, бездомность, обратимость во времени». Исследователь указывает на то, что развитие цифровой личности связано с формированием субъективных цифровых мотивов, когнитивных особенностей и аффективных состояний [100, с. 56]

Интернет способствует формированию новой формы коллективного существования и взаимодействия индивидов и особого типа культуры личности, для которой характерны неопределенное мышление, особые смыслы и ценности [95]. В трактовке Р. И. Зекерьяева виртуальная личность формируется тогда, когда реальная личность переносит часть своей активности в интернет-пространство, осваивает способы взаимодействия в виртуальном социуме и постепенно включает его ценности и смыслы в собственную систему отношений [53]. А. И. Лучинкина выделяет такие характеристики виртуальной личности как виртуальность, под которой понимается уровень принятия виртуальной реальности как среды для социальной жизнедеятельности; вовлеченность, определяемая уровнем владения технологиями и чувством принадлежности к социокультурному пространству интернета; а также направленность, связанная со степенью сформированности у индивида представлений о социально одобряемом поведении в виртуальном социуме [93]. Р. И. Зекерьяев указывает на то, что особенности функционирования виртуальной личности определяются характеристиками ценностно-смысловой сферы индивида. В частности исследователь отмечает, что показатель базового убеждения в благосклонности

мира связан с уровнем виртуальности, а показатель базового убеждения в контролируемости мира – с уровнем вовлеченности [53]. В исследовании Р. И. Зекерьяева выявлена сопряженность смысложизненных ориентаций с параметрами виртуальной личности. Так, показатель «процесс жизни» связан с вовлеченностью в виртуальное пространство, а «результативность жизни» – с направленностью виртуальной личности: более высокая оценка собственной самореализации сопряжена с большей ориентацией на нормы и правила поведения, принятые в интернет-сообществах [54]. Согласно Т. Г. Лешкевич разрастание цифровой среды приводит к изменениям ценностно-смысловых регулятивов личности, среди которых ученый выделяет приоритет техносоциализации и развития цифровых навыков, необходимость «двойного обновления» (постоянного размещения собственного нового контента и отслеживания обновлений контента других субъектов онлайн-пространства), имитационную информационную самопрезентацию, мультизадачность [87].

В работах А. И. Лучинкиной мотивация интернет-пользователей анализируется с учетом степени ее обусловленности возможностями виртуальной среды. Автор разграничивает мотивы, которые могут быть реализованы как в реальном, так и в интернет-пространстве; мотивы, для которых сетевое взаимодействие создает преимущественные условия реализации; и мотивы, специфичные для интернет-среды [94]. Внутри последней группы А. И. Лучинкина выделяет потребительские мотивы, связанные с фиксацией собственного присутствия в виртуальном пространстве и освоением определенной роли, а также творческие мотивы, предполагающие создание или преобразование содержания, расширение личного сетевого пространства и воспроизведение собственных виртуальных проявлений [97].

Важным представляется также вывод исследователя о наличии взаимосвязи между формированием мотивов личности в онлайн-пространстве и уровнем удовлетворенности ее биологических и социальных потребностей, потребностей в признании и самореализации в реальном пространстве [94].

Т. О. Риппинен и Е.Р. Слободская отмечают, что интернет-среда влияет на индивидуальные свойства личности и ее смысловую сферу, а также указывают на наличие взаимосвязи между личностными чертами, такими как экстраверсия, сознательность, эмоциональная стабильность со стилем виртуального общения интернет-пользователя [135].

И. В. Абакумова, Н. Е. Комерова и С. Н. Рягин показывают, что социальные сети занимают значимое место в повседневной жизни студенческой молодежи, выполняя коммуникативные функции и обеспечивая возможности для получения социальной поддержки, самовыражения и самопрезентации. Изменение привычных условий взаимодействия с цифровой средой может сопровождаться различиями в копинг-стратегиях и показателях социально-психологической адаптации [2].

Э. Фрисон и С. Эггермонт выделяют два типа использования социальных медиа:

- активное, включающее взаимодействие с другими пользователями как посредством трансляции контента, создания публикаций, обновления статусов и т.д., так и посредством направленной коммуникации в личных сообщениях, комментариях и т.д.;

- пассивное, проявляющееся в потреблении контента без взаимодействия с другими, например, просмотр новостной ленты социальной сети без комментирования или другого взаимодействия с пользователями [198; 204].

Ценностно-смысловая сфера характеризуется исследователями как процесс смыслового определения личностью себя в жизнедеятельности, значительную роль в котором играет ориентация личности на раскрытие личностных свойств и способностей [53; 54; 131]. Проблему формирования идентичности современной молодежи в информационном обществе рассматривает Л. В. Бура. Автор связывает идентичность с ощущением устойчивости и непрерывности собственного Я, включенностью в социальное сообщество и соотнесением личностной и социальной составляющих

мировоззрения. Особое значение данная проблема приобретает в юношеском возрасте, когда представления человека о себе интегрируются в более целостную личностную идентичность [27]. В виртуальном пространстве с присущими ему возможностями выстраивания коммуникации вне зависимости от расстояния, выбора коммуникативного партнера, свободного доступа к разнообразной информации и широким инструментарием для самовыражения и персонификации, в том числе посредством аватаров, ников, публикаций, происходит трансформация идентичности личности. Одной из ключевых особенностей идентичности в виртуальном пространстве является возможность контроля личностью процессов ее конструирования и презентации, «в связи с чем [она] может быть легко скорректирована вплоть до полной противоположности реальной идентичности» [139, с. 107]. Несоответствие реальной и виртуальной идентичности ученые связывают со стремлением реализовать роли, фрустрированные в реальной жизни индивида: нерешенные задачи возраста, нереализованность в определенных сферах может актуализировать стремление сформировать в виртуальном пространстве субъективный идеализированный образ Я [138]. Е. А. Рыльская и Д. Н. Погорелов, сравнивая реальные и виртуальные идентичности, выделяют ряд их специфических особенностей. Так, при описании реальной идентичности ключевыми характеристиками выступают семейное положение, социальная роль, физические свойства при описании виртуальной идентичности – коммуникативные особенности, деятельность в онлайн-пространстве, виртуальный образ. Вместе с тем может быть выделена и инвариантная составляющая – категории, характерные и для виртуальной, и для реальной идентичности, включающие личностные качества, черты характера, способности. Ученые отмечают в самоописаниях реальной идентичности значительное количество негативных характеристик, обусловленных жизненными ситуациями или отрицательными чертами характера, что указывает на сосредоточенность личности на существующих проблемах, задачах и

ситуациях. Самоописания виртуальной идентичности напротив демонстрируют большую актуализацию позитивных эмоциональных состояний и приукрашивания личностного образа в виртуальном пространстве [139].

Т. А. Наумова в исследовании особенностей самопрезентации в виртуальном пространстве интернет-зависимых и интернет-независимых пользователей указывает на то, что специфика формирования образа Я личности обусловлена личностными особенностями, индивидуальными смыслами и ценностями. Т. А. Наумова приходит к выводу, что структурно-динамические характеристики образа Я в виртуальном пространстве у интернет-зависимых и интернет-независимых пользователей значительно отличаются: для интернет-зависимых пользователей характерно слияние «Я реального», «Я идеального» и «Я виртуального» [113].

В работе О. В. Курышевой и К. В. Нужных социальное сравнение описывается как способ, через который человек конкретизирует содержание собственной Я-концепции. Обращаясь к характеристикам других людей как к точкам сопоставления, субъект уточняет представления о себе: от личностных свойств и внешнего образа до нормативности поведения и убедительности собственных взглядов. Поэтому социальное сравнение может рассматриваться как механизм когнитивной организации самопредставлений [79, с. 142]. А. Ирмер и Ф. Шмидек указывают, что развитие социальных сетей обусловило появление новых форм социального сравнения: «эти платформы позволяют сравнивать свою жизнь с жизнью незнакомцев (в основном старшего возраста), так называемых лидеров мнений, которые делятся тщательно подобранными аспектами своей жизни в интернете» [213]. Особенности такого социального сравнения исследователи связывают с присущей социальным медиа «ориентированностью на позитив», проявляющейся в тщательном отборе контента для создания идеализированного образа. Идеализированная самопрезентация в социальных сетях воспринимается подростками и молодежью как реальность, таким образом, просмотр социальных сетей в

первую очередь вызывает восходящие социальные сравнения [213; 220]. Как следствие ежедневное использование социальных сетей может оказывать негативное влияние на положительную самооценку подростков и молодежи [213].

Особенности поведения молодежи в интернете обуславливается не только социально-демографическими параметрами, значимыми факторами являются также объемы онлайн-коммуникации, тип потребляемого контента и направленность на удовлетворение определенных потребностей [116].

А. В. Гришина, И. В. Абакумова, Г. П. Звездина и И. Г. Смольянов показывают, что особенности информационного поведения студенческой молодежи сопряжены и с индивидуально-психологическими характеристиками. Выявленные авторами связи рискованных стратегий информационного поведения со стратегиями принятия решений, психологической разумностью, враждебностью и толерантностью к неопределенности позволяют рассматривать взаимодействие с интернет-средой не только как совокупность внешне наблюдаемых цифровых практик, но и как форму активности, связанную с особенностями личностной регуляции [42].

С. Бенгтссон и С. Джоансон в ходе исследования особенностей повседневного использования молодыми людьми социальных сетей, пришли к выводу, что в различных временных, пространственных и социальных ситуациях использованию социальных сетей индивид может придавать разное значение и смысл. Ученые выделили три ключевые роли социальных медиа в повседневной жизни молодежи:

1. Интервальное использование для «заполнения пустых мест» во время поездки в транспорте, ожидания в очереди и т.д. или как параллельная активность при выполнении других действий в целях снижения чувства одиночества (например, просмотр видео во время приготовления пищи). Интервальное использование, как правило, «технологически независимо», т. е. для индивида не важно, какую именно социальную платформу использовать,

поскольку его главная цель – преодолеть скуку, монотонность или социальную пустоту.

2. Ритуальное использование, наиболее активно проявляющееся утром и вечером и представленное «систематической, целенаправленной ограниченной во времени и пространстве практикой медиапотребления». Ритуальное использование социальных сетей «технологически специфично», поскольку индивид обещается к конкретным социальным сетям, часто в определенном порядке.

3. Эмоциональное использование для управления настроением связано с восприятием пользователями различных социальных платформ и их контента с «конкретным опытом» и корректированием использования социальных сетей в зависимости от настроения или информационных потребностей: «некоторые респонденты очень ясно описывали, как они активно создавали различные пространства в социальных сетях как мобильные психические состояния, которые они могли активировать в любое время». Эмоциональное использование социальных сетей для управления настроением технологически специфично, ограничено во времени и связано с ситуациями, когда индивиду необходима эмоциональная поддержка. Ученые отмечают, что данный тип использования требует предварительной корректировки содержания своих социальных сетей в соответствии с определенными эмоциональными состояниями и сознательного выбору между различными приложениями социальных сетей для формирования требуемого эмоционального пространства [198].

Е. Ю. Почтарева рассматривает ценностно-смысловую сферу личности как систему, в которой объединяются представления человека о себе, целях, жизненных ориентирах, допустимых способах поведения и формах взаимодействия с другими людьми. Ее развитие связано с личностно-смысловым самоопределением: человек соотносит себя с различными ситуациями деятельности, общения и жизненного выбора, а затем интегрирует эти представления в более целостную систему ценностей и смыслов [131, с. 571].

Е. В. Бродовская, А. В. Синяков и И. С. Иванов, проведя эмпирическое исследование влияния коммуникации в интернете на ценности молодежи, пришли к выводу о наличии взаимосвязи между интенсивностью использования интернета и высоким уровнем включенности в онлайн-коммуникацию и принадлежностью личности к индивидуалистическому прагматическому типу интернет-культуры, проявляющемся в особой иерархии ценностных ориентаций. Исследователи отмечают некоторое снижение ценности семьи и брака у активных пользователей интернета, менее выраженную ценность самореализации и саморазвития при доминировании ценностей материального благополучия и любви. Также молодые активные пользователи интернета демонстрируют ориентацию на ценности статуса (лидерства и авторитета), что ученые связывают с особенностями восприятия онлайн-среды как комфортного пространства повседневности и инструментальной легкостью виртуальной демонстрации успеха и статуса [24].

Ряд исследований показывает, что для активных интернет-пользователей характерны ценностные ориентации на развитие и достижение успеха, развлечения, получение нового опыта, высокая ценность личной жизни, а также потребность в групповом взаимодействии с одновременным сохранением собственной индивидуальности. Значимым представляется также вывод о склонности к частой смене деятельности и ориентации на достаточно кратковременные карьерные траектории [199; 212; 241].

Последнее положение согласуется с выводами В. О. Богдановой о том, что представители цифрового поколения склонны к построению краткосрочных жизненных перспектив, целей, ориентиров: «смысл жизни цифровое поколение связывает с ярким проживанием настоящего, поскольку существующая социальная среда не дает им возможности перспективного планирования» [17, с. 47].

А. Б. Углова, И. М. Богдановская, Б. А. Низомутдинов указывают на то, что интернет-пространство выполняет смыслопорождающие функции, влияет на

ценности и регулирует активность пользователей, при этом воздействие виртуальной среды на ценностно-смысловую сферу может быть как положительным, так и негативным. Исследователи отмечают, что группы интересов и предпочтений, представленные на страницах молодых пользователей социальных сетей отражают социокультурные ценности и поведенческие образцы и нормы, сложившиеся в молодежной культуре. Согласно выводам ученых система социокультурных ценностей, отраженных на персональных страницах подростков в социальных сетях представлена ориентацией на получение новых впечатлений, гедонизм, в меньшей степени выражены культурные, социально-политические, познавательные ценности [155].

Повышение уровня интернет-активности соотносится с большей значимостью ориентаций на познание, творчество и развлечение, что указывает на смысловую неоднородность подростковой онлайн-активности: она может выполнять информационно-познавательную, творческую и рекреационную функции [54].

А. М. Кожевников и В. А. Масликов, анализируя современные исследования проблемы влияния интернет-среды на ценностные ориентации, приходят к выводу, что воздействие виртуальной коммуникации на ценностную сферу реализуется преимущественно посредством механизмов усвоения и формирования ценностей, а не их изменения [73].

Е. В. Зиновьева и Е. А. Кузнецова указывают на то, что блогеры-лидеры мнений молодыми интернет-пользователями часто рассматриваются как модели для идентификации, «а транслируемые ими ценностные послания всё более активно вписываются в картину мира молодых людей, становясь отражением их жизненных стремлений» [56]. Исследователи определили ключевые сферы ценностных посланий, транслируемых молодежными цифровыми лидерами, в том числе самореализация; отношения; самопрезентация и жизненная философия. Рассматривая содержание ценностных посланий, ученые пришли к

выводу, что оно отражает тенденцию формирования особой субъектности, для которой характерны ориентация на свободу и автономию, реализацию своих потребностей, успешность и умение выстраивать отношения. Результаты опроса молодых людей в возрасте от 15 до 22 лет позволили исследователям прийти к выводам об умеренной или высокой степени согласия молодежи с транслируемыми ценностными посланиями, свидетельствующей об их согласованности с внутренними ценностными ориентирами респондентов [56].

М. В. Клементьева подчеркивает значительную роль онлайн-среды в процессах формирования смысла жизни, изменений сложившихся смыслов и поиска новых: «онлайн-среда предоставляет пользователям не только новые способы поиска смысла жизни, но также и возможности для бегства от действительности, усиливая тенденции к эскапизму, одиночеству, депрессии и стрессу» [71, с. 36].

А. Де Акино, В. Гувейя и С. Гомес отмечают, что в отличие от взрослых, находящихся на этапе реализации смысла жизни и в целом имеющих более четкие смысложизненные ориентации, сформированные в том числе на основе уже имеющегося жизненного опыта, подростки и молодые люди находятся на этапе поиска идентичности и смысла. На процессы формирования последних значительное влияние оказывает онлайн-среда и социальные сети [194]. М. Т. Сиерра, М. О. Вела, И. Л. Родригез и др. в ходе исследования взаимосвязи между использованием социальных сетей и представлений о смысле жизни у людей подросткового возраста, молодежи и среднего взрослого возраста пришли к выводу, что хотя использование социальных сетей может позитивно влиять на процессы социализации, оно и имеет и негативные эффекты. Исследователи указывают на взаимосвязь между большим количеством времени, проводимым в социальных сетях и низким уровнем сформированности личностных представлений о смысле жизни: «можно констатировать, что люди, более активно пользующиеся социальными сетями, склонны проявлять скудность

смысла жизни, проблемы с духовностью и трудности с пониманием своих эмоций через попытки поиска идентичности в социальных сетях» [236].

П. Г. Ангуло, Х.С. Мендоза, Е. К. Контрерас в ходе изучения отношений между интернет-зависимостью и самооценкой у подростков отмечают, что низкая самооценка является существенным фактором развития интернет-зависимости и других видов аддиктивного поведения, а смысл, согласно выводам исследователей, выступает в качестве «посредника» между этими переменными: «имея большее удовлетворение от жизни, подросток менее склонен к интернет-зависимости» [192, с. 525-526].

К схожим выводам приходит и Б. Айдин, описывая взаимосвязь между проблемным использованием интернета студентами и уровнем сформированности представлений о смысле жизни. Исследователь приходит к выводу о склонности индивидов компенсировать неадекватность смысла неадаптивным использованием интернета. Айдин отмечает, что в интернете люди удовлетворяют свои потребности в установлении отношений и общении, свободном самовыражении, приятном времяпрепровождении, получении информации и эстетического опыта, и в зависимости от значимости потребностей индивида и уровня их удовлетворения склонность личности искать способы их удовлетворения в другой среде становится выше [195].

А. А. Коршак рассматривает интернет-активность как один из параметров, соотносимых с содержанием и организацией жизненных смыслов у пользователей, различающихся по степени включенности в сетевое взаимодействие. Полученные автором данные показывают, что независимо от уровня интернет-активности в смысловой системе респондентов сохраняют значимость экзистенциальные и семейные ценности. Вместе с тем отдельные группы пользователей различаются по выраженности частных смысловых областей: у ситуативных и активных пользователей более заметно представлены когнитивные смыслы, связанные с познанием, поиском информации и использованием интернет-пространства как ресурса личностного и творческого

развития; у чрезмерно активных пользователей выделяется коммуникативный смысл, отражающий ориентацию на удовлетворение потребности в общении преимущественно через виртуальные сети. В отношении смысложизненных ориентаций автор фиксирует различия не по всем шкалам, а прежде всего по показателям локуса контроля [75].

Р. И. Зекерьяев описывает иную линию связи интернет-активности со смысложизненными ориентациями. Согласно результатам его исследования, увеличение уровня интернет-активности сопровождается ослаблением ориентации на будущее, снижением переживания текущей жизни как содержательной и эмоционально насыщенной, а также уменьшением удовлетворенности результатами прожитого жизненного этапа. Кроме того, автор отмечает снижение общего показателя осмысленности жизни при росте интернет-активности, тогда как показатели локуса контроля сохраняют относительную устойчивость [52].

Р. И. Петриков и Н. Т. Селезнева в ходе изучения особенностей ценностно-смысловой сферы подростков с признаками интернет-зависимости, пришли к выводу, что для них характерно упрощенное восприятие окружающей действительности «в виде схематических и абстрактных символов», доминирование эмоциональной окраски субъективно значимых отношений, гедонистическая направленность ценностных ориентаций (стремление к получению удовольствий, независимости, новизне) и снижение значимости просоциальных ценностей. Также исследователи отмечают низкий показатель осмысленности жизни, неудовлетворенность жизнью и самореализацией, неопределенность перспективных целей. Значимой для описания особенностей смысловой сферы интернет-зависимых подростков представляются также выделенная учеными склонность таких молодых людей к экстернальному локусу контроля [128].

М. В. Клементьева показывает, что смысложизненные ориентации студентов различаются в зависимости от сферы их актуализации: показатели,

связанные с реальной повседневной жизнью, выражены значимо выше, чем показатели, относящиеся к онлайн-жизни. Автор связывает это с тем, что повседневная реальная жизнь сохраняет ведущую роль в поиске, принятии и реализации жизненных смыслов, тогда как интернет-пространство выступает скорее дополнительной сферой смыслового опыта. Онлайн-сфера может дополнять процессы целеполагания и самовыражения, создавая дополнительные возможности для поиска и реализации смыслов, однако не подменяет смысложизненные основания, связанные с реальной жизнедеятельностью личности. Особое значение в исследовании придается статусам виртуальной идентичности. Достигнутая виртуальная идентичность соотносится с более высокими показателями осмысленности онлайн-жизни, поскольку предполагает более устойчивое, внутренне согласованное и осмысленное принятие собственного «Я» в интернет-пространстве. При этом процессы виртуальной идентификации связаны преимущественно с онлайн-компонентами смысложизненных ориентаций и не определяют осмысленность офлайн-жизни. В этом смысле интернет-среда рассматривается не как доминирующий источник смысложизненной направленности студентов, а как пространство, которое ситуативно дополняет реальные жизненные смыслы и предоставляет дополнительные условия для их поиска, уточнения и частичной реализации [71, с. 42].

Таким образом, интернет-пространство и социальные сети как его часть способны влиять на социальность, формирование идентичности, представления о социальных нормах, формы саморепрезентации, ценностные и смысложизненные ориентации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Смысл жизни является интегративной категорией, формирование которой происходит на высшем уровне психического аппарата. В качестве рабочего определения в исследовании принята трактовка смысла жизни как обобщенной динамической смысловой системы личности, задающей общую направленность ее жизни (Д. А. Леонтьев). Анализ научной литературы по проблеме исследования показал, что смысл жизни как психологический феномен, определяющий развитие личности, обладает такими свойствами как устойчивость, самостоятельность (В. Э. Чудновский), трансцендентность (Р. Мэйем, В. Франкл, С. Л. Рубинштейн), уникальность, процессуальность (Т. М. Жильцова).

2. Динамическая смысловая система смысла жизни включает разнородные смысловые структуры, объединенные в многомерную иерархическую организацию с относительно стабильной ядерной частью (базовая ценность жизни, смысложизненные личностные ценности) и более динамичной периферической частью (мотивы, диспозиции, установки и пр.).

3. Научные концепции форм репрезентации смысла жизни в сознании личности представлены однокомпонентными (Коган, Немировский), двухкомпонентными (Дж. Батиста, Р. Олмонд, Д. Шек, М. Стегер), трехкомпонентными (Г. Рекер, П. Вонг, Л. С. Джордж, К.Л. Парк), четырехкомпонентными (П. Вонг, К. В. Карпинский) моделями.

4. Конструирование ценностно-смысловой сферы личности происходит в процессе социализации, специфической частью которой на современном этапе является интернет-социализация. Интернет-социализация способствует формированию диффузной ценностно-смысловой сферы личности (Р. И. Зекерьяев) и цифровому расширению личности (Г. У. Солдатова, А. Е. Войскунский), изменениям ценностно-смысловых регулятивов (Т. Г. Лешкевич).

5. Накопленный опыт теоретических и эмпирических исследований по проблеме влияния интернет-среды на представления о смысле жизни демонстрирует, что виртуальная среда может способствовать как формированию новых смыслов, так и упрощению уже сформированных. Среди основных тенденций влияния высокого уровня включенности в онлайн-коммуникации выделяются формирование индивидуалистических прагматических (Е. В. Бродовская, А. В. Синяков, И. С. Иванов) и гедонистических (Р. И. Петриков, Н. Т. Селезнева) ценностных ориентаций и снижение значимости просоциальных ценностей; уменьшение ориентации личности на будущее, навыков планирования жизненной траектории и построения долгосрочных жизненных перспектив (В. О. Богданова, С. Б. Беркап), увеличение уровня неудовлетворенности своей жизнью и снижение общего показателя осмысленности жизни (Р. И. Зекерьяев, М. Т. Сиерра и др.).

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ

2.1. Методологические основы построения исследования представлений о смысле жизни у интернет-активной молодежи

В качестве методологической основы исследования принят деятельностно-смысловой подход, позволяющий рассматривать смысл жизни как динамически организованную систему смысловых образований, включающую взаимосвязанные компоненты и уровни. Представленная в исследовании теоретическая модель динамической системы смысла жизни интернет-активных пользователей основывается на четырехкомпонентных моделях смысла жизни.

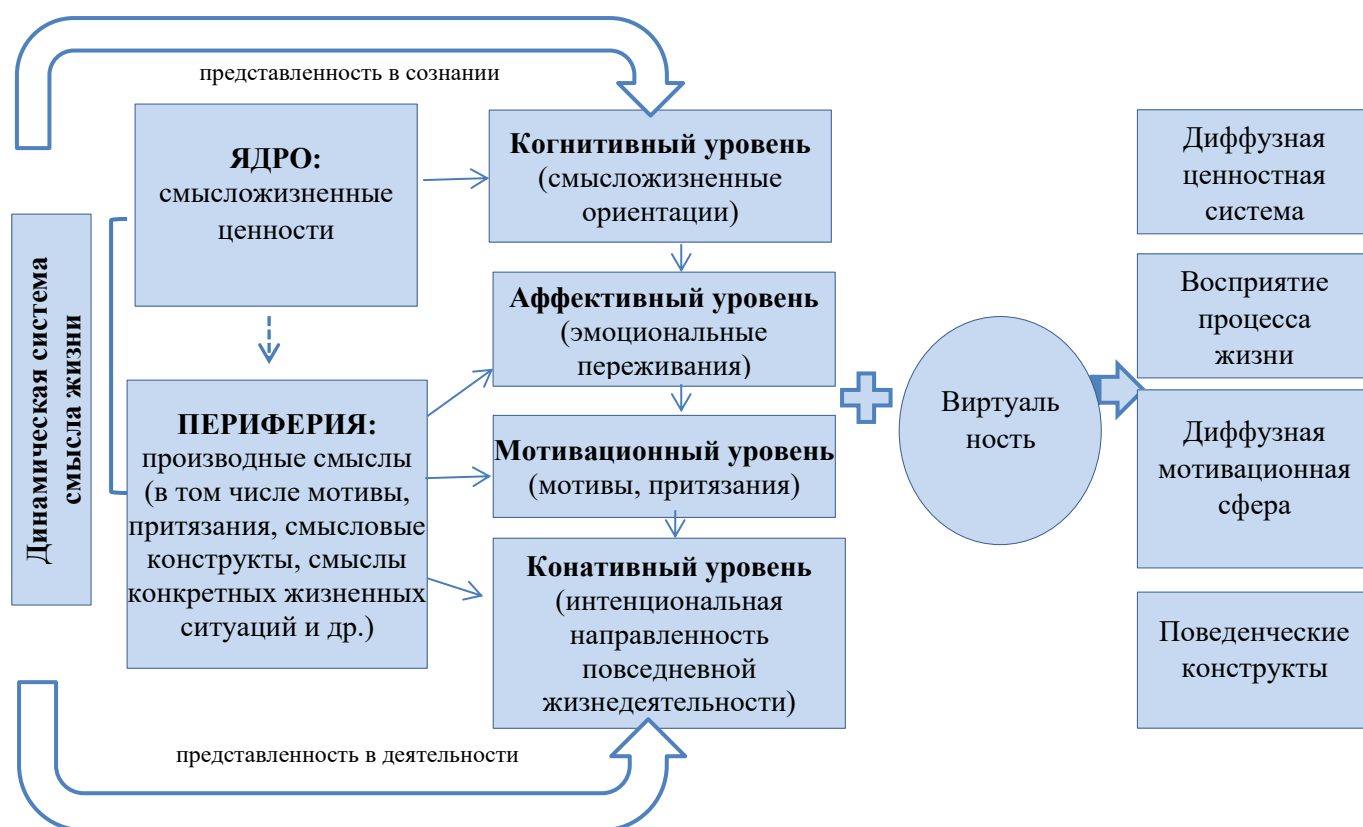

Рисунок 1. Теоретическая модель динамической системы смысла жизни
интернет-активных пользователей

В структуре динамической системы смысла жизни условно выделяются ядерная и периферическая части. Ядерная часть представлена смысложизненными ценностями и преимущественно репрезентируется на когнитивном уровне. Периферическая часть включает производные смысловые структуры, проявляющиеся в аффективных, мотивационных и конативных характеристиках жизнедеятельности личности (Рисунок 1).

Когнитивный уровень динамической системы смысла жизни составляет совокупность смысложизненных ориентаций, детерминирующих повседневную жизнедеятельность личности в соответствии с присущей ее системой ценностей, смыслов и целей. Аффективный уровень формируется эмоциональными переживаниями в ходе реализации смысложизненных ценностей в повседневной жизни, удовлетворенностью конкретными жизненными ситуациями, этапами, жизнью в целом. Мотивационный уровень представлен устойчивыми мотивами, а также притязаниями личности, побуждающими и регулирующими деятельность, направленную на достижение значимых жизненных целей. Конативный уровень определяется интенциональной направленностью повседневной деятельности личности, соответствующей смысложизненным ценностям.

Мы предполагаем, что виртуальность может рассматриваться как параметр, соотносимый с различными уровнями динамической системы смысла жизни. Предполагается, что у молодых людей с разной выраженностью виртуальности могут по-разному проявляться когнитивные характеристики смысложизненных представлений, эмоциональное отношение к жизненному процессу, мотивационные основания активности и конативные формы реализации жизненных смыслов. Это позволяет анализировать виртуальность не только как показатель включенности в интернет-пространство, но и как возможный маркер различий в организации смысловой сферы личности.

Исследование проводилось в 2024–2025 гг. Участниками исследования стали 240 респондентов – студентов Крымского инженерно-педагогического

университета имени Февзи Якубова в возрасте от 18 до 23 лет. Все респонденты являются пользователями сети интернет. Формирование такой выборки для исследования обусловлено тем, что в данном возрасте смысл жизни становится предметом личностного выбора в ходе процессов рефлексии индивидуального жизненного пути, поиска и осознания себя в мире, постановки жизненных целей и формирования внутренне детерминированной ценностной системы, при этом для современных молодых людей характерно активное взаимодействие с интернет-средой и цифровой культурой, которая способна оказывать влияние на процессы смыслообразования.

Структура построения эмпирического исследования.

Эмпирическая модель данного исследования формировалась с учетом необходимости изучения когнитивного, аффективного, мотивационного и конативного уровня динамической системы смысла жизни, что требовало решения следующих задач:

1. Провести распределение респондентов на группы в соответствии с критерием уровня виртуальности.
2. Провести эмпирическое исследование когнитивной составляющей системы смысла жизни.
3. Провести эмпирическое исследование аффективной составляющей динамической системы смысла жизни.
4. Провести эмпирическое исследование мотивационного уровня динамической системы смысла жизни.
5. Провести эмпирическое исследование конативной составляющей динамической системы смысла жизни.

Таким образом, эмпирическое исследование включало два взаимосвязанных аналитических этапа. На первом была проведена группировка респондентов по уровню виртуальности. На втором осуществлялось сопоставление выделенных групп по показателям, характеризующим разные уровни динамической системы смысла жизни.

Эмпирическая модель исследования конкретизирует разработанную теоретическую схему и отражает соотношение между выделенными уровнями динамической системы смысла жизни, диагностируемыми показателями и методиками, использованными для изучения психологических особенностей представлений личности о смысле жизни (таблица 1).

Таблица 1

Эмпирическая модель исследования

Составляющие	Измеряемые характеристики	Методики исследования
Интернет-активность личности	Уровень виртуальности	Опросник «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина) [96]
Когнитивный уровень смысла жизни как ДСС	Содержательная структура смысла жизни	Методика свободного изложения на тему «Смысл жизни для меня – это...»
	Система смысложизненных ориентаций	Методика «Тест смысложизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев) [86]
	Широта и глубина смысла жизни	Методика «Диагностика смысложизненных ориентаций, широты и глубины смысла жизни» (К. В. Карпинский) [64]
Аффективный уровень смысла жизни как ДСС	Эмоционально-конструктивное принятие базовых обстоятельств жизни	Субъективная картина жизненного пути личности (Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов) [142]
	Эмоциональный интеллект	Опросник «Черты эмоционального интеллекта – краткая версия» (TEIQue-SF) (К. Петридес, А. Фернхем, адаптация Е. А. Крюковой, М. А. Шестовой) [78]
Мотивационный уровень смысла жизни как ДСС	Актуальные мотивы	Методика «Тест юмористических фраз» (А. Г. Шмелев, В. С. Бабина) [132]
	Уровень притязаний личности	Методика «Опросник Оценка уровня притязаний личности» (В. К. Гербачевский) [133]
	Уровень мотивации к поиску смысла жизни и его осознания	Методика «Опросник смысла жизни (MLQ)» (М. Стегер и др, адаптация С. П. Елшанского) [48]
Конативный уровень смысла жизни как ДСС	Интенциональная направленность повседневной жизни	Методика «Диагностика опосредованности смысла жизни» (К. В. Карпинский) [64]

Общая информация об участниках исследования, запрашиваемая у респондентов, включала сведения о возрасте и поле респондентов; персонализирующие данные в анализ не включались. Сбор данных осуществлялся в очном формате, участникам исследования предлагалось заполнить бланк, включающий инструкции по прохождению методик и бланки ответов.

В дальнейшем результаты исследования заносились в электронную таблицу формата *xlsx*, что позволило упростить обработку и анализ собранных данных.

Критерием формирования выборки выступал уровень виртуальности респондентов, для определения которого использовался опросник «Личность в виртуальном пространстве» А. И. Лучинкиной [96]. Данная методика позволяет исследовать структуру виртуальной личности и включает 5 шкал «вовлеченность», «виртуализация», «направленность», «творческие мотивы» и «потребительские мотивы». Для данного исследования значимыми являются шкалы «виртуализация» и «вовлеченность», раскрывающие разные аспекты отношения личности к виртуальной среде. Шкала «виртуализация» показывает, насколько интернет-пространство воспринимается респондентом как значимая среда жизнедеятельности. При высоких значениях по этой шкале усиливается ориентация на пребывание в онлайн-пространстве и предпочтение виртуальной среды реальной действительности. Шкала вовлеченности оценивает уровень участия в виртуальном пространстве, способность личности ориентироваться в нем и мотивацию к виртуальной активности [96].

Для выявления содержания представлений респондентов о смысле жизни использовалась методика мини-сочинения «Смысл жизни для меня – это...». Методика относится к качественным методам исследования источников смысла жизни [64]. Среди преимуществ данной методики можно отметить отсутствие необходимости в дополнительных стимульных материалах и возможность единовременного исследования групп с большой численностью респондентов

[165]. Тексты мини-сочинений анализировались методом качественного контент-анализа. Единицей анализа выступал законченный смысловой фрагмент высказывания, содержащий прямое указание на то, что респондент считает смыслом жизни. Кодирование проводилось по восьми содержательным категориям, предложенным П. Иберсолом и К. ДеВоглером в методике «Эссе о смысле жизни»: достижения, приобретение новых знаний, отношения, развитие, самовыражение, служение, убеждения, удовольствие [203]. В каждом сочинении фиксировалось наличие одной или нескольких категорий в зависимости от содержания текста; при необходимости один текст мог быть отнесен к нескольким категориям. На основе частотного распределения категорий определялся содержательный репертуар представлений о смысле жизни у респондентов с разным уровнем виртуальности.

Для диагностики системы смысложизненных ориентаций респондентов использовалась методика Д. А. Леонтьева «Тест смысложизненных ориентаций» [86]. Среди преимуществ методики «Тест смысложизненных ориентаций», являющейся русскоязычной адаптацией количественной части методики «Цель в жизни» (PIL), разработанной Дж. Крамбо и Л. Махоликом, повлиявших на ее выбор для проведения исследования выделим высокую надежность, структурную валидность и конвергентную валидность по отношению к индикаторам наличия смысла [121].

Для определения широты и глубины смысла жизни применялась методика К. В. Карпинского «Диагностика смысложизненных ориентаций, широты и глубины смысла жизни» [64]. Данная методика позволяет исследовать:

- особенности субъективных представлений о смысложизненных ценностях респондента, используя методические приемы самоидентификации и свободного выбора из стандартного перечня терминальных ценностей;
- количественные и качественные аспекты широты (разнородности) смыслообразующих ценностей посредством вычисления индекса глубины

смысла жизни на основе показателей индексов сложности и дифференциации смысла жизни;

- глубину смысла жизни, определяемую уровнем самотрансцендентности смысложизненных ценностей [64, с. 96-99].

Значимым фактором отбора указанных методик для исследования особенностей когнитивного уровня смысла жизни у интернет-активных пользователей стало их соответствие требованию культурно-сензитивности, поскольку стимульный материал методик, направленных на изучение содержательной специфики представлений о смысле жизни должен быть сформирован в соответствии с культурными особенностями респондентов, определяющими специфику их обыденного сознания [64, с. 69-70]

Для диагностики эмоционально-конструктивного принятия испытуемыми базовых обстоятельств своей жизни использовалась методика «Субъективная картина жизненного пути личности» Г. Н. Малюченко и В. М. Смирнова. Опросник включает 60 вопросов, респондентам предлагается оценить степень своего согласия по шкале от 1 до 4. Полученные ответы интерпретируются посредством количественного и качественного анализа данных, при этом данные по каждой из четырех выделенных в рамках методики диагностических шкал (темпоральной, телеологической, адопциональной, ипсефидальной) могут интерпретироваться относительно автономно [142]. В рамках данного исследования особый интерес представлял анализ показателей адопциональной шкалы, демонстрирующей принятие обстоятельств жизни как необходимых и значимых для личностного развития либо их эмоционально-деструктивное восприятие.

Для исследования эмоционального интеллекта интернет-активных молодых людей использовался опросник «Черты эмоционального интеллекта – краткая версия» (TEIQue–SF), разработанный К. Петридесом и А. Фернхем [223] и адаптированный Е. А. Крюковой и М. А. Шестовой [78]. Данная методика основывается на понимании эмоционального интеллекта как личностной

черты [124]. Опросник является сокращенной версией методики «Черты эмоционального интеллекта», которая включает 153 утверждения. Для краткой версии авторами были отобраны 30 утверждений, по 2 на каждую из 15 фасеток полной формы методики, степень согласия с которыми респондент должен оценить по 7-балльной шкале. Полученные результаты группируются по 4 шкалам. Шкала «Благополучие» включает 3 фасетки (самооценка, оптимизм, ощущение счастья) и отражает общее ощущение наполненности и успешности жизни, включающее достижения личности в прошлом и ожидания от будущего. Шкала «Самоконтроль» также включает 3 фасетки (уровень импульсивности, эмоциональная регуляция и управление стрессом) и позволяет оценить способность личности контролировать порывы и желания, а также справляться со стрессом и внешним давлением. Шкала «Эмоциональность» рассматривалась как показатель того, насколько респондент способен распознавать эмоциональные состояния, выражать собственные переживания, проявлять эмпатию и поддерживать эмоционально значимые межличностные связи. Шкала «Социальность» использовалась для оценки социально-коммуникативной стороны эмоционального интеллекта, связанной с уверенностью во взаимодействии, влиянием на эмоциональное состояние других людей и эффективностью поведения в ситуациях общения. Наряду с частными шкалами методика позволяет получить интегральный показатель черт эмоционального интеллекта [224; 224]. Преимуществами методики являются компактность и простота обработки результатов, подтвержденные рядом исследований психометрические характеристики, свидетельствующие о его высокой валидности, в том числе в кросс-культурных исследованиях [221]. Апробация русскоязычной адаптация методики также продемонстрировала хорошие психометрические свойства опросника [78].

Для исследования актуальных мотивов респондентов применялся тест юмористических фраз (ТЮФ) В. С. Бабиной и А. Г. Шмелева [132]. Методика построена на принципе тематической классификации неоднозначных стимулов,

включающих 100 юмористических фраз, в соответствии с апперцепцией испытуемого. Мотивационная значимость темы определяется количеством отнесенных к ней неоднозначных стимулов.

Для диагностики уровня притязаний личности применялась методика «Опросник Оценка уровня притязаний личности», разработанная В. К. Гербачевским [133]. Опросник включает 42 утверждения, респондентам предлагается оценить степень своего согласия с ними по семибалльной шкале от -3 (полностью не согласен) до +3 (полностью согласен). Определение уровня притязаний респондентов основывается на выявлении 15 компонентов мотивационной структуры, которые делятся на четыре содержательных блока. Первый блок описывает мотивационное ядро деятельности. Второй блок характеризует отношение респондента к выполнению сложной задачи через субъективную значимость результата, воспринимаемую трудность задания, готовность к волевому усилию, оценку достигнутого результата и собственных возможностей. Третий блок отражает прогностическую сторону деятельности и включает планируемую мобилизацию усилий и ожидаемый уровень результата;

Значимым для исследования также представляется определение уровня мотивации к поиску смысла жизни, для диагностики которого использовалась методика «Опросник смысла жизни (MLQ)», разработанная М. Стегером, П. Фрайзер, Ш. Ойши, М. Каллером [240] и адаптированная С. П. Елшанским. Преимуществами данной методики являются компактность, высокая ретестовая надежность и внутренняя согласованность ее адаптированной русскоязычной версии, простота обработки результатов [48]. Опросник включает 10 высказываний, респондентам предлагается оценить степень своего согласия с приведенными высказываниями по семибалльной шкале. Полученные ответы распределяются по двум субшкалам: субшкала «наличие» и субшкала «поиск».

Для анализа особенностей конативного уровня динамической системы смысла жизни применялась методика «Диагностика опосредованности смысла

жизни», разработанная К. В. Карпинским [64, с. 151-162]. Данная методика ориентирована на диагностику опосредованности смысла в повседневной жизни, под которой понимается степень конкретизации смыслообразующих ценностей личности в целях и программах ее повседневной деятельности. В рамках данного исследования использовался формализованный способ измерения опосредованности смысла жизни. Методика основывается на заимствованном из методики «Пакета оценки личностных стремлений» Р. Эммонса приеме завершения предложения «Обычно я пытаюсь ...». На основе ответов респондента сформируется список из 10 текущих целей, после чего респонденты по шкале от 0 до 6 оценивают наличие связи между каждой из целей и реализацией своих смысловых ценностей, формируя матрицу баллов. Индекс опосредованности смысла жизни, согласно данной методике, рассчитывается как средняя арифметическая оценка. Преимущество данной методики заключается в возможности использования ее для сбора данных в больших выборках респондентов, а также простоте анализа результатов.

Представленный комплекс методик не исчерпывает всех возможных способов изучения психологических особенностей смысла жизни интернет-активных пользователей. Его выбор обусловлен соответствием теоретической модели исследования, возможностью диагностики разных уровней динамической системы смысла жизни, удобством и простотой использования методик, а также относительно высокой скоростью обработки и интерпретации полученных результатов.

2.2. Эмпирическое исследование особенностей когнитивного уровня динамической системы смысла жизни интернет-активной молодежи

Для последующего сопоставительного анализа респонденты были сгруппированы по выраженности уровня виртуальности. Основанием для распределения выступили результаты, полученные по методике

А. И. Лучинкиной «Личность в виртуальном пространстве», позволяющей оценить степень включенности личности в интернет-среду и субъективную значимость виртуального пространства для ее жизнедеятельности [96].

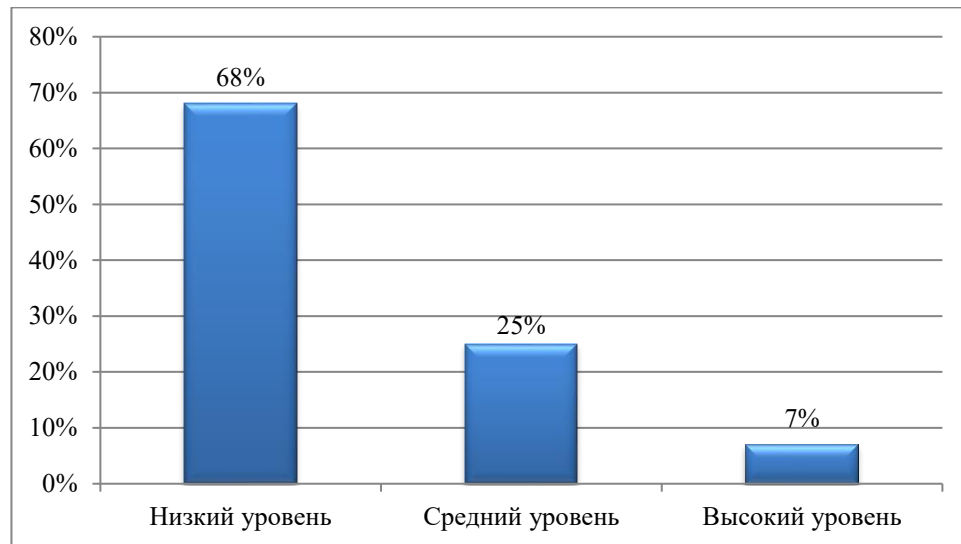

Рисунок 2. Распределение респондентов по уровню виртуальности

Как показано на рисунке 2, основную часть выборки составили респонденты с низким уровнем виртуальности – 68%. Для данной группы характерно преимущественно инструментальное и ситуативное обращение к интернет-среде: виртуальное пространство не приобретает для них статуса ведущей жизненной сферы, а активность в сети, включая социальные сети, выражена умеренно.

Средний уровень виртуальности выявлен у 25% респондентов. Участники этой группы в большей степени включены в сетевое взаимодействие и рассматривают интернет-пространство как значимую область общения, самопрезентации и социальной активности. При этом виртуальная среда для них выступает важной, но не доминирующей частью повседневной жизнедеятельности.

Высокий уровень виртуальности установлен у 7% респондентов. Для этой группы характерна выраженная ориентация на виртуальное пространство как субъективно значимую среду жизненной активности. Интернет в данном случае воспринимается не только как средство коммуникации или получения

информации, но и как привлекательная сфера взаимодействия и реализации значимых форм активности.

Значимым для исследования особенностей личности в виртуальном пространстве является также показатель вовлеченности, который определяется наличием функциональных навыков работы в сети, субъективным ощущением принадлежности к интернет-культуре, а также степенью мотивации к онлайн-активности.

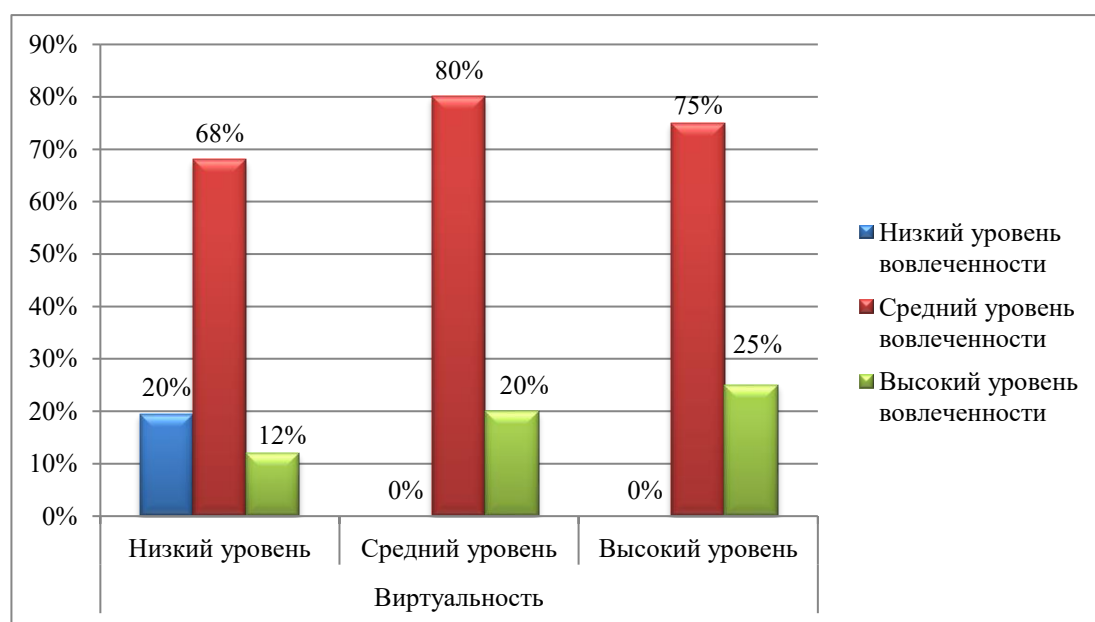

Рисунок 3. Распределение респондентов по уровню вовлеченности

Данные рисунка 3 показывают, что вовлеченность в виртуальное пространство неодинаково представлена в группах с разным уровнем виртуальности. При низкой виртуальности распределение охватывает все три уровня вовлеченности: наряду с преобладающим средним уровнем (68%) сохраняется доля респондентов с низкой вовлеченностью (20%), тогда как высокий уровень выражен у меньшей части участников (12%). В группах со средней и высокой виртуальностью низкая вовлеченность не зафиксирована; основная часть респондентов в обеих группах относится к среднему уровню вовлеченности – 80% и 75% соответственно. Высокий уровень вовлеченности представлен у 20% респондентов со средней виртуальностью и у 25%

респондентов с высокой виртуальностью. Следовательно, повышение виртуальности сопровождается увеличением доли высоких значений.

Для оценки различий между группами с разным уровнем виртуальности по шкале «вовлеченность» был применен непараметрический критерий Краскела–Уоллиса. Результат анализа подтвердил статистическую значимость межгрупповых различий: $H = 14,698$, $p < 0,001$, $H_{теор.} = 13,816$.

На следующем этапе исследования были изучены особенности когнитивного уровня динамической системы смысла жизни. Для анализа особенностей системы смысловых ориентаций использовалась методика «Тест смысловых ориентаций» Д. А. Леонтьева [86]. На рисунке 4 представлены результаты по шкале «показатель осмысленности жизни» в группах респондентов с разным уровнем виртуальности.

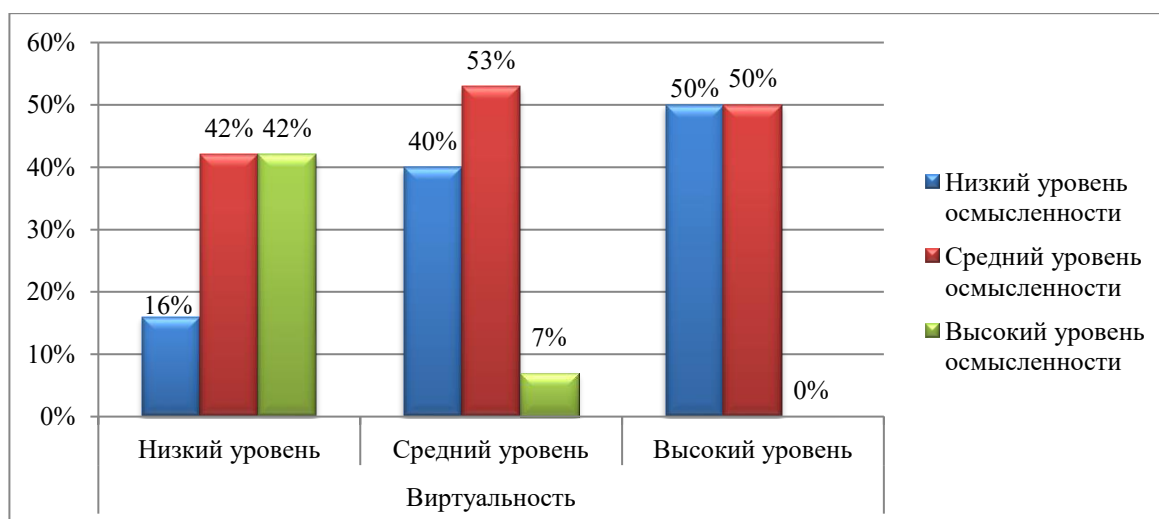

Рисунок 4. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Показатель осмысленности жизни»

Распределение показателей осмысленности жизни показывает неодинаковое соотношение низкого, среднего и высокого уровней в группах, выделенных по степени виртуальности. При низкой виртуальности преобладают средние и высокие значения: они представлены одинаково – по 42%, тогда как низкий уровень выявлен у 16% респондентов. В группе со средней виртуальностью также сохраняется значительная доля высоких значений – 40%,

однако ведущим становится средний уровень, который зафиксирован у 53% участников; низкий уровень составляет 7%. Иная структура распределения показателя выявлена у респондентов с высокой виртуальностью: высокие значения здесь отсутствуют, а низкий и средний уровни представлены в равных долях – по 50%. Таким образом, группа с низкой виртуальностью демонстрирует более высокие показатели осмысленности по сравнению с группами с большим уровнем виртуальности.

Полученные данные позволяют предполагать большую значимость реального опыта в формировании осмысленной жизненной позиции. Можно также предположить, что умеренная вовлеченность в интернет-среду не препятствует формированию жизненных смыслов и может служить ресурсом для их поддержки, как видно по результатам группы со средним уровнем виртуальности. Однако при чрезмерной виртуализации жизненного опыта наблюдается снижение уровня осмысленности, что может свидетельствовать о снижении осмысленности жизненной перспективы и о возможном рассогласовании между цифровыми практиками и системой значимых жизненных целей и ценностей.

На рисунке 5 представлены данные, характеризующие выраженность показателя «цели в жизни» у респондентов с разным уровнем виртуальности.

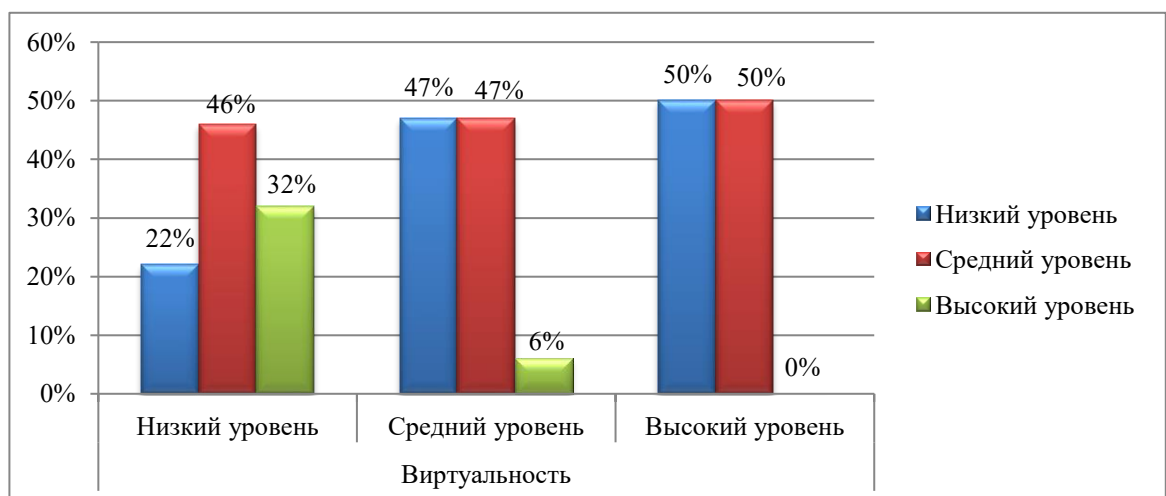

Рисунок 5. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Цели жизни»

У 32% респондентов с низким уровнем виртуальности наблюдается высокий уровень наличия целей, определяющих осмысленность и направленность жизни, у 46% фиксируется средний уровень наличия целей в жизни, у 22% – низкий. В целом в группе с низким уровнем виртуальности распределение по шкале «цели в жизни» имеет наиболее благоприятный характер: у значительной части респондентов выражено наличие осмысленных жизненных целей, связанных с планированием будущего и соотносением текущей активности с личностно значимыми жизненными задачами.

В группе респондентов со средним уровнем виртуальности отмечается заметное снижение доли участников с высокой выраженностью целевого компонента: данный уровень выявлен у 6% респондентов, тогда как средний и низкий уровни представлены в равной доли – по 47%. Такое соотношение показателей указывает на то, что хотя реальное жизненное пространство сохраняет значение для индивидов, под воздействием виртуальной среды происходит размывание долгосрочной жизненной перспективы, цели становятся более ситуативными и фрагментированными.

В группе с высоким уровнем виртуальности высокие значения по шкале «цели в жизни» не зафиксированы; распределение ограничивается средним и низким уровнями, каждый из которых составляет 50%. Такая структура результатов группы позволяет сделать вывод о снижении у респондентов смыслового фокуса на будущее и ориентации на краткосрочные цели и внешне стимулируемые действия, свойственные поведению в виртуальной среде.

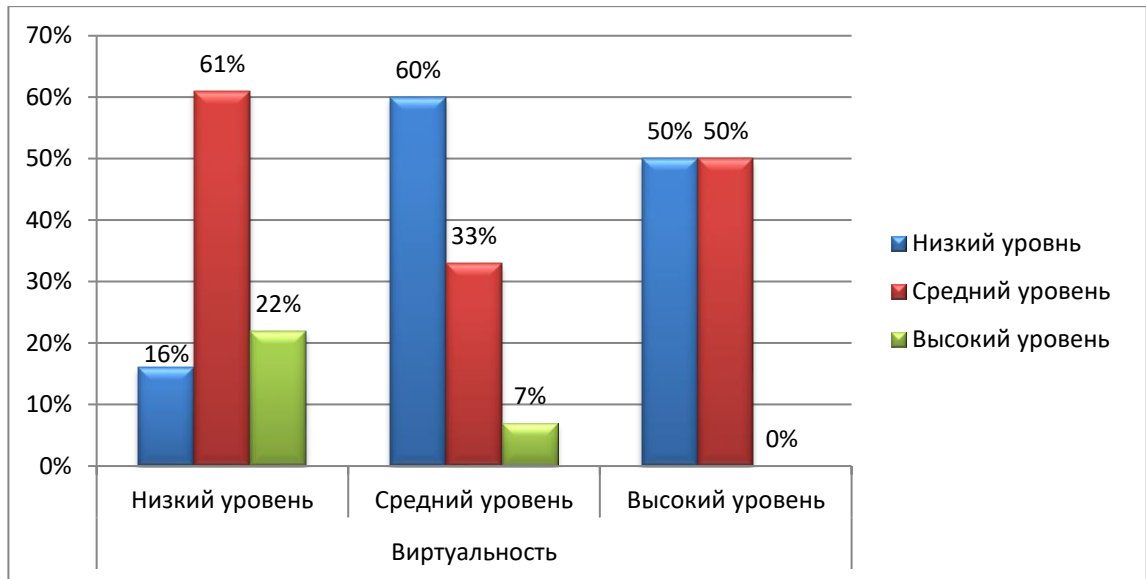

Рисунок 6. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Процесс жизни»

Как видно из рисунка 6, в группе с низкой виртуальностью респонденты преимущественно дают средние оценки процессу жизни как интересному и эмоционально насыщенному (61%). Высокий уровень по шкале выявлен у 22% респондентов с низкой виртуальностью, низкий – 16%. При средней виртуальности распределение меняется в сторону более низких оценок текущей жизни: 60% респондентов имеют низкий уровень, 33% – средний, 7% – высокий. В группе с высокой виртуальностью показатели разделяются между низким и средним уровнями в равных долях – по 50%. Высоких значений оценки жизни как интересной и эмоционально насыщенной у респондентов с высоким уровнем виртуальности в ходе исследования зафиксировано не было.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что низкий уровень виртуальности способствует более позитивному отношению к настоящему, способности испытывать радость от повседневной активности и взаимодействия с реальностью, что проявляется в переживании жизненного процесса как более осмысленного. По мере роста виртуальности наблюдается эмоциональное обеднение восприятия жизни и снижение включенности в реальную жизнь, что демонстрируют результаты респондентов со средним

уровнем виртуальности. У респондентов с высокой виртуальностью не зафиксированы высокие значения по шкале «процесс жизни»: половина участников имеет низкий уровень, половина – средний. Следовательно, в данной группе текущая жизнь реже переживается как достаточно интересная, насыщенная и внутренне значимая.

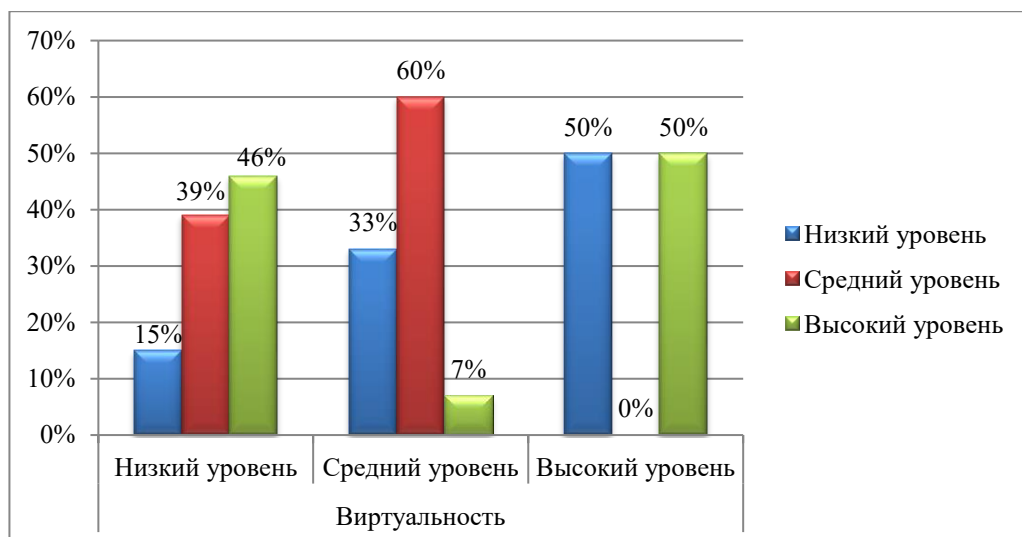

Рисунок 7. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Результативность жизни»

На рисунке 7 представлено распределение оценок по шкале «результативность жизни». Для респондентов с низкой виртуальностью характерна преимущественно положительная оценка прожитого этапа: почти половина группы относится к высокому уровню данного показателя – 46%, еще 39% имеют средние значения. Следовательно, в этой группе преобладает положительная оценка уже достигнутых жизненных результатов и прожитого отрезка жизни. Низкие показатели отмечены только у 15%. Респонденты с низкой виртуальностью демонстрируют достаточно высокий уровень сформированности чувства результативности и удовлетворенность собственными достижениями, что свидетельствует о склонности к рефлексии и фиксации значимых жизненных событий и результатов.

В группе со средним уровнем виртуальности обращает на себя внимание снижение доли респондентов с высоким уровнем удовлетворенности

результативностью жизни до 7%, большинство респондентов (60%) оценивают результативность на среднем уровне. Низкие оценки результативности жизни представлены у 33%. Наблюдаемое снижение оценки результативности и успешности может быть связано с ощущением дисбаланса между реальными результатами и внешними стандартами, транслируемыми в виртуальном пространстве, в том числе в социальных сетях.

В группе с высоким уровнем виртуальности, согласно данным, полученным в ходе исследования, у 50% наблюдается высокий уровень удовлетворенности результативностью и самореализацией, еще у 50% – низкий уровень. Результаты респондентов с высоким уровнем виртуальности позволяют сделать вывод о присущей данной группе поляризации оценки результативности. Высокие показатели по шкале у части респондентов могут быть связаны с формированием успешного образа «цифрового Я», низкие показатели у другой части свидетельствуют о чувстве неуспешности и бессмысленности прожитого опыта.

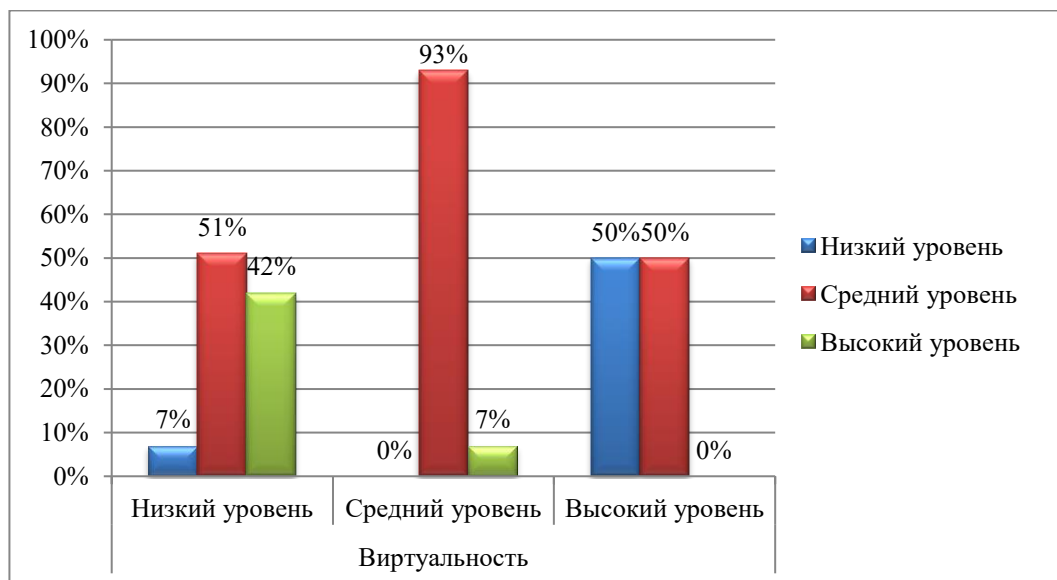

Рисунок 8. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Локус контроля – Я»

Согласно данным, представленным на рисунке 8, в группе с низкой виртуальностью преобладают средние и высокие значения по шкале «локус

контроля – Я»: высокий уровень выявлен у 42% респондентов, средний – у 51%, низкий – у 7%, таким образом большинство респондентов данной группы демонстрирует веру в собственные силы и наличие субъективного ощущения способности влиять на свою жизнь. В группе респондентов со средним уровнем виртуальности высокий уровень сформированности представлений о себе как хозяине своей жизни характерен для 7 %, средний показатель – для 93%, что позволяет сделать вывод о тенденции ослабления субъектной позиции: хотя респонденты и признают способность влиять на собственную жизнь, но не уверены в полной ответственности за происходящее. В группе с высоким уровнем виртуальности высокие значения по шкале «локус контроля – Я» не зафиксированы: показатели распределяются между средним и низким уровнями в равных долях – по 50%. Такая структура результатов указывает на менее выраженное представление респондентов о себе как субъектах жизненного выбора, способных самостоятельно принимать решения и реализовывать намеченные жизненные цели.

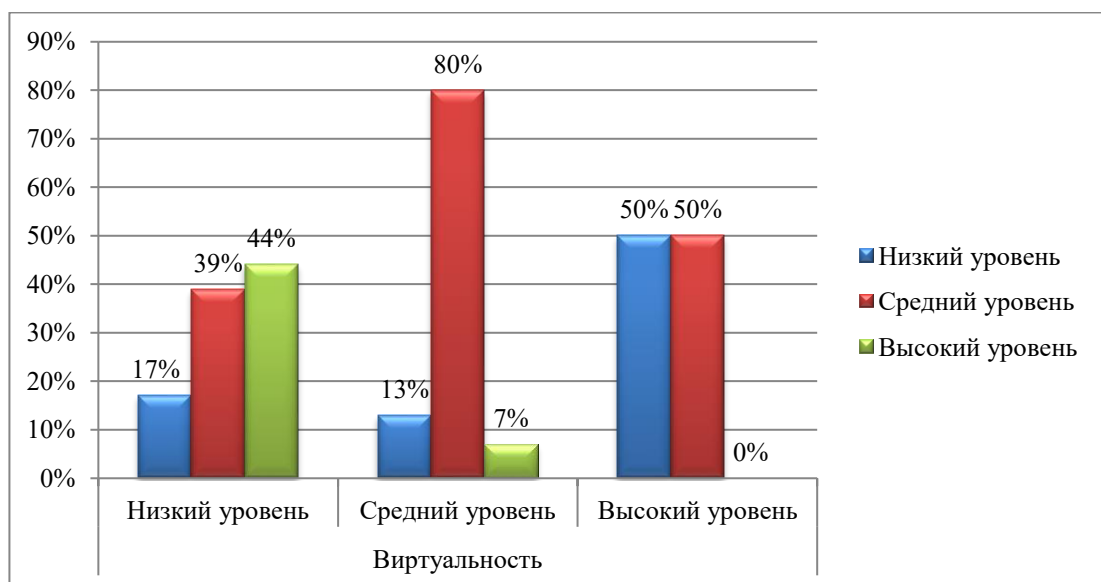

Рисунок 9. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Локус контроля – Жизнь»

Данные рисунка 9 показывают, что в группе с низкой виртуальностью преобладают средние и высокие значения по шкале «локус контроля – жизнь»:

высокий уровень выявлен у 44% респондентов, средний – у 39%, низкий – у 17%. Такое распределение свидетельствует о том, что большинство участников группы в большей степени признают возможность личного влияния на ход собственной жизни, для них характерно представление о возможности самостоятельно принимать решения, соотносить жизненные события с собственными действиями и рассматривать себя как субъекта построения жизненного пути.

У респондентов со средним уровнем виртуальности доминирует умеренная выраженность представлений об управляемости жизненного пути: 80% респондентов имеют средний уровень. Низкий уровень показателя выявлен у 13% участников, что указывает на наличие небольшой части респондентов, для которых характерна меньшая уверенность в способности человека контролировать ход собственной жизни. Высокие значения представлены минимально – 7%.

В группе с высоким уровнем виртуальности высокие значения по этой шкале не представлены; распределение ограничивается средним и низким уровнями, каждый из которых составляет 50%. Следовательно, при средней виртуальности у большинства респондентов сохраняется умеренно выраженное представление о принципиальной управляемости собственной жизни. В группе с высокой виртуальностью чаще фиксируется снижение данного показателя, что отражает менее выраженную убежденность в возможности влиять на ход жизненных событий и самостоятельно выстраивать жизненную траекторию.

Различия между группами с разным уровнем виртуальности по общему показателю осмысленности жизни достигли статистической значимости: $H = 48,690$; $p < 0,001$. Статистически значимые различия также были выявлены по шкалам «цели в жизни» ($H = 40,200$, $p < 0,001$), «процесс жизни» ($H = 53,159$, $p < 0,001$), «результат жизни» ($H = 37,908$, $p < 0,001$), «локус контроля-Я» ($H = 41,267$, $p < 0,001$) и «локус контроля-жизнь» ($H = 25,517$, $p < 0,001$) при $H_{\text{теор.}} = 13,816$.

Для оценки широты и глубины смысла жизни использовалась методика К. В. Карпинского [64]. По индексу сложности статистически значимых различий между группами с разным уровнем виртуальности не выявлено: $H = 5,337$, $p = 0,069$ при $H_{\text{теор.}} = 5,991$. Наблюдаемые различия (см. Таблицу 2) могут рассматриваться как тенденция, требующая дополнительной проверки на более широких выборках.

Таблица 2

Интегральный индекс сложности смысла жизни в группах респондентов с разным уровнем виртуальности, усл. баллы.

Виртуальность	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Низкий уровень	16,927	5,808	15,000	6	32
Средний уровень	17,733	6,592	15,000	7	34
Высокий уровень	13,500	2,683	15,000	9	15

Как видно из представленных в таблице 2 данных, в группе респондентов с низким уровнем виртуальности показатели индекса сложности смысла жизни, выраженного в условных баллах, соответствующих количеству ценностей-источников смысла жизни, выбранных респондентом, варьируются от 6 до 32, со средним значением 16,93 и медианой 15, что свидетельствует о достаточном разнообразии жизненных смыслов. Это может объясняться опорой на устойчивые офлайн-контексты. У респондентов со средним уровнем виртуальности диапазон значений также достаточно широк (от 7 до 34), со средним значением 17,73. Несмотря на более высокую среднюю величину, медианное значение совпадает (15,00), что указывает на наличие схожей смысловой структуры. Однако постепенное увеличение виртуальной активности может указывать на сдвиг в сторону функционального расширения, при котором смыслы могут становиться более ситуативными и ориентированными на внешние стимулы. У респондентов с высокой виртуальностью индекс сложности демонстрирует самые низкие показатели (от 9 до 15), со средним значением

13,50. Таким образом, у респондентов с высоким уровнем виртуальности отмечаются более низкие показатели индекса сложности.

В ходе исследования выявлены значимые отличия в показателях индекса дифференциации смысла жизни, определяющегося количеством независимых категорий, к которым относятся выбранные респондентом ценности-источники смысла жизни ($N = 18,322$, $p < 0,001$, при $N_{\text{теор.}} = 13,816$).

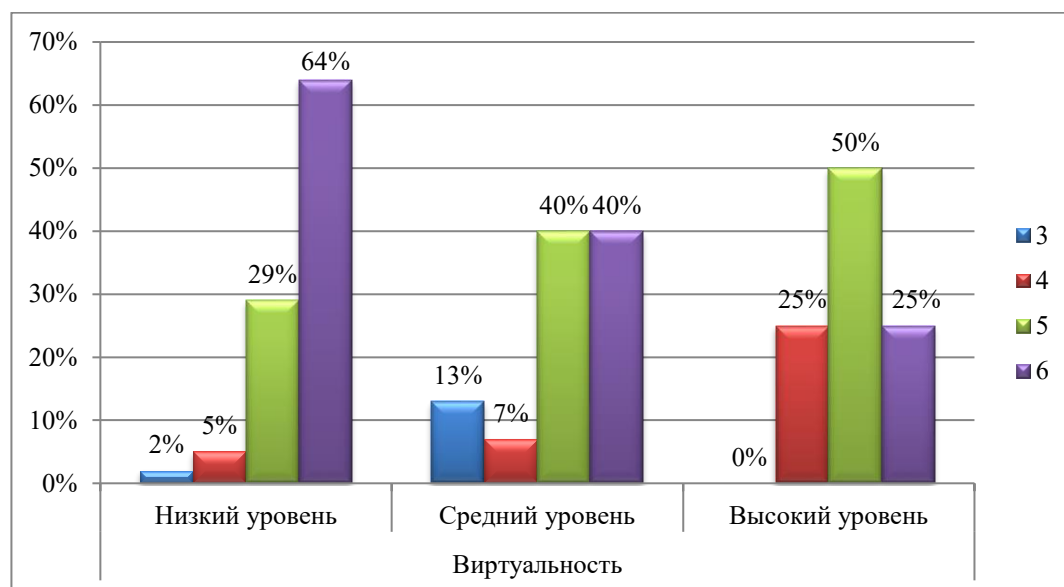

Рисунок 10. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Индекс дифференциации смысла жизни»

Как следует из рисунка 10, группа с низкой виртуальностью характеризуется преобладанием высоких значений индекса дифференциации смысла жизни. Максимальное значение индекса 6 выявлено у 64% респондентов; значение 5 зафиксировано у 29%, значение 4 – у 5%. Низкий показатель дифференциации отмечен только у 2% участников данной группы.

В группе со средним уровнем виртуальности уменьшается представленность максимального значения индекса: показатель 6 выявлен у 40% респондентов, вместе с тем доля респондентов с показателем индекса 5 возрастает до 40%. У 7% респондентов данной группы индекс дифференциации составляет 4, также наблюдается значительное увеличение доли респондентов с низким показателем индекса дифференциации (13 %).

В группе с высоким уровнем виртуальности максимальный показатель индекса дифференциации характерен для 25%, у 50% респондентов группы индекс составляет 5, у 25% – 4.

Большинство респондентов с низкой виртуальностью демонстрирует высокий уровень содержательного разнообразия смысложизненных ценностей. Это указывает на то, что респонденты с низкой виртуальностью черпают смысл в различных сферах жизни. Такое распределение свидетельствует о сформированной способности личности находить смысл в различных жизненных контекстах, поскольку низкая виртуальность способствует большему вниманию к реальному жизненному опыту и рефлексии, которые поддерживают сложную структуру смыслов. В группе респондентов со средним уровнем виртуальности наблюдается тенденция к снижению дифференциации смысла жизни. Снижение дифференциации может быть результатом того, что смысложизненные ценности личности перестают формироваться на основе взаимодействия с окружающей действительностью и межличностных взаимодействий и начинают заменяться внешне задаваемыми ценностями виртуальной среды. В группе респондентов с высокой виртуальностью также наблюдаются более низкие показатели дифференциации смысла жизни, что может свидетельствовать об относительном упрощении его структуры.

Поскольку методика К. В. Карпинского предусматривает категоризацию ценностей-источников смысла жизни на шесть содержательно непересекающихся категорий, полученные результаты позволяют проанализировать особенности содержательных ориентаций смысла жизни у респондентов с разным уровнем виртуальности (Таблица 3).

Таблица 3

Распределение по содержанию смысловых ориентаций респондентов
с разным уровнем виртуальности

	Показатель	Самотрансцен- дентная ориентация	Эгоцентричес- кая ориентация	Семейная ориентация	Коммуника- тивная ориентация	Эстетическая ориентация	Субъектная ориентация
Низкий уровень виртуальности	Среднее значение	3,5366	3,0000	2,0488	2,2439	2,2195	3,8780
	Стандартное отклонение	2,77674	2,11335	0,98955	1,00990	1,20352	1,95903
	Медиана	3,0000	3,0000	2,0000	2,0000	2,0000	4,0000
	Минимум	0,00	0,00	0,00	1,00	0,00	0,00
	Максимум	11,00	8,00	4,00	4,00	5,00	9,00
Средний уровень виртуальности	Среднее значение	4,0000	3,4667	1,6667	2,4667	1,6667	4,4667
	Стандартное отклонение	2,23985	1,76084	1,31054	1,21386	1,59093	2,32501
	Медиана	4,0000	4,0000	2,0000	2,0000	1,0000	5,0000
	Минимум	0,00	0,00	0,00	1,00	0,00	0,00
	Максимум	8,00	7,00	3,00	5,00	5,00	8,00
Высокий уровень виртуальности	Среднее значение	2,2500	3,7500	0,7500	2,0000	1,0000	3,5000
	Стандартное отклонение	1,84391	1,69312	0,44721	0,73030	1,03280	1,15470
	Медиана	2,5000	4,5000	1,0000	2,0000	1,0000	3,5000
	Минимум	0,00	1,00	0,00	1,00	0,00	2,00
	Максимум	4,00	5,00	1,00	3,00	2,00	5,00

Самотрансцендентная ориентация объединяет духовные, нравственные и общественно-значимые ценности. Н-критерий Краскела-Уоллиса для независимых выборок демонстрирует наличие различий в выраженности самотрансцендентной ориентации в группах с разными уровнями виртуальности и ($H = 7,638$, $p < 0,05$ при $H_{\text{теор.}} = 5,991$). Показатели по данной шкале отражают насколько значимыми становятся для индивида ценности, выходящие за пределы личной выгоды: помощь другим, ориентация на справедливость, социально значимые цели. Наиболее высокие значения по этому показателю

выявлены у респондентов со средним уровнем виртуальности. (среднее значение – 4,00, стандартное отклонение – 2,24), что может быть связано с балансом между реальным и цифровым опытом. Интернет-активность таких пользователей, не подавляет глубинные нравственные ценностные установки, а, напротив, может быть использована для социальной вовлеченности, самовыражения или служения идеалам. Респонденты с низким уровнем виртуальности также демонстрируют высокий уровень самотрансцендентной ориентации (среднее значение – 3,54, стандартное отклонение – 2,24), что объясняется большей стабильностью ценностной структуры и меньшей зависимостью от внешней цифровой оценки. Эти респонденты ориентируются на устойчивые смысложизненные ценности, такие как духовность, справедливость, гуманизм, долг.

В группе респондентов с высоким уровнем виртуальности отмечаются наиболее низкие показатели самотрансцендентной ориентации (среднее значение – 2,25, стандартное отклонение – 1,84). Молодые люди, проводящие значительную часть жизни в виртуальной среде, склонны ориентироваться на более индивидуальные ценности, а вопросы общественного служения, духовного долга или трансцендентных смыслов утрачивают для них значимость.

Эгоцентрическая ориентация отражает направленность на собственные интересы: успех, удовольствие, выживание, признание. В ходе исследования были выявлены статистически достоверные различия по показателю эгоцентрической ориентации в группах, различающихся уровнем виртуальности ($H = 6,160$, $p < 0,05$ при $H_{теор.} = 5,991$).

В группе с высоким уровнем виртуальности эгоцентрическая направленность смысложизненных ценностей выражена сильнее, чем в других группах (среднее значение – 3,75, стандартное отклонения – 1,69). Активное взаимодействие с интернет-культурой и цифровым пространством, для которого характерны индивидуалистические и гедонистические ценности, приводит к усилению личностного фокуса на себе. В этой среде эгоцентрические ценности

не только приносят удовлетворение, но и обеспечивают внимание других пользователей, повышая социальный капитал.

В группе со средним уровнем виртуальности среднее значение по шкале выраженности эгоцентрических ценностей несколько ниже – 3,47, а стандартное отклонение составляет 1,76. Таким образом, у значительной части респондентов сохраняется ориентация на статус и индивидуальное благополучие.

Группа с низкой виртуальностью демонстрирует наименьшее значение по шкале – 3,00, при этом отмечается наиболее высокий показатель стандартной отклонения – 2,11. В целом респонденты данной группы демонстрируют сниженную направленность на эгоцентрические цели, что может свидетельствовать о повышении роли внутренних, а не внешне подкрепляемых ценностей и большей ориентации на традиционные гуманистические смыслы, такие как семья, общественная польза, духовность, самореализация.

В ходе исследования также выявлены достоверные различия между группами с разными уровнями виртуальности и выраженностью семейной ориентации ($H = 21,515$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$). Семейная ориентация отражает ценностную значимость таких категорий, как семья, дети, любовь, и связана с потребностью в стабильных близких отношениях и принадлежности. Она традиционно выступает устойчивым источником смысла в молодежной и взрослой возрастных группах.

Респонденты с низкой виртуальностью демонстрируют наиболее высокие показатели по шкале семейной ориентации (среднее значение – 2,05, стандартное отклонение – 0,99), что позволяет сделать вывод о реальной включенности в семейные роли: близость с членами семьи, значимость семейных традиций, стремление к созданию собственной семьи. Семья приобретает для респондентов значение устойчивого источника жизненного смысла, поскольку связана с опытом эмоциональной близости, поддержки и включенности в реальные межличностные отношения.

Респонденты со средней виртуальностью демонстрируют более низкие значения (среднее значение – 1,67, стандартное отклонение – 1,31), таким образом, семья сохраняет статус смыслового ориентира, но ее значимость снижается.

В группе с высокой виртуальностью средний показатель по шкале семейная ориентация составляет 0,75, стандартное отклонение – 0,45. Это может указывать не только на дистанцирование от традиционной семейной роли, но и на то, что структура цифровой среды с ее гибкостью, фрагментарностью и высокой скоростью смены контекстов вступает в противоречие с ценностями стабильности, ответственности и постоянства, присущими семейным отношениям. Кроме того, развитие идентичности через цифровые образы может формировать установки на индивидуализм, избегание обязательств и привязанностей.

Межгрупповое сравнение показало статистически значимые различия по выраженности эстетической ориентации у респондентов с разным уровнем виртуальности ($N = 17,474$, $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), которая включает ценности, связанные с красотой, искусством, природой, хобби, творчеством, тем, что придает жизни эстетическое наполнение.

Наиболее высокие значения эстетической ориентации у респондентов с низкой виртуальностью (средний показатель – 2,22, стандартное отклонение – 1,20) могут указывать на развитую способность к созерцательному восприятию, глубинной эмоциональной вовлеченности, контакту с прекрасным. У таких респондентов более развита эмоциональная рефлексия, они способны получать смысл через тонкие формы переживания.

С увеличением виртуальности эстетическая ориентация ослабевает. У респондентов со средней виртуальностью среднее значение составляет 1,67, стандартное отклонение – 1,59. Для молодых людей, активнее включенных в онлайн-среду, в большей степени характерно функционально-ориентированное

цифровое потребление контента, что снижает чувствительность к эстетическим стимулам.

В группе с высокой виртуальностью эстетическая ориентация выражена слабо (среднее значение – 1,00, стандартное отклонение – 1,03). Присущие онлайн-пространству особенности потребления контента, в том числе ускоренный темп и ориентация на утилитарность, приводят к снижению эмоционального отклика и редукции эстетических смыслов.

Субъектная ориентация отражает стремление к саморазвитию, самореализации, контролю над жизнью, личностному росту, индивидуальности. В ходе исследования были выявлены достоверные различия между группами с разными уровнями виртуальности и выраженностью субъектной ориентации ($N = 6,774$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$).

Группа со средним уровнем виртуальности демонстрирует наивысшие значения, средний показатель составляет 4,47, стандартное отклонение – 2,33. Это указывает на то, что умеренное использование цифровой среды может поддерживать и стимулировать стремление к самоактуализации, в том числе благодаря дополнительным инструментам для саморазвития, предлагаемым интернет-пространством. Таким образом, осознанное и структурированное использование интернет-пространства, не замещающее, но дополняющее деятельность в оффлайн-среде, может поддерживать субъектность личности.

Респонденты с низким уровнем виртуальности также демонстрируют достаточно высокую субъектную ориентацию: среднее значение составляет 3,88 при стандартном отклонении 1,96. Это позволяет предполагать большую представленность смыслов, связанных с личной активностью, самостоятельностью выбора, опорой на собственные достижения. В группе с высоким уровнем виртуальности среднее значение по данному показателю ниже – 3,50 при стандартном отклонении 1,15. Такое распределение может свидетельствовать о снижении чувства контроля над собственной жизнью,

переходе к реактивным моделям поведения, нарушениях связи между усилием и результатом.

Коммуникативная ориентация охватывает ценности, связанные с дружбой и общением и отражает значимость социального взаимодействия. Показатели по этой шкале оказались схожими во всех группах респондентов, и в ходе исследования статистически достоверные различия между ними не зафиксированы ($N = 2,020$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$). Это указывает на то, что общение как источник смысла сохраняет значимость вне зависимости от уровня виртуальности. Однако возможны качественные различия: если у респондентов с низкой виртуальностью речь идет о лично насыщенном и глубоком взаимодействии, то у респондентов с высокой виртуальностью – о цифровом, часто поверхностном контакте, не всегда предполагающем эмоциональную вовлеченность.

Значимым для исследования является также показатель интегрального индекса широты смысла жизни, отражающий как общее количество, так и содержательную разнородности ценностей, образующих смысл жизни личности. Полученные в ходе исследования результаты расчета индекса широты смысла жизни, представленные в таблице 4, свидетельствуют о статистически значимых различиях между группами респондентов, выделенными по уровню виртуальности ($N = 6,868$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$).

Таблица 4

Интегральный индекс широты смысла жизни в группах респондентов
с разным уровнем виртуальности, усл. баллы

Виртуальность	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Низкий уровень	95,4146	38,74787	90,0000	24,00	192,00
Средний уровень	93,5333	46,38361	84,0000	21,00	204,00
Высокий уровень	69,0000	20,66882	75,0000	36,00	90,00

Индекс широты смысла жизни у респондентов с низким уровнем виртуальности демонстрирует наиболее высокие значения: средний показатель

интегрального индекса широты составляет 95,41, минимальное значение в группе – 24, максимальное – 192, что позволяет сделать вывод о количественном и содержательном разнообразии ценностей-источников смысла жизни. Молодые люди в этой группе находят смысл в различных сферах жизни и такая многоаспектность свидетельствует о целостной включенности в социальную и внутреннюю жизнь, формирующей полифоничную структуру смыслов.

У респондентов со средним уровнем виртуальности наблюдается незначительное снижение показателя (среднее значение – 93,53), минимальное значение составляет 21, максимальное – 204. Такие данные могут говорить о том, что у некоторых представителей этой группы происходит расширение смыслов за счет интеграции онлайн-опыта, но при этом часть респондентов уже демонстрирует признаки сужения смысложизненных представлений, что подтверждается увеличением стандартного отклонения.

У респондентов с высокой виртуальностью широта смысла жизни заметно ниже: среднее значение – 69,00, максимальное – всего 90. Это указывает на явное ограничение спектра значимых жизненных ценностей. Можно предположить, что при доминировании цифровой среды смысловая активность концентрируется в узком числе направлений, таких как самопрезентация, развлечения или цифровое общение, в то время как другие сферы теряют смысловую нагрузку.

Содержательные особенности смыслообразующих ценностей респондентов связаны с такой значимой характеристикой смысла жизни, как его глубина. Результаты исследования не позволяют сделать вывод о наличии достоверных различий в показателях индекса глубины смысла жизни ($H = 2,753$, $p > 0,05$ при $H_{\text{теор.}} = 5,991$). В группе респондентов с низким уровнем виртуальности среднее значение индекса глубины смысла жизни составило 0,196, стандартное отклонение – 0,12, медианное значение – 0,20. В группе со средним уровнем виртуальности среднее значение индекса глубины смысла жизни составляет 0,21, стандартное отклонение – 0,095, медианное значение –

0,2400. В группе респондентов с высокой виртуальностью среднее значение индекса глубины смысла жизни составляет 0,1625, стандартное отклонение – 0,12, медианное значение – 0,19.

Минимальное значение индекса глубины смысла жизни для всех выделенных групп составило 0. Максимальные значения показателя распределились следующим образом: 0,41 – в группе с низким уровнем виртуальности, 0,32 – в группе со средним уровнем виртуальности, 0,27 – в группе с высоким уровнем виртуальности.

Различия между группами по индексу глубины смысла жизни статистически не подтверждены. Однако на уровне описательной статистики группа со средней виртуальностью имеет наиболее высокие значения: среднее – 0,21, медиана – 0,24, что свидетельствует об относительно высоком уровне самотрансцендентности в системе смыслов респондентов этой группы. Таким образом, умеренная интернет-активность может выступать как ресурс для интеграции личных и надличностных смыслов.

Респонденты с низким уровнем виртуальности демонстрируют высокий показатель максимального значения (0,41) и достаточно высокую медиану (0,20). Хотя среднее значение ниже, чем в группе со средним уровнем виртуальности, что свидетельствует о большей вариативности ответов. Наиболее низкий индекс глубины (0,16) и наиболее низкое максимальное значение (0,27) представлены в группе с высокой виртуальностью, что позволяет предполагать меньшую выраженность самотрансцендентных компонентов в содержании смысложизненных представлений респондентов этой группы.

Молодые люди с высокой виртуальностью могут реже обращаться к вопросам общественного долга и духовности в силу развитости эгоцентрических установок, направленных на удовлетворение личных потребностей, достижения комфорта и получения удовольствия.

Для исследования содержательных свойств индивидуального смысла жизни респондентов с разным уровнем виртуальности использовалась методика

свободного изложения на тему «Смысл жизни – это...». Контент-анализ текстовых ответов позволил определить смысловые категории, через которые респонденты описывали значение жизни, ее цели, ценности (см. Таблицу 5).

Таблица 5

Содержательные категории представлений о смысле жизни у респондентов с разным уровнем виртуальности

Содержательная категория	Частотность		
	Высокий уровень виртуальности	Средний уровень виртуальности	Низкий уровень виртуальности
Достижения	50%	33%	29%
Приобретение новых знаний	25%	20%	22%
Отношения	25%	73%	63%
Развитие	50%	53%	39%
Самовыражение	0%	27%	20%
Служение	0%	13%	22%
Убеждения	25%	13%	7%
Удовольствие	25%	40%	46%

Как видно из представленных в таблице 5 результатов, у респондентов с высоким уровнем виртуальности смысл жизни в наибольшей степени ассоциируется с индивидуальным ростом и ориентацией на реализацию личных целей и амбиций. В половине сочинений отмечены упоминания ценностей, связанных с категориями «достижение» и «развитие». Менее значимыми являются категории, связанные с эмоционально-чувственными аспектами («отношения», «удовольствие» представлены в 25% текстов), категории «приобретение новых знаний», «самовыражение», «убеждения» (также по 25%). Не выражены в текстах ценности, связанные с социальной вовлеченностью и альтруизмом («служение» – 0%). Это может свидетельствовать о склонности данной группы к более эгоцентричной форме смыслопонимания.

Смысл жизни у респондентов со средним уровнем виртуальности преимущественно связан с социальными отношениями, ценностью близких людей и эмоциональной поддержкой. Категория «отношения» имеет наивысший

показатель (73%), наблюдается устойчивая ориентация на любовь, дружбу, семейную поддержку: *«прожить жизнь с любимыми людьми рядом»*, *«заботиться о близких»*. Значимыми выступают категории *«развитие»* (53%) и *«удовольствие»* (40%), что указывает на стремление к балансу между личностным ростом и эмоциональным комфортом. Умеренно выражены в текстах ценностные ориентации, связанные с достижениями (33%), самовыражением (27%) и получением новых знаний (20%). Категории служения и убеждений выражены минимально (по 13%), что может свидетельствовать о поиске смысла преимущественно в личном опыте, а не в самотрансцендентных опорах.

Респонденты с низким уровнем виртуальности смысл жизни описывают через более широкий круг содержательных категорий. В качестве наиболее частотных категорий выступают *«отношения»* (63%), *«удовольствие»* (46%), *«развитие»* (39%), что позволяет сделать вывод о высокой значимости межличностных связей и ценности момента: *«семья – мой смысл»*, *«ценить каждый момент»*, *«жить по любви»*. При этом достижения (29%) и получение новых знаний (22%) также играют важную роль, но в большей степени воспринимаются как способ качественно обогатить повседневную жизнь. Наиболее высокое в сравнении с другими группами присутствие ценностей, соотносимых с категорией *«служение»*, (22%) отражает более выраженную ценность социального вклада и альтруизма: *«помочь другим»*, *«сделать что-то полезное»*. Ценности самовыражения представлены в 20% текстов. Наиболее слабо выраженная категория – *«убеждения»* (7%).

Рассматривая особенности содержательного наполнения указанных категорий в группах с разным уровнем виртуальности, отметим ряд значимых тенденций. В категорию *«достижения»* в ходе контент-анализа нами были включены ценностные ориентации, связанные с целеполаганием, стремлением к успеху, социальной реализацией, признанием и личными результатами. Стремление к достижениям выражено наиболее ярко у респондентов с высоким

уровнем виртуальности (представлено в 50% сочинений), что может отражать характерную для цифровой среды установку на важность «успешности» и социального признания. Респонденты подчеркивают стремление к успеху, известности, самоутверждению: *«записать себя на страницах истории»*, *«смысл жизни для меня – это цели и их достижение»*, несмотря на проявление амбиций и желание признания, конкретизация целей в текстах отсутствует. По мере снижения уровня виртуальности значимость категории «достижения» уменьшается, что указывает на менее выраженную ориентацию на внешние успехи. Респонденты со средним уровнем виртуальности также связывают смысл жизни с *«достижением своих желаний»*, *«достижением поставленных целей и задач»*, но демонстрируют в текстах большую личностную значимость категории, рассматривая достижения как возможность *«реализовать свой потенциал»*, *«оставить после себя что-то хорошее»*. Респонденты с низким уровнем виртуальности склонны воспринимать достижения как инструмент обеспечения независимости, стабильности, уникальности: *«делать то, что никто не делал»*, *«добиться всего того, что я хочу»*, *«добиться успехов и стать самостоятельным»*, *«обеспечение себя»*. Достижения у таких респондентов более конкретизированы и укоренены в повседневных целях, что свидетельствует о сформированности продуктивных жизненных стратегий.

Категория «приобретение новых знаний» является достаточно значимой, но не доминирующей во всех группах, что, на наш взгляд, обусловлено общекультурными и возрастными особенностями выборки. Респонденты с высоким уровнем виртуальности знания воспринимают как инструмент для достижения других целей (*«образование... дает шанс на лучшее будущее»*) или опору в трудный момент (*«на данный момент жизни единственное, что меня держит – это изучение чего-то нового»*), что может указывать на ситуативность и внешнюю направленность мотивации к получению новых знаний. У респондентов со средним уровнем виртуальности отмечается стремление к новым знаниям как основе для осмысления реальности и личностного роста:

молодые люди со средней виртуальностью связывают смысл жизни с *«поиском и открытием чего-то нового», «стремлением к познанию», «расширением границ своего понимания мира»*. В сочинениях респондентов с низким уровнем виртуальности подчеркивается важность знаний для самореализации, лучшего понимания себя и мира: *«один из важнейших элементов «мозаики» смысла жизни – это возможность учиться, считаю важным узнавать новое», «смысл жизни – стремиться к познанию мира, всестороннему и исчерпывающему, приближаться к объективности за счет объема знаний и понимания систем», «Смысл жизни для меня — в познании... Мне интересно, как устроено общество, почему люди действуют так, а не иначе, как на нас влияет культура, история, окружение»*, что говорит о наличии сформированной когнитивной мотивации в структуре личностного смысла респондентов.

В категорию «отношения» включались ценностные ориентации, связанные с любовью, семьей, дружбой, поддержанием межличностных контактов. У респондентов с высоким уровнем виртуальности такие ценностные ориентации встречаются реже, чем в других группах, связи с другими людьми трактуются в большей степени как эмоционально поддерживающие: *«семья – это твои самые близкие люди и если их не станет, то я теряю свои мечты и цели»*. В сочинениях респондентов со средним уровнем виртуальности такие ценности, как семья, друзья, любовь упоминаются достаточно часто. В текстах доминирует образ близких как опоры, часто встречается идея поддержки и теплоты (*«заботиться о близких, быть с ними рядом», «смысл жизни – это связи с другими людьми, возможность делиться своими чувствами и мыслями, слушать других»*), ценность отношений для респондентов проявляется в стабильности, заботе, эмоциональном контакте: *«провести жизнь с любимыми людьми рядом», «просыпаться каждый день, зная, что вокруг есть близкие люди, семья, друзья, то кто поддержат и помогут», «смысл жизни состоит в окружающих и близких людях»*, что отражает значимость привязанности и социального одобрения как одного из универсальных ценностных ориентиров. В группе

респондентов с низким уровнем виртуальности отношения являются одной из наиболее частотных, глубоко и развернуто раскрытых категорий и выступают важным источником смысла жизни. Респонденты описывают важность принадлежности, альтруизма, поддержки: *«Смысл жизни для меня неразрывно связан с другими людьми, с моими близкими, друзьями, коллегами, даже с незнакомцами, которые встречаются на моем пути. В способности любить, сопереживать, поддерживать, делиться своим теплом и светом с окружающими. В осознании своей принадлежности к чему-то большему, чем я сам – к семье, обществу, человечеству»; «смысл жизни для меня – это любовь и связь с другими людьми»; «поддержка друзей, любовь семьи, взаимопонимание с коллегами – все это создает прочный фундамент для моей жизни», «также смысл жизни для меня это моя семья, которую я люблю и ради которой живу, это друзья и близкие люди».* Отношения как центральная содержательная категория представлений о смысле жизни молодых людей с низкой виртуальностью охватывают не только семью, но и широкий социальный круг и связываются с любовью, принятием, общечеловеческим единством, что указывает на сформированную ценность любви и сопричастности. В группах с низким и средним уровнем виртуальности категория «отношения» занимает более заметное место в содержании смысложизненных представлений. Для этих респондентов смысл жизни чаще соотносится с межличностной включенностью, семейной близостью, поддержкой и значимым общением. В группе с высокой виртуальностью обращение к данной категории встречается реже, что свидетельствует не об утрате значимости отношений, а об их меньшей представленности в осознанном описании смысла жизни.

В категорию «развитие» в ходе анализа включались ориентации, связанные с личностным ростом. В группе с высокой виртуальностью данная категория является одной из наиболее частотных. Развитие как смысложизненная ценность описывается респондентами данной группы кратко и декларативно: *«развиваться несмотря на успехи других», «для меня смысл жизни – это*

саморазвитие», что указывает скорее на общую установку, чем на осмысленную жизненную цель. Это позволяет предположить, что развитие воспринимается в большей степени как социально одобряемая ценность, связанная с необходимостью «проявить себя» и быть успешным, но не обязательно с внутренней рефлексией или конкретным содержанием.

В группе со средней виртуальностью развитие также выступает важным компонентом смысла жизни, респонденты данной группы связывают развитие с эмоциональным ростом, поиском гармонии и адаптацией к жизни: *«совершенствуй себя – это то, чем я стараюсь руководствоваться в течение жизни»*; *«смысл жизни в развитии себя как профессионала и личности»*; *«смысл жизни – это постоянное внутренне развитие»*, делая акцент на поиске себя и принятии *«найти гармонию с собой, чувствовать себя комфортно»*, *«уметь принимать действительность такой, какая она есть, делать выводы и двигаться дальше»*, *«научиться принимать себя, свои потребности и ценности»*. Развитие представлено как многоаспектный внутренний процесс, что говорит о значимости для респондентов внутренней рефлексии и самопознания. Хотя развитие занимает значительное место в системе смыслов респондентов всех групп, наибольшее внимание к личностному росту проявляют респонденты со средним уровнем виртуальности, что может быть обусловлено поиском баланса между цифровой и реальной самореализацией.

В группе респондентов с низким уровнем виртуальности данная категория осмысливается многомерно, включает телесное, духовное, интеллектуальное развитие: *«я считаю важным развиваться – узнавать новое, достигать целей, расти как личность»*, *«стремление стать лучше, чем вчера – вот что наполняет мои дни смыслом»*, *«гармоничное развитие тела, разума, души и воли»*, *«смысл жизни для меня заключается в развитии и самопознании»*, отметим, что респонденты для описания значимости данной ценностной категории используют сложные образы, например, *«это как восхождение на гору, где каждый шаг, пусть и трудный, открывает новые пейзажи жизни»*, в

целом развитие воспринимается ими как процесс личностной эволюции и способ наполнить жизнь содержанием.

Категория «самовыражение» включает ценности проявления индивидуальности, творчества, свободы быть собой. В сочинениях респондентов с высоким уровнем виртуальности категория самовыражения не получила самостоятельного смыслового оформления, что может указывать на меньшую актуализацию темы личностной уникальности в их представлениях о смысле жизни. В группах с низким и средним уровнем виртуальности значимость самовыражения сохраняет относительно устойчивую представленность, однако для респондентов со средним уровнем виртуальности она несколько выше, что может отражать более активный поиск идентичности в условиях совмещения реальной и виртуальной самоактуализации. Молодые люди со средним уровнем виртуальности связывают самовыражение с поиском внутренней аутентичности (*«понять, кто я и где мое место»*) и стремятся выразить себя посредством творчества и искусства: *«наверное, искусство для меня смысл жизни», «творчество для меня – это когда смотришь на мир по-своему, придумываешь что-то новое, не боишься делать иначе и можешь проявить себя»*. В сочинениях респондентов с низким уровнем виртуальности ценность самовыражения связана с возможностью свободно проявлять себя (*«не ограничивать себя навязанными конструктами, быть собой», «важно иметь возможность выражать себя и вносить свой вклад в мир», «свобода в выборе, в намерениях и стремлениях», «смысл жизни для меня – это увлечения, творчество, я очень творческий человек и люблю пробовать что-то новое»*) и охватывает поведение, стиль жизни, активно проявляясь в повседневности (*«мне важно оставить после себя какой-то след, пусть даже маленький, но мой», «возможность творить, и это не обязательно должно быть искусство, музыка, живопись. Творчество может быть в интересном проекте, который делаешь на работе или в приготовление вкусного ужина», «смысл для меня в моих хобби, то, без чего я не могу»*).

Категория «служение» отражает направленность на помощь другим, альтруизм, служение людям, обществу. В сочинениях респондентов с высоким уровнем виртуальности в ходе исследования не были выявлены маркеры данной категории. У респондентов со средним уровнем виртуальности данная категория выражена умеренно: социальная ответственность и помощь другим рассматривается респондентами как способ обрести значимость: *«стать полезной обществу»; «важно чувствовать, что мои поступки значимы и полезны другим»*. Наиболее высокую значимость в содержательной структуре смысла жизни категория служения имеет у респондентов с низким уровнем виртуальности, что свидетельствует о более выраженной социальной и альтруистической ориентации у молодых людей, менее погруженных в онлайн-среду. Служение рассматривается респондентами с низкой виртуальностью как способ реализации смысла жизни: *«помощь другим, сочувствие и эмпатия делают меня лучше и позволяют почувствовать себя частью чего-то большего»; «смысл жизни – быть человеком, который не только берёт, но и даёт»; «я всегда стараюсь помочь другим людям», мне хочется, чтобы моя жизнь имела значение – пусть даже не для всего мира, но хотя бы для тех, кто рядом, если я смогу кого-то поддержать, сделать день лучше, подарить надежду – значит, я живу не зря»; «через помощь другим, заботу о людях и животных я ощущаю свою значимость и принадлежность к чему-то большему», что демонстрирует ценностную направленность на самотрансцендентные смыслы.*

Установки и принципы как источник смысла наиболее активно представлены у респондентов с высоким уровнем виртуальности, что может свидетельствовать о стремлении рационализировать и структурировать смысл в условиях фрагментарного опыта, характерного для онлайн-пространства. Ценности при этом отражают индивидуальный экзистенциальный выбор, например, *«жить свободно, без предубеждений и ненависти»*. В сочинениях респондентов со средним уровнем виртуальности убеждения не артикулируются

явно, их значимость в сравнении с другими содержательными категориями смысла жизни низкая. В группе респондентов с низким уровнем виртуальности убеждения часто имеют духовно-религиозную основу, например, *«отдельное место в моей жизни занимает религия, для меня это не просто традиция или набор правил, это способ почувствовать связь с чем-то большим, научиться благодарности и терпению»*; *«смысл для меня – это служение Богу в каждом дне»*.

Значимость содержательной категории «удовольствие» в структуре смысла увеличивается по мере снижения уровня виртуальности. В сочинениях респондентов с высоким уровнем виртуальности данная категория описывается абстрактно, скорее как психоэмоциональный фон жизни: *«каждый момент жизни пропитан радостью вне зависимости от погоды, людей и событий»*, в текстах не прослеживается связи с конкретными источниками удовольствия. У респондентов со средним уровнем виртуальности удовольствие связано с состоянием счастья и осознанности и желанием наслаждаться моментом, получать удовольствие от жизни: *«просто живи, наслаждайся»*; *«чувство счастья и умиротворения»*; *«нужно просто наслаждаться моментом и получать удовольствие просто от самого факта жизни»*, удовольствие от жизни часто связывается с другими ценностными ориентирами и личной ответственностью: *«жизнь полна ярких и приятных сюрпризов, но чтобы это стало реальностью нужно немного постараться!»*, что говорит о гедонистической, но не инфантильной позиции. У респондентов с низким уровнем виртуальности наблюдается ориентация на гармонию, чувственное присутствие в мире: *«ценить каждый свой выбор и наслаждаться каждым моментом»*, *«смысл жизни для меня, прежде всего, – это получение удовольствия от действий, от результата работы»*, *«жить в настоящем»*, *«радость в простых моментах»*, *«Зачем жить, если человека все не устраивает? Надо найти что-то, что он будет любить и что будет делать его счастливым»*. В текстах сочинений удовольствие от жизни раскрывается

глубоко и поэтично, например, *«ценить простые радости – шум дождя за окном, аромат утреннего кофе, тепло объятий близких»*, *«смысл в умении видеть прекрасное в обыденном, находить радость в мелочах, ценить каждый момент, как драгоценный дар»* и представлено как часть целостной жизненной картины, что указывает на устойчивое позитивное восприятие жизни.

Таким образом, в группе с высоким уровнем виртуальности представления о смысле жизни чаще выражены в более краткой и менее развернутой форме. В текстах респондентов данной группы смысложизненные суждения в большей степени фиксируют отдельные значимые темы, но реже раскрывают их взаимосвязь, личностное содержание и место в общей жизненной перспективе. Это позволяет говорить о меньшей содержательной связности смысложизненных представлений, представленных в письменных ответах.

У респондентов с низким уровнем виртуальности отмечена наиболее высокая степень сформированности ценностно-смысловой системы, в которой индивидуальные смыслы интегрированы с более широкими аксиологическими основаниями и характеризуются внутренней целостностью.

2.3. Эмпирическое исследование особенностей периферических уровней динамической системы смысла жизни интернет-активной молодежи

Аффективная составляющая динамической системы смысла жизни рассматривалась через характер эмоционального отношения респондентов к собственному жизненному пути. Для этого был использован показатель адопциональной шкалы из опросника «Субъективная картина жизненного пути личности» Г. Н. Малюченко и В. М. Смирнова [140] (см. Рисунок 11).

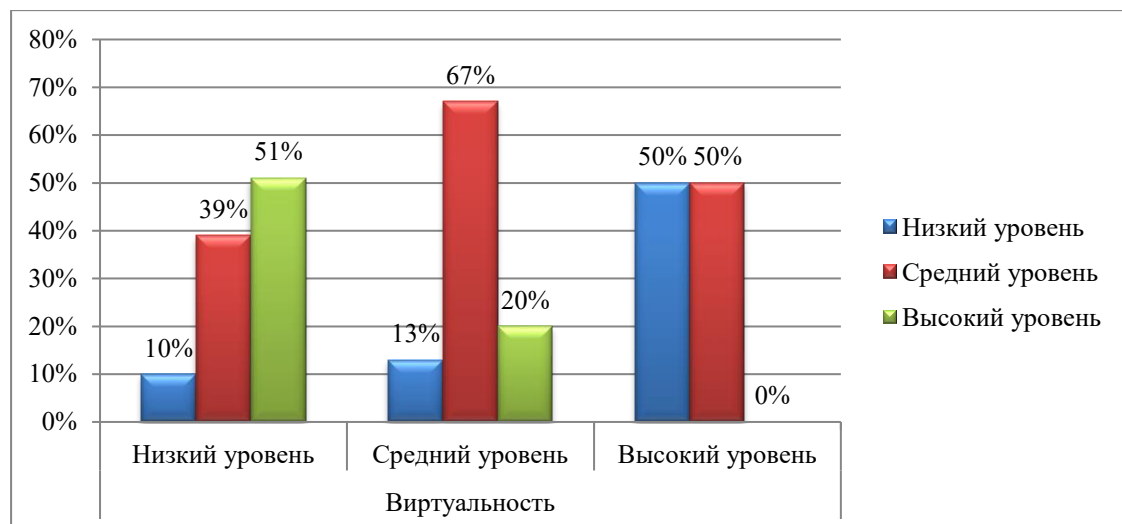

Рисунок 11. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по адопционной шкале

В группе с низким уровнем виртуальности преобладает высокий уровень эмоционально-конструктивного принятия жизненных обстоятельств – 51% респондентов. Средние значения выявлены у 39% участников, низкие – у 10%. Такая структура распределения свидетельствует о позиции принятия себя и жизни, склонности воспринимать трудности как возможность для личностного роста и развития, эмоциональной открытости.

В группе респондентов со средним уровнем виртуальности преобладает средний уровень принятия базовых обстоятельств жизни (67%), высокий уровень характерен для 20%, низкий – для 13%, что может свидетельствовать о частичной аффективной вовлеченности в реализацию жизненных ценностей. Респонденты сохраняют общую направленность на конструктивное восприятие жизненных событий, однако их эмоциональное отношение к жизни может быть нестабильным или ситуативно изменчивым. Такая структура может указывать на наличие внутренних противоречий между жизненными ожиданиями и фактическими условиями их реализации; трансформацию ценностной системы, в условиях, когда цифровой опыт становится значимым для личности, но еще не включен в систему личностных смыслов.

Половина респондентов с высоким уровнем виртуальности демонстрирует низкий уровень эмоционального принятия жизни, при этом ни у одного респондента не наблюдается высокого уровня, что позволяет сделать вывод о несформированности положительного аффективного отношения к собственной жизни. Для таких респондентов характерно наличие эмоционально-деструктивных установок, выражающихся в фрустрации, обиде, ощущении собственной беспомощности и бессмысленности происходящего, разрыв между потребностями и возможностями, приводящий к снижению субъективного благополучия, склонность негативные жизненные события воспринимать как неизбежные и часто неразрешимые. Данная группа сталкивается с риском формирования дезадаптивных копинг-стратегий как способов «выхода» при дефиците принятия реальности. Таким образом, при повышении уровня виртуальности наблюдается тенденция снижения положительной эмоционального отношения к реальным жизненным обстоятельствам. Наличие достоверных различий в уровне эмоционально-конструктивного принятия базовых обстоятельств у респондентов с разным уровнем виртуальности подтверждается расчетом непараметрического критерия Н-критерий Краскела-Уоллиса для независимых выборок ($H = 23,792$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$).

По результатам методики TEIQue-SF [78] установлены статистически значимые межгрупповые различия по общему показателю эмоционального интеллекта у респондентов с разной выраженностью виртуальности ($H = 35,064$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$) (Рисунок 12). Поскольку в методике отсутствует стандартизация значений по шкалам, выделение уровней проводилось с помощью метода квартилей.

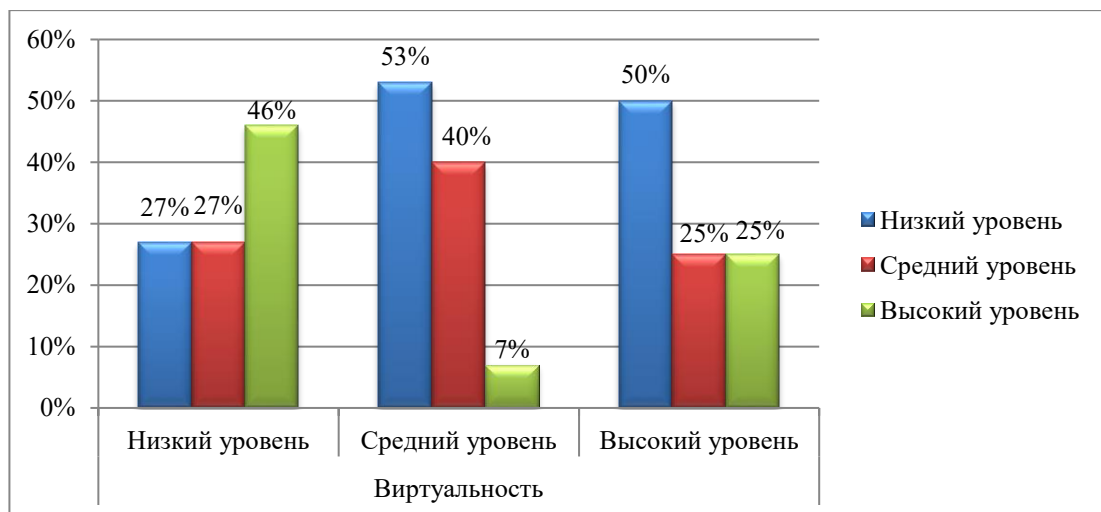

Рисунок 12. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Общий показатель эмоционального интеллекта»

Как видно из рисунка 12, в группе с низким уровнем виртуальности наблюдается наибольший процент респондентов с высоким показателем эмоционального интеллекта (46%), а низкий и средний уровень эмоционального интеллекта демонстрирует равное число респондентов (по 27%). Преобладание высокого уровня эмоционального интеллекта у респондентов с низкой виртуальностью связано с преобладанием опыта социального взаимодействия в реальном пространстве, поскольку именно в реальной социальной среде формируется устойчивое представление о себе как о субъекте эмоционального опыта, а также развиваются стратегии конструктивного взаимодействия с другими. Высокий уровень эмоционального интеллекта свидетельствует о способности респондентов к адаптивному поведению, наличии психологической устойчивости и более высоких показателей общего благополучия.

В группе со средним уровнем виртуальности для более половины респондентов (53%) характерен низкий уровень эмоционального интеллекта, средние показатели наблюдаются у 40% респондентов, высокие – у 7%. Таким образом, большинство респондентов со средней виртуальностью имеют низкий или средний уровни эмоционального интеллекта. Это может указывать на то, что замещение части реальных контактов виртуальными, особенно если они

поверхностны и обезличены, ограничивает возможности для развития эмоционального интеллекта.

Для респондентов с высоким уровнем виртуальности характерен менее благоприятный профиль эмоционального интеллекта: средний и высокий уровни представлены – по 25%. Низкий уровень эмоционального интеллекта, зафиксирован у 50% респондентов группы и обусловлен, на наш взгляд, снижением частоты и глубины реальных эмоциональных контактов и замещением эмпатийных реакций на рутинные схемы онлайн-общения, поскольку виртуальное пространство создает благоприятные условия для дистанцирования от собственных эмоций и эмоций других людей. Полученные различия могут быть связаны с тем, что эмоциональный интеллект формируется не только на основе знаний об эмоциях, но и посредством регулярного опыта живого общения, в котором человек соотносит собственные переживания с реакцией другого и учится регулировать эмоциональное взаимодействие. При смещении значительной части коммуникации в виртуальное пространство такая обратная связь становится более ограниченной и опосредованной, поэтому у части респондентов может снижаться чувствительность к эмоциональным нюансам общения и готовность учитывать переживания другого человека.

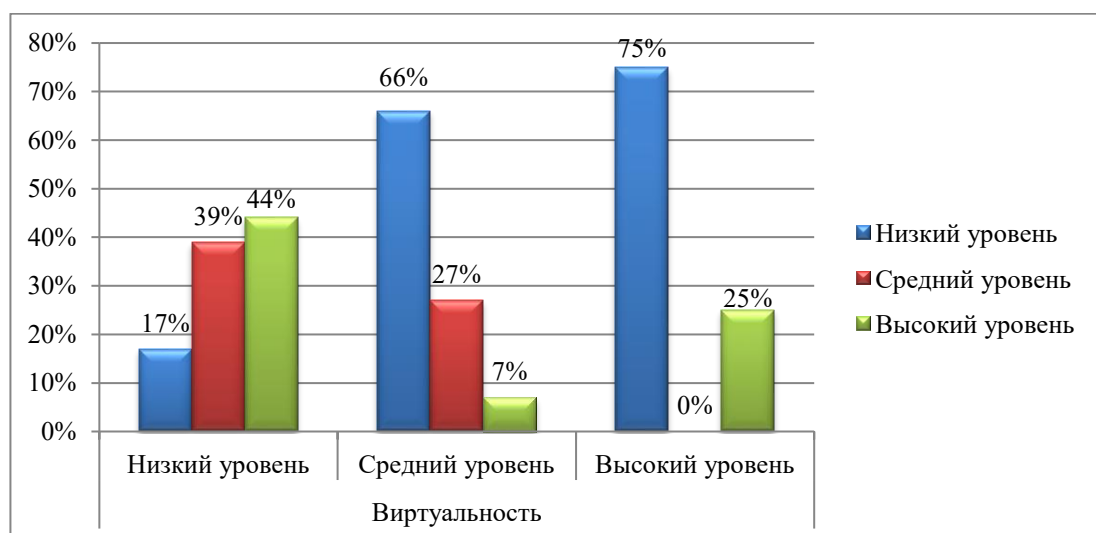

Рисунок 13. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Благополучие»

В группе с низким уровнем виртуальности почти половина группы демонстрирует высокий уровень по шкале «благополучие» (44%), сопоставимая доля участников имеет средние значения – 39% (см. Рисунок 13), что свидетельствует о выраженном ощущении удовлетворенности жизнью, способности воспринимать прошлый опыт как значимый и конструктивный, а будущее – как наполненное возможностями. Такие респонденты обладают устойчивой самооценкой и сохраняют позитивный эмоциональный фон, независимо от повседневных трудностей, способны интегрировать свои достижения в общую жизненную траекторию. Низкий уровень вовлеченности в цифровую среду способствует сохранению внимания к реальному опыту, социальным связям и собственной продуктивности, поддерживая базовое чувство благополучия.

В группе респондентов со средним уровнем виртуальности наблюдается преобладание низкого уровня благополучия (66%), высокий уровень зафиксирован лишь у 7% респондентов, средний уровень – у 27%. Эти данные свидетельствуют о наличии у большинства представителей группы снижения жизненного тонуса, ощущений неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией и нереализованности, заниженной самооценки.

В группе с высоким уровнем виртуальности преобладает низкий уровень благополучия (75%), 25% респондентов демонстрируют высокий уровень. Низкие показатели по шкале у респондентов отражают разочарование жизнью, обесценивание прошлых достижений, неопределенность или отсутствие позитивных ожиданий от будущего, искажения самооценки и эмоциональных реакций. Учитывая высокую степень включенности респондентов в виртуальное пространство, можно сделать вывод о замещении эмоционально насыщенного и социально одобряемого жизненного опыта цифровыми формами активности, которые нередко ведут к нарушению эмоционального контакта с собой и окружающим миром, снижению самооценности и уязвимости к сравнению с идеализированными образами из онлайн-пространства. Вместе с тем, четверть

респондентов с высоким уровнем виртуальности демонстрируют высокий уровень благополучия, что может указывать на использование ими виртуальной среды как пространства реализации, поддержки и самопрезентации.

Статистическая проверка различий по шкале «благополучие» подтверждает неодинаковую выраженность данного показателя в группах, выделенных по уровню виртуальности: $N = 50,115$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$.

По шкале «самоконтроль» межгрупповые различия не достигли уровня статистической значимости: $N = 4,287$; $p > 0,05$; $N_{\text{теор.}} = 5,991$ и различия между группами с низким, средним и высоким уровнями виртуальности по данному показателю не могут рассматриваться как статистически подтвержденные.

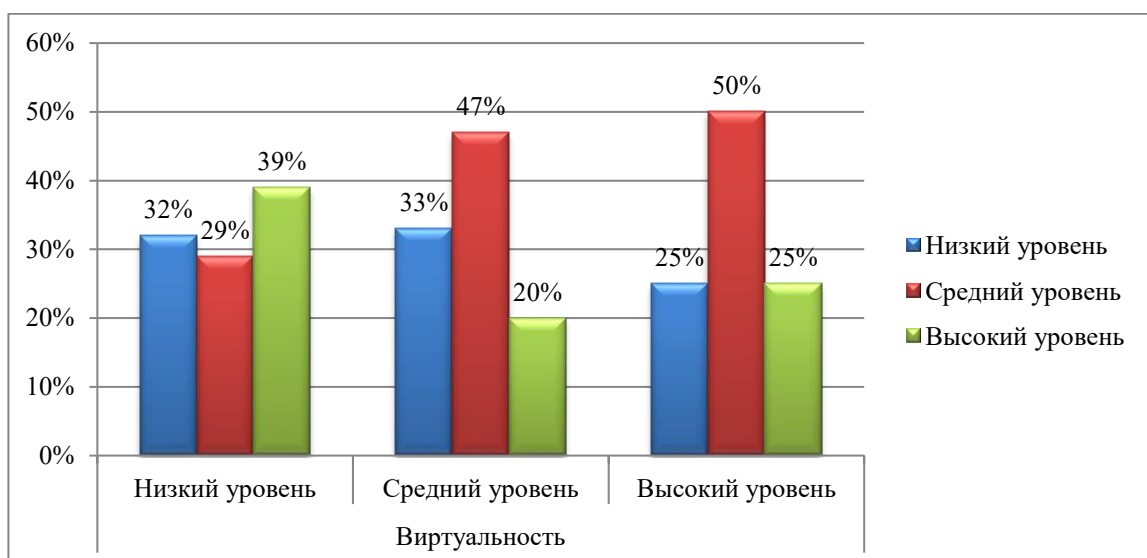

Рисунок 14. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Самоконтроль»

Рисунок 14 отражает распределение респондентов по уровням самоконтроля в группах с разной виртуальностью. Высокий уровень самоконтроля чаще встречается у респондентов с низкой виртуальностью: в этой группе он составляет 39%. При средней и высокой виртуальности доля таких респондентов ниже – 20% и 25% соответственно. Такие молодые люди способны регулировать собственные эмоции, проявляют устойчивость к стрессу в силу высокой вовлеченности в реальные формы социального взаимодействия,

сформированности устойчивых нормативов поведения, а также наличия опыта преодоления жизненных трудностей.

Средний уровень самоконтроля характерен для 29% в группе с низкой виртуальностью, в группах со средней и высокой виртуальностью доля респондентов со средним уровнем самоконтроля практически не отличается (47% и 50% соответственно). Такие респонденты, как правило, способны справляться с внешними и внутренними вызовами, однако в стрессовых могут терять контроль.

Доля респондентов с низким уровнем самоконтроля близка в группах низкой и средней виртуальности: 32% и 33% соответственно. В группе высокой виртуальности этот показатель составляет 25%. В психологическом плане низкие значения отражают меньшую выраженность контроля импульсов, эмоциональной регуляции и устойчивости к стрессовым воздействиям. Полученные в ходе исследования результаты, позволяют прийти к выводу, что интернет-активность не всегда однозначно коррелирует с нарушением функции самоконтроля, и на развитость навыков эмоциональной и поведенческой регуляции оказывают влияние и другие факторы, в том числе личностные особенности.

Шкала «эмоциональность» использовалась для оценки того, насколько выражены у респондентов эмоциональная восприимчивость, чувствительность к переживаниям и ориентация на эмоциональную сторону межличностного взаимодействия. Сопоставление данного показателя у участников с разным уровнем виртуальности приведено на рисунке 15.

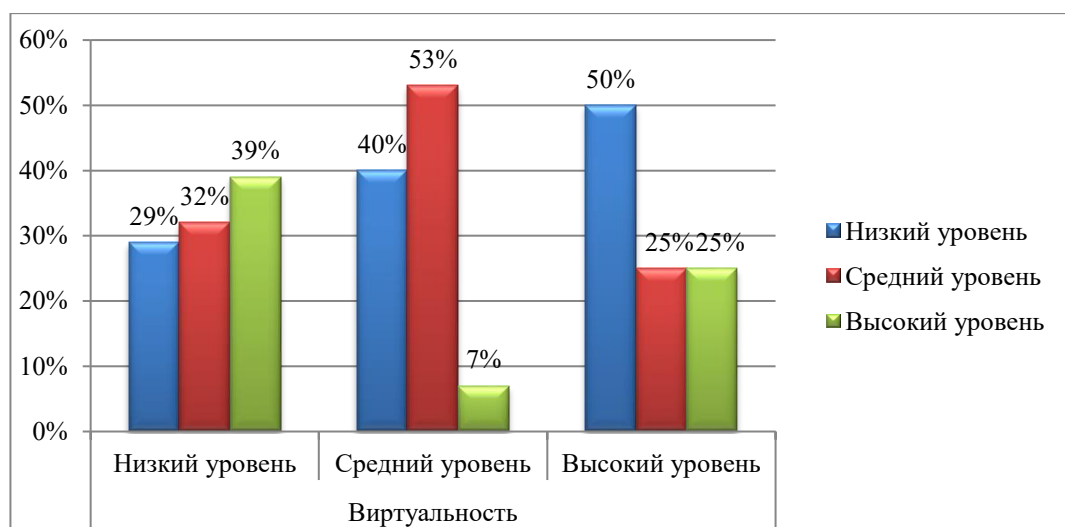

Рисунок 15. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Эмоциональность»

Для 39% респондентов с низким уровнем виртуальности характерны высокие значения по шкале «эмоциональность», что свидетельствует о хорошо развитой способности к пониманию собственных эмоций, эмпатии и установлению доверительных отношений. Такие респонденты благодаря умению распознавать свои эмоции и эмоциональные состояния других способны поддерживать глубокие межличностные связи.

Средние значения по шкале «эмоциональность» выявлены у 32% респондентов. Данный уровень может отражать достаточную способность к распознаванию и выражению эмоций, а также к поддержанию межличностного взаимодействия, однако в ситуациях высокой эмоциональной напряженности такие респонденты могут испытывать затруднения в понимании эмоций и их регуляции.

Низкий уровень эмоциональности отмечается у 29% респондентов с низкой виртуальностью, что может указывать на затруднения в идентификации и выражении собственных эмоций, а также в понимании чувств окружающих. Однако, по сравнению с остальными группами, доля таких респондентов является наименьшей, что в целом подчеркивает более гармоничное развитие аффективной сферы в условиях умеренной виртуальной вовлеченности.

В группе со средним уровнем виртуальности наблюдается смещение эмоционального профиля в сторону среднего уровня по шкале эмоциональности (53%), что может говорить о сохранности базовых эмоциональных навыков при наличии определенной уязвимости к эмоциональной перегрузке или неустойчивости в межличностных контактах. Низкий уровень характерен для 40% респондентов группы, что свидетельствует о наличии ощутимых затруднений в распознавании и выражении эмоций, сниженной способности к эмпатии и проблемах в выстраивании устойчивых эмоциональных связей. Это может быть связано с частичным смещением активности респондентов в сторону виртуального взаимодействия, которое нередко ограничивает полноту эмоционального опыта и снижает частоту реальных межличностных контактов. Высокий уровень эмоциональности наблюдается лишь у 7%.

Наиболее выражены низкие показатели по шкале «эмоциональность» в группе респондентов с высоким уровнем виртуальности (50%). Такие респонденты испытывают сложности в распознавании и выражении как собственных, так и чужих чувств, формируют в большей степени поверхностные межличностные связи, что может приводить к чувству отчуждения. 25% респондентов с высокой виртуальностью демонстрируют высокий уровень эмоциональности, еще 25% – средний уровень.

По шкале «эмоциональность» различия между группами, выделенными по уровню виртуальности, достигли статистической значимости по критерию Краскела–Уоллиса. ($H = 15,437$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$). Таким образом, полученные результаты позволяют предположить, что интенсивность и характер вовлеченности в виртуальное пространство оказывают влияние на эмоциональную сферу личности. Чем выше уровень виртуальности, тем ниже выраженность аффективной включенности, эмпатии и способности к выстраиванию глубоких межличностных отношений.

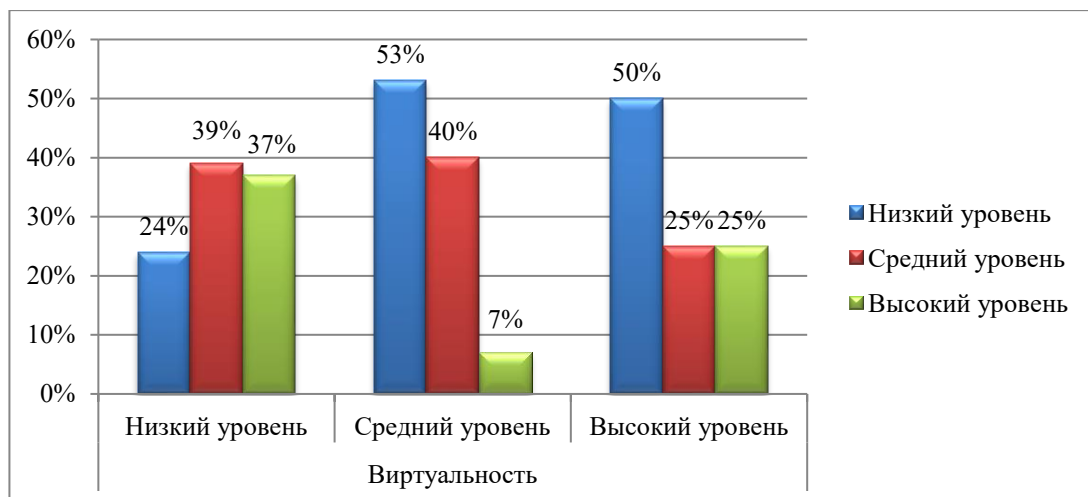

Рисунок 16. Результаты респондентов с разным уровнем виртуальности по шкале «Социальность»

На основе анализа данных, представленных на рисунке 16, можно отметить, что в группе с низкой виртуальностью высокий уровень социальности демонстрируют 37%, средний уровень характерен для 39% респондентов. Это свидетельствует о способности к эффективному социальному взаимодействию, такие респонденты уверенно чувствуют себя в ситуациях межличностного взаимодействия, обладают навыками коммуникации.

Более половины участников (53%) по шкале социальности демонстрируют низкий уровень, что может указывать на затруднения в социальном взаимодействии, неуверенность в межличностных контактах, трудности в публичной активности. Для 40% респондентов со средним уровнем виртуальности характерен средний уровень социальности, и только небольшая доля (7%) имеют высокий показатели. Таким образом, уменьшение роли офлайн-коммуникации при возрастании уровня виртуальности может затруднять развитие устойчивых социальных навыков.

Половина респондентов с высокой виртуальностью демонстрируют низкий уровень социальности, средний и высокий уровень – по 25% респондентов. Несмотря на наличие у четверти респондентов относительно высоких коммуникативных способностей, в целом группа характеризуется сниженной социальной активностью. Это может быть связано с тем, что

взаимодействие преимущественно реализуется через цифровые средства в условиях контролируемого и менее эмоционально насыщенного общения. В реальных межличностных ситуациях у таких респондентов могут проявляться скованность, трудности в установлении контакта и неуверенность в себе.

Активная вовлеченность в виртуальное пространство связана с риском ослабления социальных навыков, в то время как реальное офлайн-взаимодействие является важным условием формирования и поддержания уверенного, зрелого и эффективного социального поведения, наличие значимых отличий в выделенных группах по уровню социальности подтверждается расчетом Н-критерия Краскела-Уоллиса для независимых выборок ($N = 23,025$, $p < 0,001$ при $N_{\text{теор.}} = 13,816$).

Следующей задачей эмпирического исследования динамической системы смысла жизни интернет-активной молодежи было выявление особенностей мотивационного уровня. Для диагностики актуальных мотивов личности применялся «Тест юмористических фраз» А. Г. Шмелева и В. С. Бабиной [130]. Различия между группами, выделенными по уровню виртуальности достигли статистической значимости по ряду мотивационных показателей: агрессии-самозащиты ($N = 14,117$, $p < 0,001$ при $N_{\text{теор.}} = 13,816$), семейных неурядиц ($N = 21,026$, $p < 0,001$ при $N_{\text{теор.}} = 13,816$), бездарности в искусстве ($N = 8,398$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$), человеческой глупости ($N = 8,490$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$). При этом не наблюдается значимых отличий в выраженности таких мотивов, как взаимоотношения полов ($N = 5,231$, $p > 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$), пагубные привычки ($N = 0,400$, $p > 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$), деньги ($N = 0,350$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$), мода ($N = 2,247$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$), карьера ($N = 0,542$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$), социальные неурядицы ($N = 1,364$, $p < 0,05$ при $N_{\text{теор.}} = 5,991$).

На рисунке 17 представлено соотношение актуальных мотивационных сфер респондентов с разным уровнем виртуальности, построенное на основании расчета среднего значения для каждой из групп респондентов.

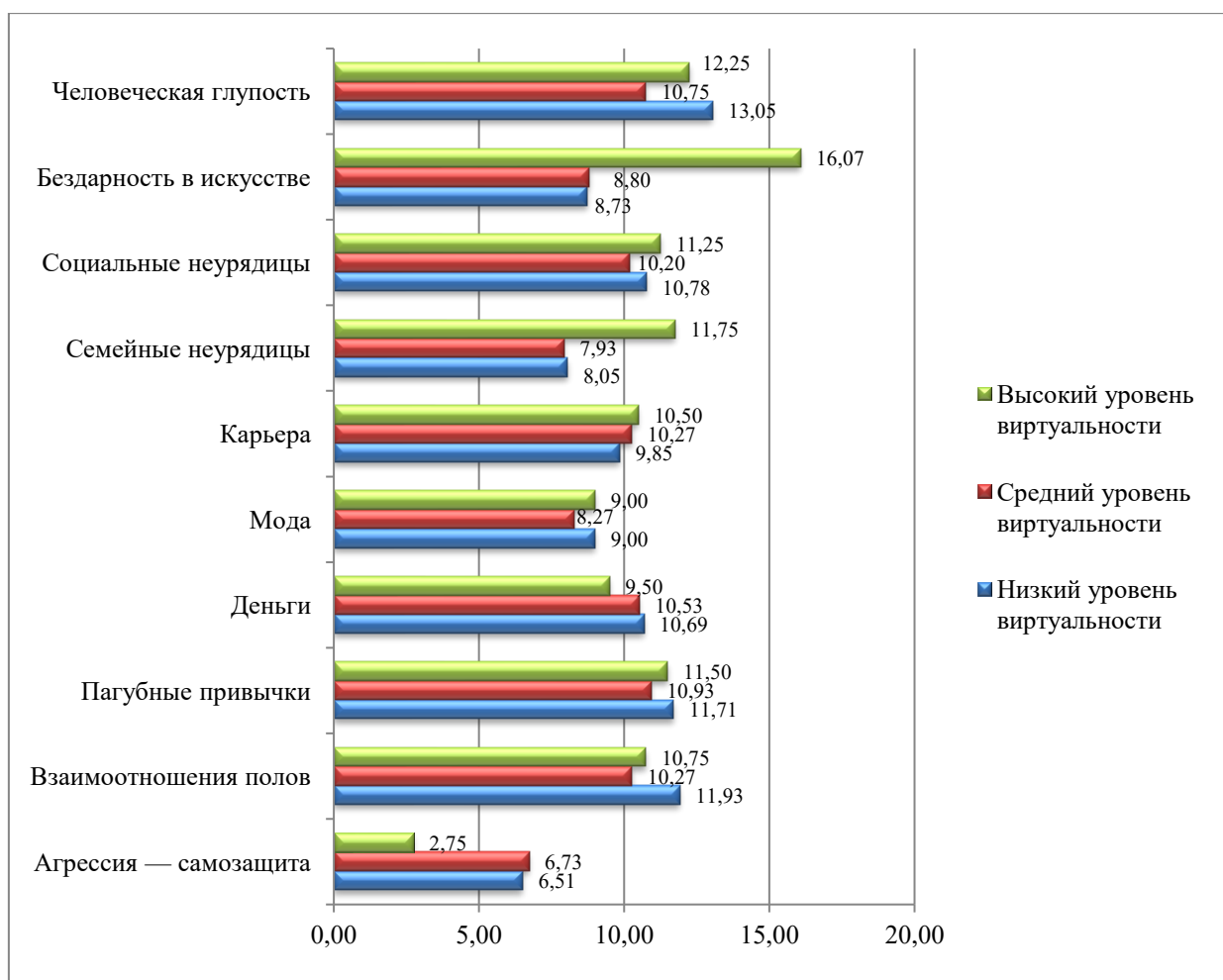

Рисунок 17. Актуальные мотивационные сферы в группах с разным уровнем виртуальности

Полученные данные свидетельствуют о том, что у группы респондентов с низкой виртуальностью актуальной мотивационной сферой являются человеческая глупость (13,05), взаимоотношения полов (11,93), пагубные привычки (11,71), социальные неурядицы (10,78), деньги (10,69). Респонденты с низкой виртуальностью демонстрируют выраженный интерес к социально значимым, часто морально окрашенным темам, им важно понимать и регулировать социальные нормы, поведенческие паттерны, взаимоотношения между людьми. Высокая выраженность мотива «человеческая глупость» может свидетельствовать о критичности мышления и стремлении к интеллектуальному развитию. Тема взаимоотношений полов, наряду с денежной сферой и карьерой, говорит о ценности реальных межличностных отношений и стремлении к

самореализации через достижения и материальный успех. Такой мотивационный профиль соответствует относительно стабильной жизненной ориентации, основанной на традиционных представлениях о социальной успешности, и менее подвержен влиянию виртуальных конструкторов и образов.

В группе респондентов со средним уровнем виртуальности актуальные мотивационные сферы включают пагубные привычки (10,93), человеческая глупость (10,75), карьера (10,27), взаимоотношения полов (10,27), социальные неурядицы (10,20). Таким образом, респонденты ориентированы на профессиональную реализацию, личные отношения, поиск социальной стабильности. Отметим, что в целом мотивационные сферы выражены примерно на среднем уровне. Относительная равномерность мотивационного профиля в данной группе свидетельствует об адаптивности и гибкости мотивационной сферы.

В группе с высокой виртуальностью можно выделить следующие актуальные мотивационные сферы: бездарность в искусстве (16,07), человеческая глупость (12,25), семейные неурядицы (11,75), пагубные привычки (11,50), социальные неурядицы (11,25). Профиль респондентов с высокой виртуальностью указывает на наличие негативных социальных и эстетических оценок, ощущение отчужденности, значимость мотивационной сферы семейные неурядицы может отражать потребности в поиске семейного благополучия и трудности в выстраивании реальных отношений. Как показывает исследование, вне зависимости от уровня виртуальности категория отношений между полами важна для всех молодых людей, также во всех группах значимыми являются мотивационные сферы, связанные с пагубными привычками и социальными неурядицами. Мотивационные сферы связанные с карьерой, самореализацией и финансовым благополучием также выражены во всех группах, в то время как мотивационная сфера, связанная с модой, не является особо значимой. Отметим также, что мотивационная категория агрессия-самозащита, отражающая выраженность мотива самосохранения значительно ниже у группы с высокой

виртуальностью (2,75) по сравнению с другими (6,51 в группе с низкой виртуальностью и 6,73 в группе со средней виртуальностью).

Также для исследования мотивационной структуры респондентов использовался опросник «Оценка уровня притязаний личности» В. К. Гербачевского [133]. Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о наличии у респондентов с разным уровнем виртуальности значимых различий в выраженности четырех из шести мотивов, формирующих ядро мотивационной структуры личности: познавательного мотива ($N = 15,366$, $p < 0,001$), мотива избегания ($N = 7,300$, $p < 0,001$), состязательного мотива ($N = 14,991$, $p < 0,001$) и мотива самоуважения ($N = 16,612$, $p < 0,001$) при $N_{\text{теор.}} = 13,816$. В выраженности внутреннего мотива статистически значимые различия не зафиксированы ($N = 4,452$, $p > 0,05$), также как и в выраженности мотива к смене текущей деятельности ($N = 1,679$, $p > 0,05$) при $N_{\text{теор.}} = 5,991$.

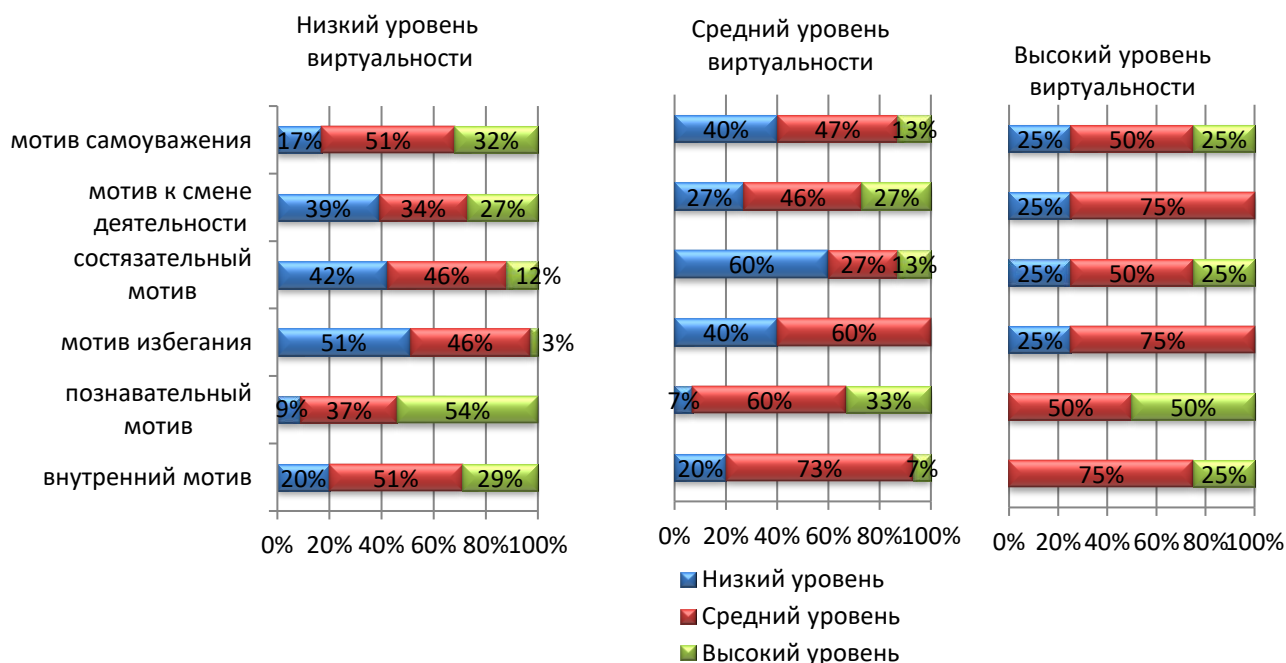

Рисунок 18. Ядро мотивационной сферы личностей с разным уровнем виртуальности

В группе респондентов с низкой виртуальностью познавательный мотив занимает лидирующую позицию (высокий уровень выявлен у 54% респондентов,

средний – у 37%, низкий – у 9%). Такое распределение позволяет рассматривать познавательную мотивацию как наиболее выраженный мотивационный показатель в данной группе; она связана с интересом к новому опыту, стремлением к пониманию происходящего и ориентацией на расширение собственных возможностей. По внутреннему мотиву высокий уровень зафиксирован у 29% респондентов, у 51% – средний, у 20 – низкий уровне. Более половины респондентов (51%) демонстрируют низкий уровень выраженности мотива избегания, еще 46% – средний, высокие значения лишь у 3. Это свидетельствует о достаточно зрелой установке на принятие возможного неуспеха.

По состязательному мотиву в данной группе преобладают средние и низкие значения: средний уровень выявлен у 46% респондентов, низкий – у 42%. Это позволяет говорить о том, что ориентация на соперничество и сравнение собственных достижений с достижениями других не является ведущей мотивационной характеристикой большинства участников данной группы. Мотив смены деятельности распределяется без выраженного преобладания одного уровня: низкий уровень зафиксирован у 39% респондентов, средний – у 34%, высокий – у 27%., что позволяет сделать вывод о гибкости и умеренной устойчивости интереса к текущей деятельности.

Особое значение в рамках исследования имеют показатели по мотиву самоуважения, поскольку они отражают уровень притязаний личности. Респонденты с низким уровнем виртуальности чаще демонстрируют высокий уровень притязаний, выражающийся в стремлении преодолевать личные трудности, усложнять задачи, следовать своим идеалам. Это согласуется с характерными для данной группы высокой осмысленностью жизни. Представители этой группы имеют более устойчивое Я, в котором чувство самоуважения формируется на основе собственных достижений и рефлексии.

Таким образом, у респондентов с низкой виртуальностью ведущими являются познавательный мотив, внутренний мотив и мотив самоуважения, что

отражает зрелую мотивационную структуру. При этом низкая выраженность мотива избегания и состязательности говорит о сниженной тревожности.

В группе респондентов со средним уровнем виртуальности наблюдается смещение мотивационного ядра в сторону внутренней устойчивости и познавательной активности, также отмечаются умеренные проявления тревожности и неуверенности. Внутренний мотив у большинства респондентов данной группы находится в среднем диапазоне – 73%; низкие значения выявлены у 20%, высокие – у 7% участников. По познавательному мотиву также преобладает средний уровень – 60%, однако доля высоких значений здесь заметно выше и составляет 33%; низкий уровень отмечен у 7% респондентов., что подтверждает наличие направленности на познавательную активность, хотя и в меньшей степени, чем в группе с низкой виртуальностью.

Мотив избегания у 60% респондентов со средней виртуальностью представлен среднем уровне, у 40 % – на низком уровне, таким образом, молодые люди в меньшей степени склонны испытывать чувство страха перед возможными неудачами и в большей степени ориентируются на достижение целей, чем на избежание ошибок. 60% респондентов демонстрируют низкий уровень выраженности состязательного мотива, 27 % – средний уровень и 13% – высокий уровень, что говорит об отсутствии стремления к соперничеству и конкуренции. Мотив к смене деятельности представлен на среднем уровне у 46% участников, по 27% респондентов демонстрируют низкий и высокий уровни, что указывает на умеренную склонность к смене задач.

Высокий уровень значимости мотива самоуважения характерен для 13% респондентов, у 47% он находится на среднем уровне и у 40% – на низком уровне. Отметим, что именно в этой группе наблюдается наибольшая доля респондентов с низким показателем мотива самоуважения и, как следствие, уровня притязаний. Такие показатели отражают неопределенность в отношении собственных возможностей.

В целом в группе респондентов со средним уровнем виртуальности доминируют средние уровни выраженности по большинству шкал, характеризующих ядро мотивационной структуры. Такая структура указывает на адаптивный, но не всегда устойчивый тип мотивации, с выраженной познавательной и внутренней составляющей, при умеренной тревожности и слабой соревновательности.

В группе с высоким уровнем виртуальности половина респондентов демонстрирует высокую значимость познавательного мотива, еще 50 % – среднюю, что свидетельствует о том, что получение информации и познание являются важными факторами, определяющими направления активности респондентов. Внутренний мотив и мотив избегания у 75% респондентов представлены на среднем уровне, у 25% – на высоком. Это может говорить как о внутренней устойчивости, так и о сниженной чувствительности к неудаче в силу опосредованного характера интернет-активности, неудачи могут восприниматься менее остро, поскольку их последствия чаще остаются ограниченными рамками виртуального взаимодействия и не всегда связаны с прямой оценкой со стороны значимых людей.

По мотиву смены деятельности у большинства респондентов зафиксирован средний уровень – 75%; низкий уровень выявлен у 25%, высокие значения в данной группе отсутствуют. Такое распределение позволяет говорить не о выраженной потребности в постоянной смене стимулов, а скорее об умеренной готовности переключаться между видами активности при отсутствии ярко выраженной тенденции к частой смене занятий.

Состязательный мотив у 50% респондентов имеет средний уровень. Низкие и высокие значения представлены одинаково – по 25%. При межгрупповом сопоставлении именно в данной группе выявляется наибольшая доля респондентов с высокими состязательными установками. Это может быть связано с особенностями цифрового взаимодействия, где значимую роль играют сравнение с другими пользователями, публичная оценка активности,

рейтинговые механизмы и демонстрация собственных достижений. Мотив самоуважения имеет аналогичное распределение. Для таких респондентов самоуважение может быть связано с виртуальными достижениями, самопрезентацией в онлайн-среде как способом реализовать амбиции. Однако при этом высокая выраженность может быть ситуативной, поскольку не сопровождается высокой актуальностью мотива избегания и стремления к усложнению деятельности, а также меньшей вовлеченностью в реальные задачи. Это указывает на возможную зависимость от внешней обратной связи и формирование притязаний в условиях информационной среды, а не на основе личной внутренней опоры.

На рисунке 19 представлены результаты выраженности у респондентов с разным уровнем виртуальности мотивов, связанных с достижением трудных целей.

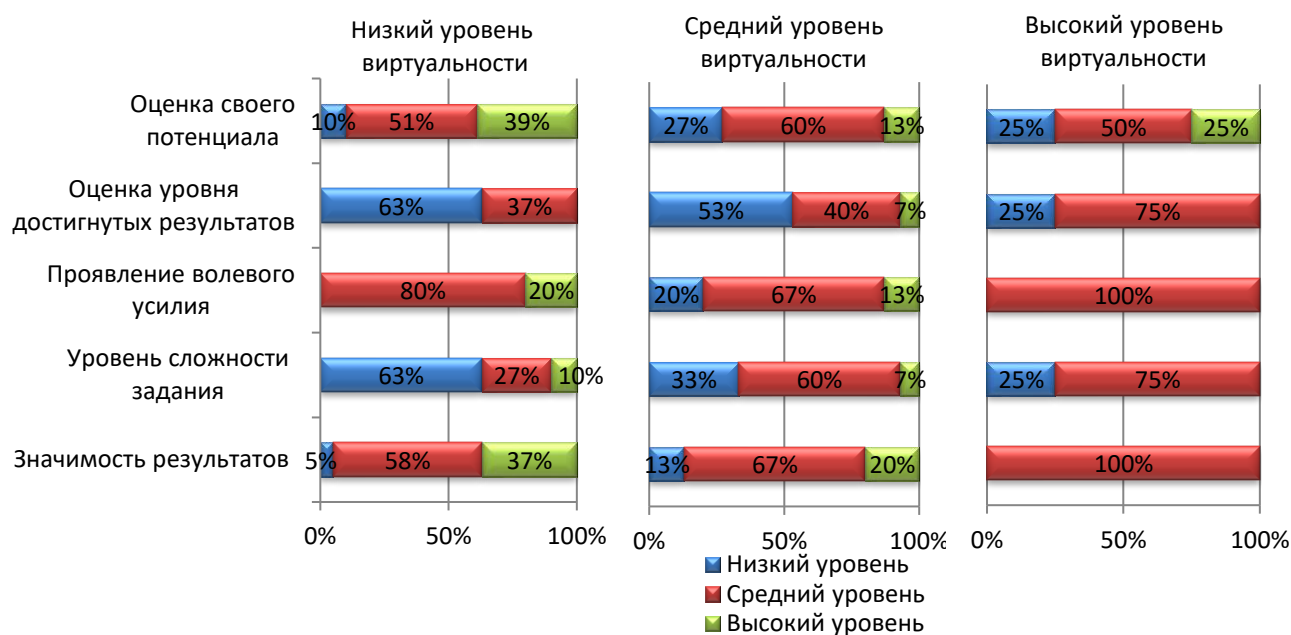

Рисунок 19. Выраженность мотивов, связанных с достижением трудных целей в группах с разным уровнем виртуальности

Респонденты с низким уровнем виртуальности демонстрируют наиболее высокие показатели по мотиву значимости результатов, у 37% данный мотив выражен на высоком уровне, у 58% – на среднем, у 5% – на низком. Для данной

группы характерно придавать существенное значение конечному результату своей деятельности, что указывает на сформированную личностную заинтересованность. У большинства респондентов с низкой виртуальностью показатель сложности задания находится на низком уровне — 63%; средний уровень составляет 27%, высокий — 10%. При этом по шкале «проявление волевого усилия» низкие значения не представлены: 80% участников относятся к среднему уровню, 20% — к высокому. Такие данные свидетельствуют о высокой способности к саморегуляции, мобилизации усилий и контролю поведения. Несмотря на высокую значимость результатов, 63% респондентов данной группы оценивают собственные результаты как низкие, 37 % — как средние, что может отражать склонность к перфекционизму, высокие притязания и самокритичность. Согласно полученным данным, 39% респондентов оценивают свой потенциал на высоком уровне, 51 % — на среднем уровне и 10% — на низком уровне, что говорит об уверенности в себе и готовности к преодолению трудностей, несмотря на возможное занижение результата. В целом респонденты с низкой виртуальностью проявляют высокую значимость результатов, развитую волевою регуляцию, стремление к личностному росту и требовательность к себе, но достаточно самокритичны в оценке достижений, несмотря на веру в свой потенциал.

В группе со средним уровнем виртуальности 67% имеют средний уровень по шкале «значимость результатов»; высокий уровень выявлен у 20% респондентов, низкий — у 13%. Такое распределение показывает, что для большинства участников данной группы результат деятельности сохраняет субъективную значимость, однако выраженная ориентация на достижение результата характерна не для всей группы. По показателю «уровень сложности задания» 60% респондентов отмечают средний уровень сложности, низкие оценки встречаются у трети участников — 33%, тогда как высокий уровень сложности отмечен только у 7%. По шкале волевого усилия также преобладают средние значения (67%). У 20% респондентов наблюдается низкий уровень,

высокий уровень продемонстрировали 13%. Для респондентов со средней виртуальностью характерно снижение способности к целенаправленной деятельности и мобилизации усилий, слабая саморегуляция. Оценка достигнутых результатов у большинства респондентов со средней виртуальностью находится на низком (53%) и среднем (40%) уровнях. Высокий уровень представлен минимально – в 7 %. В группе преобладает не выраженная удовлетворенность достигнутым, а скорее сдержанная или сниженная оценка результатов собственной деятельности. Оценка собственного потенциала, чаще сохраняется на среднем уровне – 60%, низкие значения отмечены у 27% участников, высокие – у 13%. Таким образом, респонденты со средним уровнем виртуальности склонны сомневаться в собственных способностях. Наблюдается мотивационный конфликт, обусловленный тем, что несмотря на признание важности результата, респонденты испытывают трудности с волевой регуляцией и верой в достижение успеха.

В группе респондентов с высокой виртуальностью представлен усредненный профиль мотивации, в котором практически отсутствуют высокие показатели по шкалам. Так, все респонденты демонстрируют средний уровень значимости результатов, что позволяет сделать вывод о неустойчивой мотивационной установке на достижение высоких результатов при выполнении сложных задач. По шкале «уровень сложности заданий» у 75% респондентов отмечается средний уровень, у 25% – низкий уровень. Все респонденты с высоким уровнем виртуальности оценивают проявление волевого усилия на среднем уровне. Такие результаты свидетельствуют о преимущественной ориентации на более простые задачи и избегание вызовов, слабо выраженную установку к преодолению трудностей, сниженной способности к мобилизации в трудных ситуациях. Высокие значения по шкале оценки достигнутых результатов отсутствуют, три четверти респондентов имеют средние значения, еще четверть относится к низкому уровню. Такие данные указывают скорее на сдержанную удовлетворенность результатами собственной деятельности, чем на

выраженно положительную оценку достигнутого. Показатель оценки личного потенциала имеет более сбалансированную структуру: половина участников находится на среднем уровне, а низкие и высокие значения представлены в равных долях – по 25%, что отражает умеренную оценку собственных способностей при отсутствии выраженной амбициозности.

В целом профиль мотивации в группе с высокой виртуальностью характеризуется преимущественно средним уровнем значимости результатов, проявления волевых усилий, размытостью ориентиров самооценки. Это может быть следствием поверхностного взаимодействия с реальностью, перегрузки цифровыми стимулами, снижения глубины самооценки и размывания критериев успеха вследствие частого пребывания в виртуальной среде. Наличие значимых различий по выраженности компонентов мотивационной структуры, связанных с достижением трудных целей, у групп с разным уровнем виртуальности подтверждается Н-критерием Краскела-Уоллиса для независимых выборок: значимость результатов ($H = 8,780$, $p < 0,05$ при $H_{\text{теор.}} = 5,991$), проявление волевого усилия ($H = 23,433$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$), оценка уровня достигнутых результатов ($H = 18,569$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$), оценка своего потенциала ($H = 15,794$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$). По шкале «уровень сложности задания» статистически значимые различия не подтверждаются ($H = 5,843$, $p > 0,05$ при $H_{\text{теор.}} = 5,991$).

В ходе анализа выраженности мотивационных компонентов, связанных с прогнозируемыми оценками деятельности, были выявлены достоверные отличия по шкале «намеченный уровень мобилизации усилий» ($H = 16,568$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$), при этом результаты по шкале «ожидаемый уровень результатов деятельности» не демонстрируют наличия статистически значимых отличий ($H = 5,157$, $p > 0,05$ при $H_{\text{теор.}} = 5,991$).

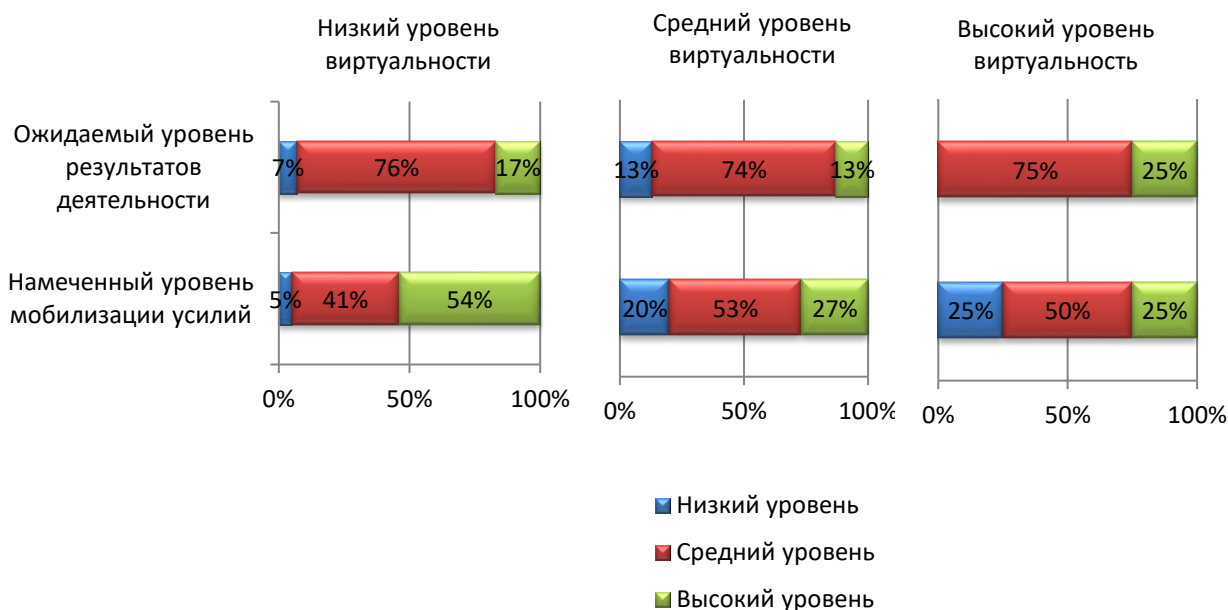

Рисунок 20. Выраженность компонентов мотивационной структуры, составляющих прогнозные оценки деятельности субъектов с разным уровнем виртуальности

Как видно из рисунка 20, для группы с низким уровнем виртуальности характерны высокая мотивационная готовность к активной деятельности, выраженное желание приложить усилия для получения результата, что говорит о самоорганизованности и целеустремленности и может быть интерпретировано как признак сформированного намерения действовать активно и осмысленно: высокий уровень по соответствующей шкале отмечен у 54% респондентов. По шкале «ожидаемый уровень результата» большинство респондентов группы (76%) имеют средние ожидания, 17% – высокие, 7% – низкие. Молодые люди с низкой виртуальностью демонстрируют реалистичность самооценки и критичность к себе при одновременном ожидании успеха.

В группе со средним уровнем виртуальности по сравнению с предыдущей группой, отмечается снижение намеченного уровня мобилизации усилий, высокий уровень данного показателя установлен у 27% респондентов; у 53% участников он находится в среднем диапазоне, у 20% – в низком. По шкале «ожидаемый уровень результатов деятельности» преобладают средние значения,

которые выявлены у 74% респондентов, низкие и высокие представлены в равной степени (по 13%). Увеличение доли респондентов с низким уровнем намеченной мобилизации усилий указывает на чувство неуверенности, трудности с организацией усилий. Ожидания остаются преимущественно средними, что подтверждает тенденцию к осторожному прогнозированию успеха, такая умеренность может как отражать реалистичный взгляд на результат, так и указывать на сомнения в личной эффективности.

В группе с высоким уровнем виртуальности половина респондентов демонстрирует средний уровень намеченной мобилизации усилий, по 25 % – высокий и низкий, при этом в группе отсутствует низкий уровень ожидаемых результатов деятельности, для 25% респондентов характерен высокий уровень ожидаемых результатов, наибольшая доля (75%) имеет средний уровень. Несмотря на менее выраженную готовность к мобилизации усилий, у респондентов остаются оптимистичные ожидания результата, подобное расхождение связано с влиянием цифровой среды, в которой успех часто ассоциируется с быстрым вознаграждением, что приводит к искажениям представлений о процессе достижения целей.

Достоверные отличия также были выявлены в выраженности у респондентов с разным уровнем виртуальности мотивационных компонентов, связанных с причинными факторами деятельности (см. Рисунок 21): закономерность результатов ($H = 20,044$, $p < 0,001$ при $H_{\text{теор.}} = 13,816$), инициативность ($H = 6,648$, $p < 0,05$ при $H_{\text{теор.}} = 5,991$).

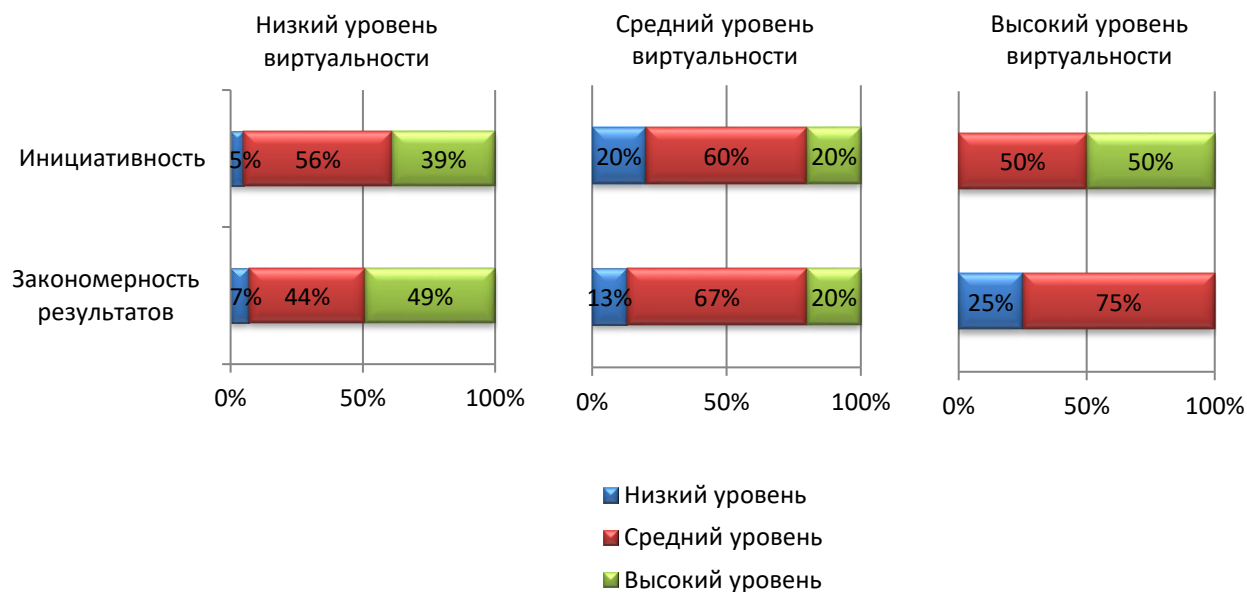

Рисунок 21. Выраженность компонентов мотивационной структуры, отражающих причинные факторы деятельности в группах с разным уровнем виртуальности

У респондентов с низкой виртуальностью показатель понимания закономерности результатов в основном находится в среднем и высоком диапазоне: 49% участников относятся к высокому уровню, 44% – к среднему, 7% – к низкому, таким образом, для большинства респондентов характерна высокая или средняя степень осознания связи между усилиями и результатом, что говорит о сформированной уверенности в себе и понимании причинно-следственных связей между действиями и результатом. По шкале инициативности больше половины респондентов с низкой виртуальностью (56%) имеют средние показатели, высокий уровень инициативности отмечается у 39%, низкий – у 5%. В группе преобладают достаточно самостоятельные и активные личности, которые способны проявлять инициативу. Такая структура позволяет говорить о психологической готовности к самостоятельной и ответственной деятельности.

В группе со средним уровнем виртуальности показатель понимания собственных возможностей в достижении целей чаще находится в среднем диапазоне: данный уровень выявлен у 67% респондентов. Высокие значения

зафиксированы у 20% участников, низкие – у 13%. По шкале «инициативность» также уменьшается представленность высоких значений по сравнению с группой низкой виртуальности: высокий уровень установлен у 20% респондентов. Одновременно низкий уровень инициативности выявлен у 20% участников, что указывает на большую неоднородность данной группы по готовности самостоятельно начинать и поддерживать активность, направленную на достижение цели. Средний уровень проявления инициативы характерен для 60% респондентов. В целом в данной группе осознание своих возможностей для решения задач и способность проявлять инициативу выражены слабее.

В группе с высоким уровнем виртуальности преобладают респонденты со средними показателями понимания закономерности результатов (75%), низкий уровень имеют 25%, респонденты с высоким уровнем отсутствуют. Таким образом, респонденты с высокой виртуальностью в большей степени склонны ощущать зависимость от обстоятельств и в меньшей степени проявлять личностную ответственность за результаты, что может быть связано с активным вовлечением в виртуальную среду, в которой причинно-следственные связи часто упрощаются или искажаются. Несмотря на более низкие, чем в других группах, показатели осознания закономерности результата, респонденты демонстрируют высокий и средний уровень инициативности (по 50%). Такие результаты указывают на характерное для пользователей с высокой виртуальностью стремление к самовыражению, но без ясного понимания последствий действий, их инициативность может носить хаотичный и фрагментарный характер.

Полученные данные позволяют прийти к выводу, что уровень виртуальности влияет не только на общее направление мотивации, но и на ее структурную целостность, при увеличении виртуального погружения снижается способность осознанно управлять собственными действиями и воспринимать их как результативные.

Для оценки выраженности мотивации к поиску смысла жизни применялся опросник MLQ М. Стегера в адаптации С. П. Елшанского [48]. Результаты по данной методике приведены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты анализа показателей осмысленности жизни по методике MLQ в группах респондентов с разным уровнем виртуальности

	Показатель	Шкала смысла жизни	Наличие	Поиск
Низкий уровень виртуальности	Среднее значение	52,1463	27,1463	25,0000
	Стандартное отклонение	8,37	7,50	4,92
	Медиана	54	30	25
	Минимум	37	5	14
	Максимум	70	35	35
Средний уровень виртуальности	Среднее значение	40,1333	18,4000	21,7333
	Стандартное отклонение	8,98	7,60	5,23
	Медиана	41	19	22
	Минимум	23	5	12
	Максимум	55	31	32
Высокий уровень виртуальности	Среднее значение	37,2500	16,0000	21,2500
	Стандартное отклонение	14,31	7,87	6,55
	Медиана	39,5	16,5	22,5
	Минимум	20	7	13
	Максимум	50	24	27

В группе с низким уровнем виртуальности наблюдаются наиболее высокие показатели по всем шкалам методики (см. Таблицу 6). Так, среднее значение по шкале смысла жизни составляет 52,15 при стандартном отклонении 8,37, минимальный показатель, отмеченный у респондентов данной группы, составляет 37, максимальный достигает 70. По шкале наличие смысла среднее значение составляет 27,15, стандартное отклонение – 7,50, минимальное значение у респондентов группы – 5, максимальное – 35. По шкале поиск смысла среднее значение в группе равно 25, стандартное отклонение – 4,92, результаты

в группе варьируются от минимального значения 14 до максимального 35, что отражает высокий интерес к дальнейшему поиску смысла. При интерпретации результатов следует учитывать, что наличие смысла и его поиск в рамках данной методики рассматриваются не как взаимоисключающие, а как дополняющие друг друга характеристики, поскольку поиск смысла может присутствовать даже при уже сформированной смысловой определенности. В этом случае поиск смысла отражает не дефицит жизненных оснований, а направленность на их уточнение, развитие и содержательное обогащение. У респондентов с низким уровнем виртуальности выраженное наличие смысла сочетается с активно выраженным мотивом к дальнейшему поиску смыслов, что позволяет сделать вывод о наличии динамической смысловой структуры, позволяющей респондентам опираться на уже имеющиеся смысловые ценности, но продолжать стремиться к личностному росту. Это типично для осмысленно активной жизненной позиции, связанной с личностной зрелостью, эмоциональным благополучием и устойчивостью к стрессу.

Выраженное снижение показателей отмечается у респондентов со средней виртуальностью: по всем шкалам они имеют меньшие значения относительно группы низкой виртуальности. Участники отличаются не отсутствием смыслового поиска, а недостаточной выраженностью уже имеющихся смысловых оснований. Это проявляется в более низком значении шкалы «наличие смысла» при сохранении показателя «поиск смысла». Общий показатель осмысленности жизни в этой группе равен 40,13, а значение по шкале «наличие смысла» – 18,40, что отражает недостаточную выраженность смысловой определенности и субъективной наполненности жизни. Среднее значение по шкале «поиск смысла» составляет 21,73.

В группе с высоким уровнем виртуальности наблюдается наиболее выраженный дефицит наличного смысла: среднее значение по шкале смысла жизни составляет 37,25, отметим также наиболее высокий уровень отклонения – 14,31. Среднее значение по шкале наличие смысла равно 16 (стандартное

отклонение – 7,87), по шкале поиск смысла – 21,25 (стандартное отклонение – 6,55). Таким образом, для данной группы характерны самые низкие показатели наличия смысла и умеренный уровень мотивации к поиску смысла жизни. Полученные результаты позволяют сделать вывод о неустойчивой либо несформированной смысловой структуре, обусловленной личностной изоляцией, расщеплением интересов или виртуальной заменой реального опыта.

Применение Н-критерия Краскела-Уоллиса позволило установить статистически значимые различия по показателям чувства наполненности жизни смыслом, а также мотивации к поиску смысла: шкала смысла жизни ($H = 70,667$, $p < 0,001$), наличие ($H = 67,217$, $p < 0,001$), поиск ($H = 20,451$, $p < 0,001$) при $H_{\text{теор.}} = 13,816$. Также результаты согласуются с данными, полученными по методике «Тест смысложизненных ориентаций». Различия между группами указывают на влияние уровня виртуальности на структуру и динамику смысложизненной сферы. Интернет-активная молодежь с низкой виртуальностью имеет более устойчивую и насыщенную смысловую картину, в то время как высоковиртуальная группа проявляет признаки смысловой дезориентации, что может снижать их психологическое благополучие.

На следующем этапе исследования для анализа конативного уровня динамической системы смысла жизни использовалась методика диагностики опосредованности смысла жизни К. В. Карпинского [64]. Различия по опосредованности смысла жизни не ограничиваются описательными расхождениями между группами: статистический анализ подтвердил их значимость для респондентов с разной выраженностью виртуальности. ($H = 13,376$, $p < 0,005$ при $H_{\text{теор.}} = 10,597$).

Результаты, отражающие индекс конкретизации стратегических смыслообразующих ценностей в форме текущих целей, планов и программ деятельности в группах респондентов с разным уровнем виртуальности, представлены в таблице 7.

Индекс опосредованности смысла жизни в группах респондентов
с разным уровнем виртуальности, баллы

Виртуальности	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Низкий уровень	3,6144	1,13640	3,6900	1,35	5,98
Средний уровень	3,0447	0,79351	3,2600	1,85	4,40
Высокий уровень	3,2850	0,83626	3,2700	2,28	4,32

В группе с низким уровнем виртуальности отмечен наиболее высокий индекс опосредованности смысла жизни, среднее значение составляет 3,61, при этом наблюдается наибольший диапазон колебаний (минимальный зафиксированный показатель – 1,35 максимальный – 5,98) и наиболее высокое стандартное отклонение (1,14). Вариативность внутри группы свидетельствует о разных стратегиях смыслообразования, зависящих от жизненного опыта личности, степени самоопределения и уровня ответственности за свою жизненную траекторию. Вместе с тем в данной группе у значительной части участников жизненный смысл проявляется в форме конкретных целей и действий. У респондентов с низкой виртуальностью смысловые ориентиры в большей степени соотносятся с актуальными жизненными обстоятельствами и практическими задачами. Значимые ценности чаще получают выражение в ближайших целях и конкретных планах, что поддерживает большую согласованность жизненной стратегии.

Наиболее низкий показатель индекса опосредованности смысла жизни (среднее значение составляет 3,04, диапазон значений индекса варьируется от 1,85 до 4,40) выявлено у респондентов со средним уровнем виртуальности. Невысокое стандартное отклонение (0,79) позволяет отметить однородность профиля группы по уровню опосредованности смысла жизни, что указывает на относительно слабую степень конкретизации жизненных ценностей. У респондентов данной группы представления о смысле жизни в значительной степени оторваны от повседневного жизненного контекста и текущей

деятельности, их жизненная стратегия более реактивна. Более высокая виртуальность, характерная для респондентов, может приводить к конфликту между внешним влиянием, в том числе трендами и ожиданиями, транслируемыми в онлайн-пространстве, и личностными ценностями, что способствует отрыванию смысловых установок от реальной деятельности и их поверхностной актуализации.

В группе с высоким уровнем виртуальности среднее значение индекса опосредованности несколько выше, чем в группе со средней виртуальностью (3,28) и практически совпадает с медианой (3,27). Выявленные максимальные и минимальные значения варьируются в более узких пределах (от 2,28 до 4,32), что говорит о меньшей вариативности. Респонденты с высокой виртуальностью демонстрируют средний уровень опосредованности, их смысложизненные ценности находят частичное отражение в повседневной деятельности, вместе с тем часть из них остается на уровне потенциальных установок.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Виртуальность в исследовании рассматривалась как интегральный показатель интернет-активности, отражающий не только частоту обращения к интернету, но и субъективную значимость сетевого опыта для личности. Данный показатель позволил выделить три группы респондентов. Низкая виртуальность характеризует преимущественно инструментальное и ситуативное использование интернета без выраженного включения сетевой среды в систему жизненных ориентиров. Средняя виртуальность отражает устойчивое присутствие интернет-пространства в повседневной жизни как средства общения, самопрезентации и получения значимого опыта. Высокая виртуальность связана с более выраженной ориентацией на онлайн-среду, при которой интернет становится одной из ведущих сфер активности, взаимодействия и самовыражения личности.

2. Сопоставление групп зафиксировало статистически значимые различия у респондентов с разной выраженностью виртуальности по общему показателю осмысленности жизни ($N = 48,690$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), наличию целей в жизни ($N = 40,200$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), восприятию процесса жизни ($N = 53,159$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), результативности жизни ($N = 37,908$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), шкалам «локус контроля – Я» ($N = 41,267$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$) и «локус контроля – жизнь» ($N = 25,517$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$). Наиболее благоприятный профиль смысложизненных ориентаций выявлен у респондентов с низкой виртуальностью: для них характерны более отчетливая жизненная перспектива, положительное переживание настоящего, более высокая оценка достигнутого жизненного результата и выраженное представление о себе как субъекте жизненного выбора. В группах со средней и высокой виртуальностью эти показатели представлены слабее, что указывает на меньшую определенность жизненных целей, менее выраженную удовлетворенность прожитым этапом и снижение уверенности в возможности влиять на ход собственной жизни.

3. При анализе структурной организации динамической системы смысла жизни установлено, что группы с разным уровнем виртуальности статистически значимо различаются по индексу дифференциации смысла жизни ($H = 18,322$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$) и индексу широты смысложизненных ценностей ($H = 6,868$; $p < 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$). При этом различия по индексу сложности смысла жизни статистически не подтверждаются ($H = 5,337$; $p = 0,069$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$), как и различия по индексу глубины смысла жизни ($H = 2,753$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$).

4. Анализ содержания смысложизненных ориентаций показал наличие статистически значимых различий по представленности в структуре смысла жизни ценностей самотрансцендентной ориентации ($H = 7,638$; $p < 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$), эгоцентрической ориентации ($H = 6,160$; $p < 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$), семейной ориентации ($H = 21,515$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$), эстетической ориентации ($H = 17,474$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$) и субъектной ориентации ($H = 6,774$; $p < 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$). Наиболее устойчивые различия установлены по семейной и эстетической ориентациям. Статистически значимых различий в представленности коммуникативной ориентации не выявлено ($H = 2,020$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$).

5. В результате исследования содержательных свойств индивидуального смысла жизни респондентов с разным уровнем виртуальности посредством методики свободного изложения на тему «Смысл жизни – это...» установлено, что смысл жизни держание представлений о смысле жизни у респондентов с разной виртуальностью имеет неодинаковую категориальную структуру. В группе с высоким уровнем виртуальности наиболее часто представлены категории «достижения» (50%) и «развитие» (50%), тогда как альтруистически ориентированные содержания выражены минимально. В группе респондентов с низкой виртуальностью ведущими категориями являются «отношения» (63%), «удовольствие» (46%) и «развитие» (39%), а также в большей степени, чем у других групп, представлена категория «служение» (22%).

6. Анализ аффективного уровня динамической системы смысла жизни показал, наличие достоверных отличий в эмоционально-конструктивном принятии базовых обстоятельств жизни у респондентов с разным уровнем виртуальности ($N = 23,792$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$). В группе с низким уровнем виртуальности чаще фиксируется конструктивное восприятие собственной жизни, тогда как у респондентов с высокой виртуальностью более выражены эмоционально неблагоприятные оценки жизненных обстоятельств.

7. По результатам опросника «Черты эмоционального интеллекта — краткая версия» выявлены статистически значимые различия между респондентами с разным уровнем виртуальности по общему показателю эмоционального интеллекта ($N = 35,064$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), а также по шкалам «благополучие» ($N = 50,115$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), «эмоциональность» ($N = 15,437$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$) и «социальность» ($N = 23,025$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$). Статистически значимых различий по шкале «самоконтроль» не зафиксировано ($N = 4,287$; $p > 0,05$; $N_{\text{теор.}} = 5,991$). Респонденты с низкой виртуальностью чаще демонстрируют высокий уровень эмоционального интеллекта, благополучия, эмоциональности и социальности, а респонденты с высокой виртуальностью — преимущественно низкие значения, что указывает на снижение эмпатийности, трудности в межличностных отношениях и эмоциональной регуляции.

8. Анализ мотивационных компонентов структуры смысла жизни посредством методики «Тест юмористических фраз» продемонстрировал наличие статистически значимых различий между респондентами с разным уровнем виртуальности по выраженности мотивов агрессии-самозащиты ($N = 14,117$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), семейных неурядиц ($N = 21,026$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), бездарности в искусстве ($N = 8,398$; $p < 0,05$; $N_{\text{теор.}} = 5,991$) и человеческой глупости ($N = 8,490$; $p < 0,05$; $N_{\text{теор.}} = 5,991$). Значимых различий по мотивам взаимоотношений полов ($N = 5,231$; $p > 0,05$; $N_{\text{теор.}} = 5,991$), пагубных привычек ($N = 0,400$; $p > 0,05$; $N_{\text{теор.}} = 5,991$), денег ($N = 0,035$; $p > 0,05$; $N_{\text{теор.}} = 5,991$), моды

($H = 2,247$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$), карьеры ($H = 0,542$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$) и социальных неурядиц ($H = 1,364$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$) не обнаружено.

9. Показатели мотивационной структуры личности, связанные с достижением целей и самооценкой, оценивались с помощью методики «Оценка уровня притязаний личности». По результатам анализа установлены статистически значимые различия между группами с низким, средним и высоким уровнями виртуальности по выраженности познавательного мотива ($H = 15,366$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$), мотива избегания ($H = 7,300$; $p < 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$), состязательного мотива ($H = 14,991$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$) и мотива самоуважения ($H = 16,612$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$), отражающего уровень притязаний. Статистически значимых различий по внутреннему мотиву ($H = 4,452$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$) и мотиву к смене деятельности ($H = 1,679$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$) не зафиксировано. Анализ компонентов, связанных с достижением трудных целей, показал наличие значимых различий по шкалам значимости результатов ($H = 8,780$; $p < 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$), проявления волевого усилия ($H = 23,433$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$), оценки достигнутых результатов ($H = 18,569$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$) и оценки собственного потенциала ($H = 15,794$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$). По шкале «уровень сложности задания» статистически значимые различия не подтверждаются ($H = 5,843$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$). Значимые различия выявлены также по намеченному уровню мобилизации усилий ($H = 16,568$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$), при отсутствии статистически значимых различий по ожидаемому уровню результата ($H = 5,157$; $p > 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$). Кроме того, установлены различия по компонентам, отражающим причинные факторы деятельности: пониманию закономерности результатов ($H = 20,044$; $p < 0,001$; $H_{\text{теор.}} = 13,816$) и инициативности ($H = 6,648$; $p < 0,05$; $H_{\text{теор.}} = 5,991$).

10. Результаты по методике MLQ М. Стегера в адаптации С. П. Елшанского, использовавшейся для изучения субъективной осмысленности жизни и мотивации к поиску смысла жизни, позволили выявить статистически значимые различия между группами с разным уровнем

виртуальности по шкале общего показателя смысла жизни ($N = 70,667$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$), шкале наличия смысла ($N = 67,217$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$) и шкале поиска смысла ($N = 20,451$; $p < 0,001$; $N_{\text{теор.}} = 13,816$). Наиболее высокие значения по шкале поиск смысла зафиксированы у респондентов с низкой виртуальностью, что отражает активно выраженный мотив к расширению и углублению смысловой структуры при сохранении высокого уровня субъективной осмысленности жизни, наиболее низкий уровень поиска смысла характерен для респондентов с высокой виртуальностью, что указывает на ослабленную направленность на поиск новых смыслов.

11. Исследование конативного уровня динамической системы смысла жизни продемонстрировало наличие достоверных различий между группами респондентов с разным уровнем виртуальности по индексу опосредованности смысла жизни ($N = 13,376$; $p < 0,005$; $N_{\text{теор.}} = 10,597$). Наибольшие значения зафиксированы в группе с низкой виртуальностью ($M = 3,61$), что отражает более высокий уровень способности трансформировать смысложизненные ценности в конкретные цели, планы и программы деятельности. Для респондентов со средней виртуальностью характерна меньшая связь смысложизненных установок с повседневной активностью ($M = 3,04$). В группе с высокой виртуальностью показатель опосредованности ($M = 3,28$) несколько выше, что свидетельствует о частичной интеграции ценностей в текущую деятельность при сохранении значительной доли смыслов на уровне потенциальных установок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные **выводы.**

1. Теоретически обосновано, что исследование психологических особенностей представлений о смысле жизни целесообразно осуществлять в рамках деятельностно-смыслового подхода, позволяющего рассматривать смысл жизни как динамическую смысловую систему, имеющую многокомпонентную и иерархическую организацию. На этой основе представления о смысле жизни интернет-активной молодежи описаны как целостное психологическое образование, включающее когнитивный, аффективный, мотивационный и конативный уровни.

2. Установлено, что когнитивный уровень представлений о смысле жизни связан с уровнем виртуальности интернет-активной молодежи. С повышением виртуальности снижаются показатели общей осмысленности жизни, выраженность жизненных целей, удовлетворенность процессом и результатом жизни, а также субъективные представления о возможности контроля над собственной жизнью. Одновременно выявлены различия в отдельных структурно-содержательных параметрах смысловых представлений: статистически подтверждены различия по показателям дифференциации и широты смысла жизни, а также по представленности самотрансцендентной, эгоцентрической, семейной, эстетической и субъектной ориентаций. При этом показатели сложности и глубины смысла жизни статистически значимых различий не обнаруживают.

3. Выявлены содержательные различия представлений о смысле жизни. У респондентов с низким уровнем виртуальности содержание смысла жизни чаще объединяет межличностные связи, личностное развитие, переживание жизненной наполненности, ориентацию на служение и соотнесение индивидуальных целей с более широкими ценностными основаниями. В группе со средним уровнем виртуальности на первый план выходят отношения,

развитие и удовольствие; при этом сохраняется относительное равновесие между личностно значимыми и надличностными смысловыми ориентирами. У респондентов с высоким уровнем виртуальности представления о смысле жизни менее развернуты и чаще выражены в форме общих утверждений; они преимущественно связаны с достижениями, индивидуальным развитием и личными целями, тогда как личностное присвоение смысложизненных ценностей выражено слабее.

4. Установлено, что различия между группами с разным уровнем виртуальности затрагивают и аффективный компонент динамической системы смысла жизни. Для респондентов с низкой виртуальностью в большей степени характерно эмоционально-конструктивное принятие жизненных обстоятельств, более высокий общий показатель эмоционального интеллекта, благополучия, эмоциональности и социальности. При высокой виртуальности возрастает выраженность эмоционально-деструктивного отношения к жизненным обстоятельствам, снижаются эмпатийность, эмоциональная включенность и качество межличностного взаимодействия.

5. Установлено, что уровень виртуальности связан с отдельными особенностями мотивационного уровня динамической системы смысла жизни. Выявлены различия по ряду актуальных мотивов, в том числе мотивам агрессии-самозащиты, семейных неурядиц, бездарности в искусстве и человеческой глупости, а также по компонентам мотивационной структуры, связанным с достижением целей и самооценкой: познавательному мотиву, мотиву избегания, состязательному мотиву и мотиву самоуважения. Кроме того, показано, что у респондентов с высокой виртуальностью наиболее выражен дефицит наличного смысла жизни при умеренном уровне его поиска, что может указывать на недостаточную интегрированность смысловых ориентиров в целостное представление о собственной жизни.

6. Выявлены различия по индексу опосредованности смысла жизни, отражающему степень конкретизации стратегических смыслообразующих

ценностей в текущих целях, планах и программах деятельности. Наиболее выраженная связь смысложизненных ценностей с их реализацией в текущих целях, планах и программах деятельности характерна для респондентов с низким уровнем виртуальности; у респондентов со средней и высокой виртуальностью эта связь выражена слабее и имеет менее устойчивый характер.

Практические рекомендации. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности практических психологов, педагогов-психологов и специалистов по сопровождению молодежи в образовательных организациях. Полученные данные целесообразно учитывать при психодиагностике особенностей смысложизненной сферы интернет-активных молодых людей, в консультативной работе, направленной на развитие осмысленности жизни, формирование долгосрочных жизненных целей. Материалы исследования могут быть также использованы при разработке программ психологической поддержки студентов.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в проведении лонгитюдных исследований, который позволит описать динамику смысложизненных представлений молодежи на разных этапах взаимодействия с цифровой средой. Отдельным направлением является выявление психологических условий, определяющих связь интернет-активности с содержательными и структурными характеристиками представлений о смысле жизни. Расширение выборки за счет представителей разных социальных, образовательных и возрастных групп позволит более точно определить роль социокультурных условий в формировании смысложизненных представлений. Практическое продолжение исследования может быть направлено на разработку и апробацию программ психологического сопровождения молодежи с недостаточно выраженной осмысленностью жизни в условиях активного взаимодействия с цифровой средой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова, И. В. Особенности смысловой регуляции педагогов в условиях информационной неопределенности / И. В. Абакумова, М. В. Годунов, Е. В. Белова, Н. Е. Комерова // Российский психологический журнал. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 101–111. – DOI: 10.21702/rpj.2022.1.8.
2. Абакумова, И. В. Психологические особенности переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям / И. В. Абакумова, Н. Е. Комерова, С. Н. Рягин // Российский психологический журнал. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 33–49. – DOI: 10.21702/rpj.2023.1.3.
3. Абакумова, И. В. Развитие представлений о смыслообразующих стратегиях личности в современном обществе / И. В. Абакумова, М. В. Годунов, Е. В. Белова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 5. – С. 13–16.
4. Алексеева, М. С. Философские традиции анализа проблемы смысла жизни (от античности до модерна) / М. С. Алексеева, С. В. Васильева // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2020. – Вып. 3. – С. 30–43.
5. Андреева, И. С. Артур Шопенгауэр: Жизнь и творчество / И. С. Андреева. – Москва : ИНИОН РАН, 2001. – 197 с. – ISBN 5-248-00098-X
6. Аристотель Этика / Аристотель. – Москва: Эксмо-Пресс, 2019. – 384 с. – ISBN. 978-5-04-103053-7.
7. Арутюнян, Э. А. Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности / Э. А. Арутюнян // Образ жизни и ценностные ориентации личности. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1979. – С. 49–61.
8. Асмолов, А. Г. О предмете психологии личности / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. – 1983. – № 3. – 118–125 с.
9. Басина, Е. З. Идентификация с другими как механизм формирования смысловой сферы личности : автореферат диссертации на соискание ученой

степени кандидат психологических наук : 19.00.01 / Е. З. Басина. – Москва, 1986. – 23 с.

10. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1986. – 543 с.

11. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 423с.

12. Берестовицкая, С. Э. Содействие школы мировоззренческому самоопределению старшеклассников : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук : 13.00.01 / С. Э. Берестовицкая. – Санкт-Петербург, 2018. – 48 с.

13. Бесаева, А. Г. Ценностно-смысловая сфера личности в структуре психологического знания / А. Г. Бесаева, А. Р. Джиеова, Е. Г. Сиукаева // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-3. – С. 57–59.

14. Биктина, Н. Н. Смыслжизненные ориентации студентов с разным статусом в социальной сети [Электронный ресурс] / Н. Н. Биктина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 5. – URL: mir-nauki.com/PDF/42PSMN519.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

15. Боброва, О. А. Искусство и его роль в развитии личности / О. А. Боброва // Современные проблемы образования : сборник научных статей / Науч. ред. М. А. Дьячкова ; отв. ред. О. Н. Томюк. – Екатеринбург : Ажур, 2014. – С. 62–64.

16. Богдан, М. С. Опросник «Уровень интернет-активности личности» / М. С. Богдан, Л. В. Бура // Системная психология и социология. – 2025. – № 4 (56). – С. 5–14. – DOI: 10.24412/2223-6872-2025-456-5-14.

17. Богданова, В. О. Ценностные ориентиры и жизненные смыслы представителей цифрового поколения на примере студентов педагогического вуза: социально-аксиологический аспект исследования / В.О. Богданова // Социум и власть. – 2023. – №1 (95). – С. 39– 50.

18. Богдановская, И. М. Психологические механизмы трансформаций традиционных мифологем в образе России современной молодежи / И. М. Богдановская // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2011. – № 142. – С. 15–27.
19. Бодалев, А. А. Учиться властвовать собой / А. А. Бодалев // Психологические проблемы смысла жизни и акме (материалы XI–XV симпозиумов) / Под ред. Г. А. Вайзер, Н. Л. Карповой, Н. В. Кисельниковой. – Москва; Самара, 2010. – С. 12–15.
20. Брагина, Ю. В. Особенности ценностно-смысловых ориентаций студентов / Ю. В. Брагина // Психологическое сопровождение в системе образования : сб. науч. трудов по материалам международной междисциплинарной научно-практической конференции «Психология и психологическая практика в современном мире». – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. – С. 24–29.
21. Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988. – 304 с.
22. Братусь, Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания / Б. С. Братусь // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. – Москва : Смысл, 1999. – С. 284–298.
23. Братусь, Б. С. Общепсихологическая теория деятельности и проблема единиц анализа личности / Б. С. Братусь // А. Н. Леонтьев и современная психология / Под ред. А. В. Запорожца и др. – Москва: Издательство Московского университета, 1983. – С. 212–219.
24. Бродовская, Е. В. Влияние Интернет-коммуникации на формирование ценностных ориентаций молодежи: анализ факторов интенсивности / Е. В. Бродовская, А. В. Синяков, И. С. Иванов // XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». – Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2014. – С. 118–123.

25. Брызгалин, Е. А. Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах (по материалам отечественных и зарубежных научных источников) / Е. А. Брызгалин // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2022. – № 2. – С. 46–66. – DOI: 10.24412/2073-0861-2022-2-46-66.
26. Бура, Л. В. Социальные установки и жизненные ценности детей в новых реалиях / Л. В. Бура, Н. В. Горбунова, А. С. Фетисов // Перспективы науки и образования. – 2023. – № 4 (64). – С. 473–487. – DOI: 10.32744/pse.2023.4.29.
27. Бура, Л. В. Формирование идентичности современной молодежи в информационном обществе / Л. В. Бура // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20–21 апреля 2020 г. / отв. ред. Т. К. Ростовская. – Москва : Перспектива, 2020. – С. 244–248.
28. Быкова, С. С. Исследование ценностных и смысложизненных ориентаций у студентов с разным уровнем интернет-зависимости // ИНСАЙТ. – 2021. – № 1 (4). – С. 62–70. – DOI: 10.17853/2686-8970-2021-1-62-70.
29. Вайзер, Г. А. Смысл жизни и акме: 15 лет поиска / Г. А. Вайзер, В. Э. Чудновский. – Москва; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. – 72 с.
30. Василюк, Ф. Е. К проблеме единства общепсихологической теории / Ф. Е. Василюк // Вопросы философии. – 1986. – № 10. – С. 76–86.
31. Введенский, А. И. Условия допустимости веры в смысл жизни / А. И. Введенский. – Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Таисии, 2015. – 72 с. – ISBN 978-5-91041-173-3.
32. Вебер, М. Избранные произведения : Пер. с нем. / М. Вебер / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.
33. Вильданов, У. С. Смысл жизни человека : гносеологический анализ : монография / У. С. Вильданов, Х. С. Вильданов, Г. Б. Вильданова. – Уфа : Издательство БГПУ, 2012. – 190 с. – ISBN 978-5-87978-829-7.

34. Виц, Б. Б. Демокрит / Б. Б. Виц. – Москва: Мысль, 1979. – 212 с.
35. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 432 с. – ISBN 978-5-4461-1109-1.
36. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. / Л. С. Выготский / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – Москва : Педагогика, 1982. – 488 с.
37. Гальченко, А. В. Понимание смысла жизни в разные исторические эпохи: от античности к экзистенциализму XX века [Электронный ресурс] / А. В. Гальченко // Журнал философских исследований – 2021. – Том 7, № 4. – С. 3–15. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/47844/view>.
38. Гегель, Г. Философия истории / Г. Гегель ; перев. А. М. Воден. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 378 с. – ISBN 978-5-534-09834-1.
39. Горохов, П. А. Некоторые мысли о философии Альбера Камю / П. А. Горохов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 7 (156). – С. 4–9.
40. Григорьев, Д. В. Педагогическая поддержка поиска старшеклассниками ценностных смыслов жизни: диссертация на соискание ученой степени кандидат педагогических наук : 13.00.01 / Д. В. Григорьев. – Москва, 2000. – 177 с.
41. Гринева, Е. А. К вопросу об исследовании смысложизненных ориентаций современной студенческой молодежи / Е. А. Гринева, Т. В. Кружилина, О. Ю. Царёва // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-1. – С. 97–100.
42. Гришина, А. В. Психологические предикторы рискованного информационного поведения студенческой молодежи / А. В. Гришина, И. В. Абакумова, Г. П. Звездина, И. Г. Смольянов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10, № 3. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/15PSMN322> (дата обращения: 21.04.2026).

43. Грунт, Е. В. Смысл жизни как проблема европейской философии: (Ист.-филос. анализ. Античность – конец XIX в.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук : 09.00.03 / Е. В. Грунт. – Екатеринбург, 1997. – 42 с.
44. Гусейнов, А. А. Этика Аристотеля / А. А. Гусейнов. – Москва : Знание, 1984. – 64 с.
45. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. / Э. Гуссерль; Пер. с нем. А. В. Михайлова; Вступ. ст. В. А. Куренного. – Москва : Академический Проект, 2009. – 489 с.
46. Демченко, О. Н. Смысл жизни как ценность культуры / О. Н. Демченко // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки – 2019. – № 3 (31). – С. 56–63. – DOI 10.25688/2078-9238.2019.31.3.07.
47. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. О. Дюркгейм; Пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. – Москва : Канон, 1996. – 432 с.
48. Елшанский, С. П. Психометрические показатели русскоязычной версии теста «Опросник смысла жизни» (MLQ) [Электронный ресурс] / С. П. Елшанский, А. Ф. Ануфриев, З. Ф. Камалетдинова, О. Е. Сапарин, Д. В. Семенов. // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 10 – URL: <https://psychology.snauka.ru/2015/10/6019> (дата обращения: 21.04.2026).
49. Емалетдинов, Б. М. Смысл жизни человека как социокультурный феномен: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Б. М. Емалетдинов. – Уфа, 2008. – 169 с.
50. Ермаков, П. Н. Особенности смысложизненных ориентаций пользователей социальных сетей с различными стратегиями трансляции смыслов информационных сообщений [Электронный ресурс] / П. Н. Ермаков, Е. Е. Белоусова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т 9, №4. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/24PSMN421.pdf> (дата обращения: 21.04.2026).

51. Жильцова, Т. М. Анализ содержания категории смысла жизни как психологического феномена / Т. М. Жильцова // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2012. – № 15 (95). – С. 42–56.

52. Зекерьяев, Р. И. Психологические особенности смысложизненных ориентаций в структуре ценностно-смысловой сферы личности с различными уровнями интернет-активности / Р. И. Зекерьяев // Международный журнал медицины и психологии. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 91–97.

53. Зекерьяев, Р. И. Эмпирическое исследование влияния ценностно-смысловой сферы личности на ее виртуальный образ: компонент базовых убеждений [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. – 2021. – Т. 12, № 2. – URL: <https://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=24547>. – DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(2).26.

54. Зекерьяев, Р. И. Эмпирическое исследование влияния ценностно-смысловой сферы личности на ее виртуальный образ: компонент смысложизненных ориентаций / Р. И. Зекерьяев // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 46–52. – DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-46-52.

55. Зеленкова, И. Л. Проблема смысла жизни. Опыт историко-этического исследования / И.Л. Зеленкова. – Минск : Университетское, 1988. – 125 с. – ISBN 5-7855-0050-7:1.10.

56. Зиновьева, Е. В. Приверженность ценностным посланиям лидеров мнений в цифровой среде среди представителей поколения Z [Электронный ресурс] / Е. В. Зиновьева, Е. А. Кузнецова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10, № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN522.pdf> (дата обращения: 22.04.2026).

57. Знаков, В. В. Ценности как проблема психологии человеческого бытия / В. В. Знаков // Ценностные основания психологической науки и

психология ценностей / отв. ред. В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Г. В. Залевский. – Москва : ИПРАН, 2008. – С. 83–93.

58. Иванов, В. П. Мировоззрение как форма сознания, самоопределения и культуры личности / В. П. Иванов // Мировоззренческая культура личности: философские проблемы формирования. – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 10–88.

59. История философии в кратком изложении / пер. с чеш И. И. Богута. – Москва : Мысль, 1994. – 590 с. – ISBN 5-244-00552-9.

60. Казаков, Е. Ф. Искусство как выражение жизни души / Е. Ф. Казаков, А. А. Овчаров // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19 (1). – С. 193–199.

61. Калугин, А. Ю. К проблеме связи ценностей, смыслов, ментальных ресурсов и концептов [Электронный ресурс] / А. Ю. Калугин // Мир науки. Педагогика и психология. – 2018. – Т. 6, № 6. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN618.pdf> (дата обращения 14.07.2021).

62. Карданова, М. В. Смысл жизни как осознанная добродетель: античная версия / М. В. Карданова // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XI симпозиума / Под ред. Г. А. Вайзер, Е. Е. Вахромова. – Москва, 2006. – С. 22–24.

63. Карпинский, К. В. Автономия смысложизненного выбора и психологическое благополучие личности / К. В. Карпинский // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2012. – Т. 5, № 2. – С. 5–21.

64. Карпинский, К. В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности : монография / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ, 2021. – 219 с. – ISBN 978-985-582-416-0.

65. Карпинский, К. В. Оценочная функция смысла жизни / К. В. Карпинский. // Психология смысла жизни : методологические, теоретические и прикладные проблемы : сборник научных статей / науч. ред. К. В. Карпинский, В. Э. Чудновский. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2014. – С. 71–118.

66. Карпинский, К. В. Психология смысложизненного кризиса : монография / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2019. – 623 с. – ISBN 978-985-582-287-6.
67. Карпинский, К. В. Смысл жизни и ресурсы его реализации: к пониманию механизмов личностного кризиса / К. В. Карпинский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 4. – С. 3–33.
68. Карпинский, К. В. Смысложизненное состояние как показатель субъектно-го развития личности / К. В. Карпинский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2019. – Т. 9, Вып. 1. – С. 7–20.
69. Карпинский, К. В. Типология смыслопонимания личности [Электронный ресурс] / К. В. Карпинский // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – Москва, 1999. – URL: <https://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/ib.htm> (дата обращения: 21.04.2026).
70. Карпинский, К. В. Широта и иерархичность смысла жизни как факторы кризисного развития личности / К. В. Карпинский // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 195–200.
71. Клементьева, М. В. Связь смысложизненных ориентаций и виртуальной идентичности у студентов вузов / М. В. Клементьева // Познание и переживание. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 33–46. – DOI: 10.51217/cogexp_2024_05_02_02.
72. Коган, Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. – Москва : Мысль, 1984. – 252 с.
73. Кожевников, А. М. Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодёжи / А. М. Кожевников, В. А. Масликов // Социология. – 2020. – № 1. – С. 149–158.

74. Коняхина, И. В. Проблемы теории культуры. Курс лекций / И. В. Коняхина. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 84 с. – ISBN 5-7851-0098-3.

75. Коршак, А. А. Особенности системы жизненных смыслов интернет-активных пользователей / А. А. Коршак // Человеческий капитал. – 2023. – № 12 (180), Ч. 1. – С. 134–140. – DOI: 10.25629/НС.2023.12.12.

76. Коршак, А. А. Психологические особенности смысловой регуляции поведения интернет-активной молодежи: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 5.3.1 / А. А. Коршак. – Симферополь, 2024. – 197 с.

77. Кособукова, О. В. Развитие представлений о смысле и личностном смысле в отечественной психологии / О. В. Кособукова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2009. – № 1. – С. 92–98.

78. Крюкова, Е. А. Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация краткой версии опросника TEIQue-SF) / Е. А. Крюкова, М. А. Шестова // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 3 (39). – С. 18–30. – DOI: 10.11621/npj.2020.0402.

79. Курышева, О. В. Социальное сравнение как механизм построения когнитивного компонента Я-концепции / О. В. Курышева, К. В. Нужных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. – 2008. – № 2 (8). – С. 142–148.

80. Лебедева, О. В. Педагогическое наследие К. Д. Ушинского и проблемы современного образования в России / О. В. Лебедева // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 109–116.

81. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Смысл: Изд. центр «Академия», 2005. – 352 с. – ISBN 5-89357-153-3.

82. Леонтьев, Д. А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии / Д. А. Леонтьев // Проблема смысла в науках о человеке : к 100-летию Виктора Франкла : материалы междунар. конф. / под ред. Д. А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2005. – С. 36–49
83. Леонтьев, Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1993. – 43 с. – ISBN 5-85494-012-4.
84. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 2-е, испр. изд. – Москва : Смысл, 2003. – 487 с.
85. Леонтьев, Д. А. Самореализация и сущностные силы человека / Д. А. Леонтьев // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – Москва : Смысл, 1997. – С. 156–176.
86. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с. – ISBN 5-89357-088-0.
87. Лешкевич, Т. Г. Ценностно-целевые регулятивы и эмерджентность: экзистенциальная проекция в цифровом мире / Т. Г. Лешкевич // Философия науки и техники. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 131–144. – DOI: 10.21146/2413-9084-2020-25-2-131-144.
88. Лисенкова, А. А. Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве / А. А. Лисенкова, Г. Л. Тульчинский // Человек. Культура. Образование. – 2017. – № 4 (26). – С. 20–31.
89. Лобастов, Г. В. К анализу понятия нравственности в философии Гегеля / Г. В. Лобастов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2020. – № 2 (26). – С. 93–103. – DOI: 10.24151/2409-1073-2020-2-93-103.
90. Ломов, Б. Ф. Антиципация в структуре деятельности / Б. Ф. Ломов, Е. Н. Сурков. – Москва : Наука, 1980. – 279 с.

91. Лопатина, А. Г. Философия космоса в античные времена и настоящее время / А. Г. Лопатина, Ю. А. Рудова, С. В. Козырева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2020. – С. 1013–1015.
92. Лохов, С. А. Смысл жизни как объект философской рефлексии / С. А. Лохов // Вестник РУДН, Серия: Философия. – 2017. – Том 21, № 2. – С. 260–269. – DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-260-269.
93. Лучинкина, А. И. Информационно-психологическая безопасность личности в интернет-пространстве / А. И. Лучинкина, Т. В. Юдеева, В. Р. Ушакова. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – 151 с. – ISBN 978-5-906821-16-4.
94. Лучинкина, А. И. Модель интернет-социализации личности [Электронный ресурс] / А. И. Лучинкина // SCI-ARTICLE.RU. – 2014. – № 13. – URL: <https://cyberpsy.ru/articles/model-internet-socializacii-lichnosti/> (дата обращения: 22.04.2026).
95. Лучинкина, А. И. Психологические особенности ценностно-смысловой сферы личности с разными уровнями интернет-активности / А. И. Лучинкина, Р. И. Зекерьяев // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64-1. – С. 346-351.
96. Лучинкина, А. И. Психология социализации личности в виртуальном пространстве : монография / А. И. Лучинкина, И. С. Лучинкина, Т. В. Юдеева [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лучинкиной. – Симферополь : ИП Хотеева Л. В., 2020. – 175 с. – ISBN 978-5-6044683-7-1.
97. Лучинкина, А. И. Особенности социализации интернет-пользователей / А. И. Лучинкина // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2016. – № 2 (4). – С. 137–140.
98. Лучинкина, А. И. Специфика интернета как института социализации / А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 59–69.

99. Лучинкина, А. И. Специфика мотивации интернет-пользователей / А. И. Лучинкина // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 6 (12). – С. 105–109.

100. Лучинкина, И. С. Поведение личности в современной цифровой среде / И. С. Лучинкина // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 51–58. – DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-3-51-58.

101. Лэнгле, А. Воплощенная экзистенция. Развитие, применение и концепты экзистенциального анализа / А. Лэнгле. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2019. – 462 с. – ISBN 978-617-7022-90-8.

102. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн; Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 462с. – ISBN 5-86090-102-X (в пер.).

103. Максютлова, З. Г. Роль смысла жизни в развитии личности : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.11 / З. Г. Максютлова. – Уфа, 2009. – 156 с.

104. Малая, В. Г. Этическое учение Владимира Соловьева / В. Г. Малая // Соловьевские исследования : Периодический сборник научных трудов / Отв. ред. М. В. Максимов. – Иваново, 2001. – Вып. 1. – С. 141–161.

105. Мальцев, А. В. Проблема смысла жизни в социально-философском контексте : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.11 / А. В. Мальцев. – Санкт-Петербург, 2008. – 138 с.

106. Мартынова, Е. В. Роль смысложизненных ориентаций в процессе личностной подготовки студентов педагогического вуза к профессиональной деятельности / Е. В. Мартынова // Смысл жизни, акме и профессиональное становление педагога: учебное пособие для студентов педагогических вузов / под ред. В. Э. Чудновского. – Москва ; Обнинск : ИГ-СОЦИН, 2008. – С 236–252.

107. Маслянка, Ю. В. Проблема смысла жизни в современной философии: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.01 / Ю. В. Маслянка. – Пермь, 2008. – 276 с.

108. Маслянка, Ю. В. Проблема смысла жизни: философский и художественный аспекты / Ю. В. Маслянка // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2018. – № 3, Т. 1 – С. 3–11.

109. Материалисты древней Греции: Сборник текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Общ. ред. и вступ. статья М. А. Дынника. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 238 с.

110. Медведев, М. М. Мифологизация функций виртуальной реальности / М. М. Медведев, А. А. Сергеев // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 1 (9). – С. 103–109. – DOI: 10.24412/1994-3776-2023-1-103-109.

111. Медведев, Н. В. Хайдеггер о бытии человека как экзистенции / Н. В. Медведев, Х. А. С. Омед // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 4 (96). – С. 234–239.

112. Миргородский, А. А. Проблема человека в концепции Аврелия Августина / А. А. Миргородский // Культура и цивилизация (Донецк). – 2023. – № 2 (18). – С. 35–42.

113. Наумова, Т. А. Образ «Я» интернет-зависимых и интернет-независимых социальных агентов в виртуальном пространстве : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.05 / Т. А. Наумова. – Ярославль, 2007. – 136 с.

114. Неганов, Ф. М. Нонконформизм и подлинность человеческого существования в концепции Ж.-П. Сартра / Ф. М. Неганов, Л. Х. Яруллина // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 4, Т. 14. – С. 1490–1493.

115. Немировский, В. Г. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI века / В. Г. Немировский, С. И. Григорьев. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1995. – 188 с.

116. Нечаев, В. Д. Классификация профилей потребления российскими пользователями Интернет-контента: предварительные результаты кластерного анализа / В. Д. Нечаев, Е. В. Бродовская, Ю. А. Каира // Материалы Второй Международной научно-практической конференции «Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-13): Сборник статей и тезисов. – Москва: Изд-во, 2013. – С. 436–457.

117. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф Ницше // Сочинения в двух томах. Том 2. – Москва: Мысль, 1990. – С. 47–261.

118. Новая философская энциклопедия : в 4 т. [Электронный ресурс] / Председатель научно-редакционного совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/library/library/collection/newphilenc/document/HASH01e9028a513e136afcd6f1e8> (дата обращения: 22.04.2026).

119. Обуховский, К. Психология влечений человека / К. Обуховский / под ред. и с послесл. д-ра мед. наук проф. Б. М. Сегала. – Москва : Прогресс, 1972. – 247 с.

120. Олпорт, Г. В. Становление личности. Избранные труды / Г. В. Олпорт. – Москва: Смысл, 2002. – 462 с. – ISBN 5-89357-098-7.

121. Осин, Е. Н. Тест смысложизненных ориентаций: новые данные о структуре и валидности / Е. Н. Осин, Н. В. Кошелева // Вопросы психологии. – 2020. – Т. 66, № 6. – С. 150–163.

122. Осмонова, Н. И. Культурные основания мифа как фактора национальной идентификации / Н. И. Осмонова // Общечеловеческое и национальное в философии. Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.): Материалы II Международной научно-практической конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.) / Под общ. ред. И. И. Ивановой. – Бишкек : КРСУ имени Б. Н. Ельцина, 2004. – С. 158–165.

123. Панин, Р. А. Жизненные цели личности: психологическая сущность и дифференциальные свойства / Р. А. Панин // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага

ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2014. – № 3(185). – С. 109–117.

124. Панкратова, А. А. Эмоциональный интеллект: смешанные модели и методики диагностики / А. А. Панкратова // Вопросы психологии. – 2020. – Т. 66, № 1. – С. 154–164.

125. Панкратова, А. А. Русскоязычная адаптация краткой версии опросника TEIQue (Trait Emotional Intelligence Questionnaire) К. Петридеса и А. Фернхема / А. А. Панкратова, Д. С. Корниенко, А. В. Фетисова // Вопросы психологии. – 2021. – Т. 67, № 1 – С. 130–144.

126. Парсонс, Т. П. Система современных обществ / Т. П. Паронс; Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 270 с. – ISBN 5-7567-0225-3.

127. Педагогический энциклопедический словарь / Э. Б. Абдулин [и др.]; редкол. Б. М. Бим-Бад [и др.]. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с. – ISBN 5-7107-7304-2 (в пер.).

128. Петриков, Р.И. Ценностно-смысловая картина мира подростков, склонных к интернет-зависимому поведению / Р. И. Петриков, Н. Т. Селезнева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2020. – № 2 (52). – С. 209–219.

129. Пищугина, О. С. Проблема смысла жизни в контексте познавательной деятельности: опыт философского анализа: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.01 / О. С. Пищугина. – Магнитогорск, 2006. – 134 с.

130. Попова, Т. А. Смыслы и ценности. Структурные компоненты смысложизненных ориентаций / Т. А. Попова, М. И. Цилина // Психологические проблемы смысла жизни и акме. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 216–221.

131. Почтарева, Е. Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития / Е. Ю. Почтарева // Вестник Пермского

университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – Вып. 4. – С. 563–575.

132. Зеличенко, А. И. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / А. И. Зеличенко, И. М. Карлинская, С. Р. Пантилеев, А. Г. Шмелев, Е. В. Эйдман. – Москва : МГУ, 1990. – 160 с.

133. Крылов, А. А. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии: учебное пособие / А. А. Крылов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1997. – 308 с. – ISBN 5-28801-567-8.

134. Пустовалова, И. В. Аксиологический аспект влияния высоких технологий на миропонимание человека: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.13 / И. В. Пустовалова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 147 с.

135. Риппинен, Т. О. Взаимосвязи личностных особенностей подростков с повседневным использованием компьютера / Т. О. Риппинен, Е. Р. Слободская // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 4. – С. 18–25.

136. Романцева, Е. В. Анализ философского эссе "Миф о Сизифе" Камю А. / Е. В. Романцева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 28.

137. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – Москва : АСТ, 2021. – 400 с. ISBN 978-5-17-146217-8.

138. Рыльская, Е. А. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования / Е. А. Рыльская // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 31. – С. 6–11.

139. Рыльская, Е. А. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики / Е. А. Рыльская, Д. Н. Погорелов // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1 (118). – С. 105–114. – DOI 10.20323/1813-145X^021-1-118-105-114.

140. Савельев, А. Е. Концепция смысла жизни в античной философии [Электронный ресурс] / Е. А. Савельев // Самиздат. – 2023. – URL: http://samlib.ru/s/sawelxew_a_e/sense-antic.shtml (дата обращения: 22.04.2026).

141. Серый, А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 186 с. – ISBN: 5-202-00581-4.

142. Смирнов, В. М. Психология медиа-безопасности: учебное пособие / В. М. Смирнов, А. С. Коповой. – Саратов: Саратовский источник, 2012. – 93 с. – ISBN 978-5-91879-235-3.

143. Собкин, В. С. Сеть как пространство социализации современного подростка / В. С. Собкин, А. В. Федотова // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 119–137. – DOI: 10.17759/cpp.2019270308.

144. Созинова, М. В. Цифровая идентичность: взаимосвязь смысложизненных ориентаций и содержания личного профиля пользователя социальной сети / М. В. Созинова, М. А. Чан-Сян // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 24–38. – DOI: 10.21702/ncpb.2023.1.3/.

145. Солдатова, Г. У. Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 40–57. – DOI: 10.17759/sps.2024150404.

146. Солдатова, Г. У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г. С. Солдатова, А. Е. Войкунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 431–450. – DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450.

147. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г. У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 71–80. – DOI: 10.17759/sps.2018090308.

148. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 11–30. – DOI: 10.17759/sps.2023140302.
149. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Соч. В 2 т. Т.1. / В. С. Соловьев. – Москва : Мысль, 1988. – 899 с. – ISBN 5-244-00192-2.
150. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения [Электронный ресурс] // Аналитический центр ВЦИОМ. – 10 августа 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 21.04.2026).
151. Стрелец, Ю. Ш. Марксизм в контексте проблемы смысла жизни человека / Ю. Ш. Стрелец // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 7 (101). – С. 194–201.
152. Тит Лукреций Кар. О природе вещей / Тит Лукреций Кар / пер. Ф. А. Петровского. – Санкт-Петербург : Вита-Нова, 2019. – 384 с.
153. Тощенко, Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиции социологии жизни / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 3–14.
154. Тукальская, Н. И. Смыслжизненные ориентации: понятие, сущность, психологическая характеристика / Н. И. Тукальская // Современная наука в условиях модернизационных процессов: проблемы, реалии, перспективы: Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2022. – С. 93–100.
155. Углова, А. Б. Взаимосвязь социокультурных ценностей и психологических проблем у старшеклассников на материале социальных сетей) / А. Б. Углова, И. М. Богдановская, Б. А. Низомутдинов // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 5 (59). – С. 415–429. – DOI: 1032744Zpse.2022.524.

156. Ульянова, И. В. Исторические аспекты становления педагогического феномена «смыслоразностные ориентации личности» / И. В. Ульянова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 183–189.

157. Ульянова, И. В. Исторические этапы становления педагогики смыслоразностных ориентаций / И. В. Ульянова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. – 2021. – № 3 (57) 2021. – С. 203–224.

158. Ульянова, И. В. Феномен «смысл жизни» в образовательном процессе / И. В. Ульянова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 88. – С. 146–158.

159. Франк, С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Смысл жизни: Антология / общ. ред. и сост., Н. К. Гаврюшина. – Москва : Прогресс, Культура, 1994. – 591 с. – ISBN 5-01-003686-X (В пер.).

160. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. / В. Франкл / Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с. – ISBN 5-01-001606-0.

161. Фрейд, З. Недовольство культурой : перевод с немецкого / З. Фрейд. – Харьков: Фолио, 2013. – 220 с. – ISBN 978-966-03-6284-0.

162. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер с нем. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.

163. Хасанов, Г. А. Смысл жизни человека: гносеологический анализ : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.01 / Г. А. Хасанов. – Магнитогорск, 2005. – 141 с.

164. Челпаченко, Т. В. Философские аспекты дидактической системы В. А. Сухомлинского / Т. В. Челпаченко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 17. – С. 312–318.

165. Черникова, Т. В. Сочинение как метод диагностики представлений о будущем у подростков с нервно-психическими расстройствами / Т. В. Черникова, Н. Г. Туровская, А. В. Кондратович, К. Ю. Мещерякова,

О. Д. Туровская // Инновационные методы профилактики и коррекции нарушений развития у детей и подростков: межпрофессиональное взаимодействие: Сборник материалов I Международной междисциплинарной научной конференции. – Москва : ООО «Когито-Центр», 2019. – С. 102–106.

166. Чернышёва, А. В. Мифологизация реальности и реальность мифа в культуре информационного общества [Электронный ресурс] / А. В. Чернышёва // Гуманитарный вестник. – 2014. – Вып. 1. – <https://hmbul.bmstu.ru/articles/157/157.pdf> (дата обращения: 21.04.2026).

167. Чудновский, В. Э. К проблеме адекватности смысла жизни / В. Э. Чудновский // Мир психологии. – 1999. – № 2. – С. 74–80.

168. Чудновский, В. Э. Проблема становления смысложизненных ориентаций личности. / В.Э. Чудновский. // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 6. – С. 5 – 11.

169. Чудновский, В. Э. Психологические проблемы смысла жизни и акме (возрастной, профессиональный и социореабилитационный аспекты) / В. Э. Чудновский, А. А. Бодалев, Г. А. Вайзер, Е. Е. Вахромов, Н. Л. Карпова, А. В. Суворов // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2008. – Т. 1, № 2. – С. 50–59.

170. Чудновский, В. Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни / В. Э. Чудновский // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С. 3–14.

171. Чудновский, В. Э. Смысл жизни и судьба / В. Э. Чудновский. – Москва : Ось-89, 1997. – 208 с. – ISBN 5-86894-166-7.

172. Чудновский, В. Э. Смысл жизни как психологическая реальность / В. Э. Чудновский // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. – Москва: ПИ РАО, 1997. – С. 14–22.

173. Чудновский, В. Э. Смысл жизни: некоторые итоги и перспективы исследования / В. Э. Чудновский // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36, № 1. – С. 5–19.

174. Чудновский, В. Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» / В. Э. Чудновский // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, № 2. – С.15 – 26.

175. Чудновский, В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды / В. Э. Чудновский. – Москва : МСПИ, 2006. – 768 с. – ISBN 5-89502-903-5.

176. Шелехова, Л. В. Функции личностно-смысловой сферы / Л. В. Шелехова, А. А. Панеш // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 3 (46). – С. 21–23.

177. Шинкаренко, В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка / В. Д. Шинкаренко. – Москва : КомКнига, 2005. – ISBN 5-484-00253-2.

178. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр ; пер. с нем. – 2-е изд., испр. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 592 с. – ISBN 978-5-98712-537-3.

179. Шпрангер, Э. Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности / Э. Шпрангер / Пер. А. К. Судакова. – Москва : Канон +, 2014. – 399 с. – ISBN 978-5-88373-419-8.

180. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц; Пер. В. Г. Николаева, С. В. Ромашко, Н. М. Смирновой. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с. – ISBN 5-8243-0513-7.

181. Юдин, Г. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма / Г. Юдин // Социологическое обозрение. – 2013. – № 12 (2). – С. 122–132.

182. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – Москва : Ренессанс, 1991. – 304 с.

183. Юрова, К. И. Проблема смысла жизни в психологии: Учебное пособие / К. И. Юрова, И. А. Юров. – Пенза : Наука и Просвещение, 2017. – 144 с. – ISBN: 978-5-907023-53-6.

184. Яницкий, М. С. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Ю.В. Пелех // Философия образования. – 2013. – № 1 (46). – С. 175–186.

185. Яницкий, М. С. Ценностно-смысловая сфера личности : Учебное пособие / М. С. Яницкий, А. В. Серый. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. – 92 с. – ISBN 5-8353-0013-1.

186. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с. – ISBN 5-202-01717-0.

187. Ясперс, К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / К. Ясперс / пер. А. К. Судакова. – Москва : Канон+, 2012. – 384 с. – ISBN 978-5-88373-274-3.

188. Ястребова Е. Ю. Смысл жизни как социоорганизующий фактор личности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Е. Ю. Ястребова. – Санкт-Петербург, 2002. – 16 с.

189. Ячmeneва, М. В. Влияние социальных медиа на формирование семейных и гражданских ценностей молодежи в современной России: опыт социологического исследования / М. В. Ячmeneва // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 3 (22). – С.83–88.

190. Adler, A. What Life Should Mean to You / A. Adler ; ed. by A. Porter. – London : George Allen & Unwin, 1980. – 300 p. – ISBN 0-04-150076-X.

191. Adolescent Online Social Communication and Behavior: Relationship Formation on the Internet / Ed. by R. Zheng, J. Burrow-Sanchez, C. Drew. – Hershey; New York: Information Science Reference, 2009. – 280 p. – ISBN 978-1605669267.

192. Angulo, P. G., Mendoza J. S. Contreras E. C. and others The meaning of life as a mediator between self-esteem and Internet addiction in adolescents /

P. G. Angulo, J. S. Mendoza, E. C. Contreras, J. U. C. Martínez, C. B. E. Hernandez, M. E. C. Hernandez // *Enfermeria Global*. – 2021. – № 64. – P. 519–531. – DOI: 10.6018/eglobal.482691.

193. Antonovsky, A. Unraveling the mystery of health: how people manage stress and stay well / A. Antonovsky. – San Francisco, CA: Jossey Bass, 1987. – 238 p. – ISBN 978-1555420284.

194. Avellar De Aquino, T. A. La percepción de sentido de la vida en el ciclo vital: Una perspectiva temporal [Электронный ресурс] / T. A. Avellar De Aquino, V. Veloso Gouveia, E. Salvino Gomes // *Avances en psicología latinoamericana*. – 2017. – Vol. 35, № 2. – DOI: 10.12804/revistas.urosario.edu.co/apl/a.3728 (дата обращения: 21.04.2026).

195. Aydın, B. Resorting to Internet: A look at university students' problematic Internet use through meaning in life, self-efficacy and self-esteem / B. Aydın // *Journal of Human Sciences*. – 2017. – Vol. 14, № 2. – P. 1938–1950.

196. Battista, J. The development of meaning in life / J. Battista, R. Almond // *Psychiatry*. – 1973. – Vol. 36, №4. – P. 409–427. – DOI: 10.1080/00332747.1973.11023774/

197. Baumeister, R. F. Meanings of life / R. F. Baumeister. – New York : Guilford Press, 1991. – 426 p. – ISBN 978-0898625318.

198. Bengtsson, S. The Meanings of Social Media Use in Everyday Life: Filling Empty Slots, Everyday Transformations, and Mood Management / S. Bengtsson, S. Johansson // *Social Media + Society*. – 2022. – Vol. 8, № 4. – DOI: 10.1177/20563051221130292.

199. Berkup, S. B. Working with Generations X and Y in Generation Z period: management of different generations in business life / S. B. Berkup // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2014. – Vol. 5, № 19. – P. 218–229. – DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n19p218.

200. Blank, G. Age and Trust in the Internet: The Centrality of Experience and Attitudes Toward Technology in Britain / G. Blank, W. H. Dutton // *Social Science*

Computer Review. – 2012. – Vol. 30, № 2. – P. 135-151. – DOI: 10.1177/0894439310396186.

201. Bugental, J.F.T. The Search for Authenticity: An existential-analytic approach to psychotherapy / J. F. T. Bugental. – 2nd ed. enlarged. – New York: Irvingston publs., 1981. – 477 p. – ISBN 978-0829001082.

202. Crumbaugh, J. C. Manual of Instructions for the Purpose in Life Test / J. C. Crumbaugh, L. T. Maholick. – Munster : Psychometric Affiliates, 1969. – 8 p.

203. DeVogler, K. L. Categorization of College Students' Meaning of Life / K. L. DeVogler, P. Ebersole // Psychological Reports. – 1980. – Vol. 46, № 2. – P. 387–390. – DOI: 10.2466%2Fpr0.1980.46.2.387.

204. Ellison N. B. Sociality through social network sites / N. B. Ellison, D. Boyd // The Oxford handbook of Internet studies / Ed. by W. H. Dutton. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 151–172.

205. Emmons, R. A. Striving for the sacred: Personal goals, life meaning, and religion / R. A. Emmons // Journal of Social Issues. – 2005. – Vol. 61, № 4. – P. 731–745.

206. Frison, E. Toward an integrated and differential approach to the relationships between loneliness, different types of use, and adolescents' depressed mood / E. Frison, S. Eggermont // Communication Research. – 2020. – Vol. 47, № 5. – P. 701–728. – DOI: 10.1177/0093650215617506.

207. George, L. S. Meaning in life as comprehension, purpose, and mattering: Toward integration and new research questions / L. S. George, C. L. Park // Review of General Psychology. – 2016. – Vol., № 3 – P. 205–220. – DOI: 10.1037/gpr0000077.

208. George, L. S. The Multidimensional Existential Meaning Scale: A tripartite approach to measuring meaning in life / L. S. George, C. L. Park // The Journal of Positive Psychology. – 2017. – Vol. 12, № 6. – P. 613–627. – DOI: 10.1080/17439760.2016.1209546.

209. Godard, R. Are active and passive social media use related to mental health, wellbeing, and social support outcomes? A meta-analysis of 141 studies

[Электронный ресурс] / R. Godard, S. Holtzman // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2024. – Vol. 29, № 1. – URL : https://osf.io/preprints/psyarxiv/stw9n_v1. (дата обращения: 21.04.2026). – DOI: 10.1093/jcmc/zmad0.

210. Heidegger, M. Being and Time / M. Heidegger. – New York: Harper & Row, 1962. – 589 p. – ISBN 978-0060638504.

211. Heidegger, M. The Fundamental Concepts of Metaphysics: World, Finitude, Solitude / M. Heidegger. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. – 512 p – ISBN 978-0253214294.

212. Iorgulescu, M.-C. Generation Z and its perception of work / M.-C. Iorgulescu // Cross-Cultural Management Journal. – 2016. – Vol. XVIII, №. 1. – P. 47–54.

213. Irmer, A. Associations between youth's daily social media use and well-being are mediated by upward comparisons [Электронный ресурс] / A. Irmer, F. Schmiedek // Communications Psychology. – 2023. – Vol. 12, № 1. – URL: <https://www.nature.com/articles/s44271-023-00013-0> (дата обращения: 21.04.2026). – DOI: 10.1038/s44271-023-00013-0.

214. Karayığit, C. Meaning in life among emerging adults: An examination of gender, relationship status, and social media use / C. Karayığit, M. Ozier, A. Bloom, M. Weaver, S. Wiltz // Journal of Humanistic Counseling. – 2025. – Vol. 64, № 1. – P. 91–103. – DOI: 10.1002/johc.12222.

215. King, L. A., Hicks, J. A., Krull, J. L., & Del Gaiso, A. K.. Positive affect and the experience of meaning in life / L. A. King, J. A. Hicks, J. L. Krull, A. K. Del Gaiso // Journal of Personality and Social Psychology. – 2006. – Vol. 90, № 1. – P. 179–196. – DOI: 10.1037/0022-3514.90.1.179.

216. Längle, A. The Search for Meaning in Life and the Existential Fundamental Motivations / A. Längle // Existential Analysis. – 2005. – Vol.16, № 1. – P. 2–14.

217. Maddi, S. R. Existential Analysis / S. R. Maddi // The encyclopedic dictionary of psychology / Eds. R. Harre, R. Lamb. – Oxford: Blackwell, 1983. – P. 223 – 224.

218. Mann, R. B. Adolescents and social media: The effects of frequency of use, self-presentation, social comparison, and self-esteem on possible self imagery / R. B. Mann, F. Blumberg [Электронный ресурс] // Acta Psychologica. – 2022. – Vol. 228. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35661975/> (дата обращения: 21.04.2026). – DOI: 10.1016/j.actpsy.2022.103629.

219. McDonald, M. Meaning-in-Life Measures and Development of a Brief Version of the Personal Meaning Profile / M. McDonald, P. T. Wong, D. T. Gingras // The human quest for meaning: Theories, research, and applications. – Edition: 2nd. – New York: Routledge, 2012. – P. 357–382. – ISBN 978-1136508097.

220. Midgley, C. When every day is a high school reunion: social media comparisons and self-esteem / C. Midgley, S. Thai, P. Lockwood, C. Kovacheff, E. Page-Gould // Journal of Personality and Social Psychology. – 2021. – Vol. 121, № 2. – P. 285–307. – DOI: 10.1037/pspi0000336.

221. Orhan, A. Trait Emotional Intelligence Questionnaire Short Form (Teique-Sf): Reliability Generalization Meta-Analysis / A. Orhan // Personality and Individual Differences. – 2024. – Vol. 224. – P. 112633. – DOI: 10.1016/j.paid.2024.112633

222. Park, C. L. Meaning in the context of stress and coping / C. L. Park, S. Folkman // Review of General Psychology. – 1997. – Vol. 1, № 2. – P. 115–144. – DOI: 10.1037/1089-2680.1.2.115.

223. Petrides, K. V. The role of trait emotional intelligence in a gender-specific model of organizational variables / K. V. Petrides, A. Furnham // Journal of applied social psychology. – 2006. – Vol. 36, № 2. – P. 552–569.

224. Petrides, K. V. Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies / K. V. Petrides, A. Furnham // European journal of personality. – 2001. – Vol. 15, № 6. – P. 425–448.

225. Phenix, P. Realms of meaning: a philosophy of the curriculum for general education / P. Phenix. – New York : McGraw-Hill, 1964. – 391 p. – ISBN 978-0070497818

226. Pérez-Torres, V. Social media: a digital social mirror for identity development during adolescence / V. Pérez-Torres // *Current Psychology*. – 2024. – Vol. 43. – P.22170–22180. P. – DOI: 10.1007/s12144-024-05980-z.

227. Reker, G. T. Aging as an individual process: Toward a theory of personal meaning / G. T. Reker, P. T. P. Wong // *Emergent theories of aging* / Eds. J. E. Birren, V. L. Bengston. – New York : Springer, 1988. – P. 214–246.

228. Reker, G. T. Personal meaning in life and psychosocial adaptation in the later years / G. T. Reker, P. T. P. Wong // *The human quest for meaning: Theories, research, and applications*. – 2nd ed. – New York: Routledge, 2012. – P. 433–456.

229. Reker, G. T. Personal Meaning Orientations and Psychosocial Adaptation in Older Adults / G. T. Reker, L. C. Woo // *SAGE Open*. – 2011. – Vol. 1, № 1. – DOI: 10.1177/2158244011405217.

230. Royce, J. R. The encapsulated man: An interdisciplinary essay on the search for meaning / J. R. Royce. – Princeton : Van Nostrand, 1964. – 206 p. – ISBN 978-0442098650.

231. Royce, J. R. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes / J. R. Royce, A. Powell. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1983. – 304 p. – ISBN 0139144730.

232. Sala, A. Social Media Use and Adolescents' Mental Health and Well-being: an Umbrella Review / A. Sala, L. Porcaro, E. Gomez // *Computers in Human Behavior Reports*. – 2024. – Vol. 14. – P. 1–15. – DOI: 10.1016/j.chbr.2024.100404.

233. Schnell, T. Existential indifference: Another quality of meaning in life / T. Schnell // *Journal of Humanistic Psychology*. – 2010. – Vol. 50, № 3. – P. 351–373. – DOI: 10.1177/0022167809360259.

234. Schnell, T. The sources of meaning and meaning in life questionnaire (SoMe): Relations to demographics and well-being / T. Schnell // *The Journal of*

Positive Psychology. – 2009. – Vol. 4, № 6. – P. 483–499. – DOI: 10.1080/17439760903271074.

235. Shek, D. T. L. Meaning in life and psychological well-being: An empirical study using the Chinese version of the Purpose in Life Questionnaire / D. T. L. Shek // The Journal of Genetic Psychology. – 1992. – Vol. 153. – P. 185–200. – DOI: 10.1080/00221325.1992.10753712.

236. Sierra M. T. Meaning of life and the use of social networks in three stages of development [Электронный ресурс] / M. T. Sierra, M. O. Vela, I. L. Rodríguez, G. P. Aranda, S. E. Carmona, L. G. Reyes, L. V. P. Quijano // International Journal of History and Philosophical Research. – 2020. – Vol. 8, № 2. – URL: <https://www.eajournals.org/wp-content/uploads/Meaning-Of-Life-and-the-Use-of-Social-Networks-in-Three-Stages-of-Development.pdf> (дата обращения: 21.04.2026).

237. Soh, S. Identity development in the digital context / S. Soh, S. Talaifar, G. M. Harari // Social and Personality Psychology Compass. – 2024. – Vol. 18, № 2. – Article e12940. – DOI: 10.1111/spc3.12940.

238. Sommer, K. L. The construction of meaning from life events: Empirical studies of personal narratives / K. L. Sommer, R. F. Baumeister, T. F. Stillman // The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications. – 2nd ed. – New York: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2012 – P. 297–313. – ISBN 978-0203146286.

239. Steger, M. F. Making Meaning in Life / M. F. Steger // Psychological Inquiry. – 2012. – Vol. 23, № 4. – P. 381–385. – DOI: 10.1080/1047840X.2012.720832.

240. Steger, M. F. The Meaning in Life Questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life / M. F. Steger, P. Frazier, S. Oishi, M. Kaler // Journal of Counseling Psychology. – 2006. – Vol. 53, № 1. – P. 80–93. – DOI: 10.1037/0022-0167.53.1.80.

241. Torocsik, M. How generations think: Research on Generation Z / M. Torocsik, K. Szucs, D. Kehl // *Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio*. – 2014. – Vol. 1. – P. 23–45.

242. Wang, W. Longitudinal relationship between internet self-control and problematic internet use among Chinese adolescents: mediating role of meaning in life / W. Wang, J. Ye, Y. Zhu, D. Huang, X. Zhao // *Frontiers in Psychiatry*. – 2023. – Vol. 14. – 1258673. – DOI: 10.3389/fpsyt.2023.1258673.

243. Wang, W. The impact of internet adaptability on internet addiction: the serial mediation effect of meaning in life and anxiety / W. Wang, S. Ma, X. Han, X. Zhao // *Frontiers in Psychiatry*. – 2023. – Vol. 14. – 1268539. – DOI: 10.3389/fpsyt.2023.1268539.

244. Westerhof, G. J. In search of meaning: A reminiscence program for older persons / G. J. Westerhof, E. Bohlmeijer, M. W. Valenkamp // *Educational Gerontology*. – 2004. – Vol. 30, № 9. – P. 751–766. – DOI: 10.1080/03601270490498016.

245. Wong, P. T. P. Toward a Dual-Systems Model of What Makes Life Worth Living / P. T. P. Wong // *The human quest for meaning: Theories, Research and Applications*. – New York: Routledge, 2012. – P. 3–22.

246. Zhou, K. Understanding the link between social relationships and adolescent Internet addiction: Perspectives from two approaches to well-being / K. Zhou, X. Zhu, B. B. Chen // *Computers in Human Behavior*. – 2024. – Vol. – 150. – 107983. – DOI: 10.1016/j.chb.2023.107995.